

ЛАЗАРЕВ



Г. Островский



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В книге описывается жизнь и деятельность Михаила Петровича Лазарева. (1788–1851).

Крупнейший деятель Военно-Морского флота России первой половины XIX века, ученый-мореплаватель, знаменитый русский флотоводец. В 1819–1821 гг. совершил кругосветное путешествие, во время которого был открыт шестой материк света — Антарктида. За вклад в развитие русского флота был произведен в адмиралы и награжден высшими государственными наградами.

wiki.wargaming.net/ru

[Адаптировано для AlReader]



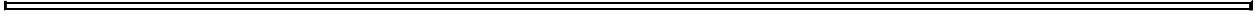
FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Б. Островский](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Основные даты жизни и деятельности](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 -
 -
 -
 -
 -

- -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
- -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
- [Кратная библиография](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)



ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М ГОРЬКИМ



ВЫПУСК 5

 (422)

МОСКВА

 1966

Б. Островский

ЛАЗАРЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

*Под редакцией
доктора военно-морских наук
адмирала Е. Е. ШВЕДЕ*

М., «Молодая гвардия», 1966

Глава I

Годы учения и первые успехи



Ранние детские годы русского флотоводца адмирала Михаила Петровича Лазарева протекали вдали от моря. Мальчик не имел понятия не только о море, но не видал даже порядочного озера, полноводной реки. Пленительная романтика морской стихии с ее бурями, опасностями и приключениями вовсе не коснулась его сознания.

Родился Лазарев 3 ноября^[1] 1788 года во Владимирской губернии в имении своего отца Петра Гавриловича Лазарева. Окруженное вековыми дубовыми лесами и превосходными фруктовыми садами, отцовское имение всего более располагало к уютному мирному существованию без тяжких дум и сомнений. Здесь царил примитивный уклад жизни. О море, о неведомых землях, населенных дикарями, здесь не думали и не говорили.

Да и не в моде было в то доброе старое время море. Большинству оно внушало скорее страх и недоверие, чем любовь. Не популярен был и флот.

Не жаловал моря и царь Александр I. С его легкой руки в широких кругах общества утвердилось представление, что флот России не нужен. «Россия — стране континентальная, земледельческая. К чему нам флот? Вот армия, это да! Она нужна, она наша спасительница, наша охрана. А флот? Разве для парадов!» Так рассуждали многие. И особенно такое

мнение было распространено среди живущих вдали от морских рубежей. «Где море, там и горе», — говорили папаши и мамыши и старались устроить своих сыновей по «сухопутной линии».

Но отец М. П. Лазарева придерживался иного мнения. Человек культурный и развитой, он не хотел видеть своих сыновей рядовыми чиновниками, погрязшими в болоте провинциальной жизни. К тому же зорким отеческим оком он подметил в своих мальчиках задатки, которые обещали сделать из них людей смелых, настойчивых и самостоятельных.

Особенно радовал его второй сын, пухлый, краснощекий, тихий нравом Миша, с его выразительными, не по-детски серьезными глазами. Он почти никогда не плакал, стойко переносил боль, ни на кого не ябедничал, но в случае надобности круто расправлялся с кем нужно по-своему. «Верю, что из Мишутки выйдет толк немалый», — говорил Петр Гаврилович.

О детстве Лазарева, об окружающей его среде и первых воспринятых им впечатлениях мы знаем очень мало. Здесь все темно почти с самого начала, и вероятную истину часто приходится воссоздавать интуицией.

Влияние родителей, в особенности матери, вкладывающей в юную душу первые представления о жизни и морали, исключительно велико. Но что мы можем сказать об этом влиянии, о материнских ласках и заботах, если знаем, что мать Лазарева скончалась много раньше его отца, умершего, когда Михаилу не было и двенадцати лет?

По-видимому, братья Лазаревы получили крепкое, строгое воспитание в духе спартанской дисциплины и чувства долга.

Но вот пришло время начать серьезно учиться. После долгих колебаний и раздумий Петр Гаврилович решил отправить сыновей в Петербург, в Морской кадетский корпус, где они, по его мнению, должны были получить солидное образование и выйти в «настоящие люди».

Но не пришлось Петру Гавриловичу увидеть своих ребятишек в морской форме, не пришлось им приехать к отцу на летние вакации. Когда 25 января 1800 года по Морскому кадетскому корпусу был отдан приказ: «Государь император указать соизволил умершего сенатора тайного советника Лазарева трех сыновей: 1-го, 2-го, 3-го — определить в Морской кадетский корпус», его уже не было в живых.

Этот первый официальный документ положил начало блестящей военно-морской карьере Михаила Петровича.

Уже с первых дней пребывания в Морском корпусе Лазарев проявил живой интерес к военно-морскому делу. Но больше всего его волновало море. Прогулки в воскресные дни на острова доставляли ему большое

удовольствие. Он располагался на берегу и подолгу всматривался в даль, а воображение рисовало картины одна другой заманчивей.

В детской душе совершался какой-то непонятный для мальчика переворот. Его интересы все упорнее сосредоточивались вокруг одной темы. И эта тема была море.

Первый поход Лазарев совершил на тендере^[2] в Кронштадт и Далее до Толбухина маяка. Необходимо было узнать, как примут кадеты-первогодки море, не «сдрейфят ли», не укачаются ли или, наоборот, отнесутся к нему с доверием, с любовью. Хотелось также ознакомить их с искусством гардемарин, которым поручалось вести тендер. В походе участвовал и Айдрей Лазарев День нарочно был выбран ветреный и ясный.

Тендер благополучно достиг Кронштадта, лихо пронесся мимо кроншлотских укреплений и вышел в открытое море. Ветер усилился, с моря шла крупная волна, тендер высоко подбрасывало. Многие уже «травили», другие ушли вниз, и лишь несколько человек, среди них оба брата Лазаревы, оставались на палубе.

Корабль подбрасывало все выше, все чаще взлетали впереди стены шипящих брызг; они рассыпались по палубе и орошали лица.

Ухватившись за снасть, Михаил Лазарев неотрывно смотрел вперед, и детская радость светилась в его глазах. Словно пелена спала с них, и он увидел, наконец, море, а в нем и свое будущее. Он приобщился в этот день к морской стихии и навсегда фанатически полюбил ее.

«Море! Ведь это же открытый путь во все части мира, во все страны света, в сердца людей!..» — Такие мысли все более овладевали сознанием не по возрасту развитого мальчика.

Но море ли то, что он видит вокруг? Ведь манящая, неоглядная даль только впереди, а по сторонам берега! И Лазаревым овладело сомнение... Все чаще падали на его лицо брызги. и тотчас же высыхали на ветру. Он лизнул губы и убедился, что они слегка солоноваты. «Море, море!».

Что же представлял собой в те времена Морской кадетский корпус, имевший такое большое значение в жизни Лазарева? Это было военно-учебное заведение, готовившее офицеров флота. Оно дало стране много выдающихся моряков и морских деятелей. Свое начало корпус ведет еще со времени Петра I, основавшего в Москве в 1701 году школу математических и навигацких наук. Преобразовывавшийся несколько раз, переселявшийся то в Москву, то в Кронштадт, то в Петербург, корпус в начале прошлого столетия стал принимать более или менее современное устройство.

В учебную программу были включены новые предметы, воспитательная система также претерпела значительные изменения.

Ученики уже не высиживали в классах по восьми часов подряд, не подвергались за малейшую провинность истязанию розгами, кнутом и шпицрутенами, их уже не сажали в карцер на хлеб и воду. В залах не висела площадная ругань и надзиратель-дядька из отставных унтеров не работал хлыстом по спинам воспитанников, «буде кто из них станет бесчинствовать».

Но, как и всюду, старое не сразу уступало место новому, и Лазарев еще долго наблюдал в корпусе дикие сцены расправы с учениками. Выхоленному в отцовском поместье барчуку все было здесь ново и непривычно. Но он мужественно переносил невзгоды и тяготы корпусного режима и быстро приспособился к здешним нравам и порядкам.

А на его способности скоро обратили внимание преподаватели, среди которых выделялись такие достойные и гуманные люди, как Гамалея, Горковенко и Ширинский-Шихматов, много сделавшие для облегчения тяжелой жизни воспитанников.

Платон Яковлевич Гамалея среди моряков и ученых пользовался большим уважением. В 1801 году он был избран почетным членом Академии наук, а в 1815 году назначен непременным членом государственного адмиралтейского департамента. Гамалея был не только преподавателем, но и инспектором классов. Он написал для воспитанников несколько превосходных по ясности изложения и богатству содержания учебников.

Гамалея очень хорошо относился к Лазареву. Он заложил в своем питомце не только прочные основы знаний, но и явился примером гуманного отношения к людям. Михаил Петрович всегда с большой теплотой отзывался о первом своем учителе.

Через три года после поступления в корпус Лазарева экзаменовали на звание гардемарина. Из 32 человек экзаменующихся он занял третье место. Звание гардемарина кадеты двух старших классов получали до производства их в первый офицерский чин мичмана. Но предварительно необходимо было еще отплавать две навигации.

И четырнадцатилетнего Лазарева назначили для плавания по Балтийскому морю на корабль «Ярослав», входивший в учебный отряд Морского корпуса под командованием известного мореплавателя и гидрографа контр-адмирала Г. А. Сарычева. Здесь, в море, он должен был практиковаться в астрономических наблюдениях и изучать морское дело.

Сохранилась любопытная инструкция 1803 года, из которой мы узнаем, какие требования предъявлялись гардемарину. Во время плавания он должен был ежедневно заниматься не менее двух часов теорией,

математикой и языками; далее следовали статьи, указывающие на необходимость «благопристойного» поведения, особенно в «чужестранном месте».

Плаванием на «Ярославе» далеко не закончилась школа Лазарева. Следом началась другая школа, еще более продолжительная и солидная.

Еще Екатерина II заключила соглашение с английским королем, по которому практиковаться на английский флот командировалось несколько человек гардемарин. И вот вместе с семьей лучшими по успехам товарищами был командирован волонтером в Англию и Михаил Лазарев.

В течение пяти лет, плавая на различных английских судах, Лазарев совершенствовался в морской практике и знакомился с постановкой военно-морского дела в иностранных флотах. Русские волонтеры были приравнены к английским гардемаринам — «мидшипменам» («midshipman») и несли службу на вахтах в качестве помощников офицеров. Лазарев побывал, между прочим, в Вест-Индии. Он убедился теперь на опыте, что знание географии для моряка так же необходимо, как и знание навигации. И он усердно стал изучать географию, этнографию и историю. «Просвещенный моряк должен знать все страны света, это знание может иногда очень и очень ему пригодиться», — говорил Лазарев, и ближайшее будущее показало, насколько он был прав.

В перерывах между плаваниями Лазарев посещает английские верфи, доки и суда, внимательно присматривается к техническим приемам строительства судов, к их конструкции, к качеству строительных материалов, к порядкам на кораблях английского флота.

Впоследствии, в своих письмах к А. А. Шестакову, также плававшему на английских кораблях, Лазарев говорил, что при осмотре английских баз многому научился. Лазареву исполняется 19 лет. По годам он юноша, по опыту же, знаниям и морской закалке — бывалый моряк, прекрасно овладевший английским языком.

В 1808 году русские гардемаринны возвращаются на родину и держат экзамены на первый офицерский чин мичмана. Получают его, так сказать, задним числом их офицерский стаж исчисляется с 27 декабря 1805 года, с того самого дня, когда были произведены в мичманы их не стажировавшиеся в Англии одноклассники.

Тильзитский мир, бросивший Александра I в объятия Наполеона, заставил Англию объявить России войну. Кораблям Балтийского флота приказано находиться в полной боевой готовности. Вскоре на Балтике появились английские корабли. Им навстречу вышел из Кронштадта отряд

под командованием вице-адмирала Ханькова. На корабле «Благодать» плавал мичман Михаил Петрович Лазарев. У острова Гогланд русская флотилия захватила пять шведских транспортов и конвоировавший их бриг. Швеция воевала на стороне Англии. Тем временем к английской эскадре присоединилось еще несколько кораблей. Силы стали неравны, адмирал Ханьков уклонился от сражения и, преследуемый неприятелем, направился в Балтийский порт. На пути корабль «Всеволод» отстал и, обходя риф у острова Малый Рого сел на мель.

Адмирал Ханьков распорядился послать со всей эскадры шлюпки на помощь «Всеволоду». Но спасти корабль не удалось. После отчаянного абордажного боя «Всеволод» был сожжен англичанами, а шлюпка с «Благодати», на которой находился мичман Михаил Лазарев, была захвачена со всей командой в плен^[3].

В плену Лазарев пробыл недолго. Не прошло и года, как он снова плавает на кораблях Балтийского флота. Начальство неизменно дает о нем отличные отзывы. Командир корабля «Благодать» капитан-командор Бычинский так отзывался о Лазареве: «Поведения весьма благородного, в должности знающ и отправляет оную с неутомимым рачением и расторопностью».

Конец октября 1810 года принес сильные морозы. Они застали врасплох Балтийскую эскадру, крейсировавшую в Финском заливе. Необходимо было спешить в базы, но грянувший шторм разлучил корабли, некоторые из них потерпели аварию. На помощь им был выслан из Кронштадта бриг «Меркурий», на котором плавал Лазарев.

На бриге были, конечно, и более солидные по возрасту и опыту моряки, чем двадцатидвухлетний мичман, но почему-то так случилось, что он занял центральную роль в спасательных операциях. Лихо управляя катером на высокой волне, промокший до нитки, он спасал людей с бедствовавших канонерок. А закончив это дело, вместе с мичманом Шапиревым бросился Цыручать люгер^[4] «Ганимед», засевший на мели к северу от Толбухина маяка. Его проворство и хладнокровие в самые рискованные моменты удивили даже бывалых моряков. Командир «Меркурия» капитан-лейтенант Богданов доносил о нем командиру Кронштадтского порта контр-адмиралу Моллеру: «Мичман Лазарев, отправленный для подания помощи люгеру «Ганимед», доказал при сем случае совершенную его деятельность». Богданов просит доложить о Лазареве государю для исходатайствования ему «монаршей милости».

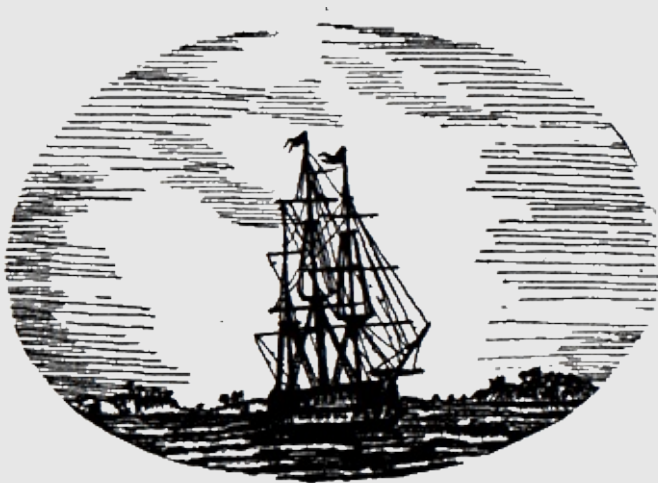
Отечественная война застаёт Лазарева на двадцатичетырехпушечном

бриге «Феникс». Вместе с другими кораблями Лазарев защищает Рижский залив от вторжения неприятеля. Что-бы отвлечь французские войска от Риги, военное командование решает высадить десант в захваченный французами Данциг. Эта сложная задача возлагается на отряд капитана второго ранга Тулубьева, в состав которого входил и «Феникс». И в ожесточенной бомбардировке Данцигской крепости и в высадке десанта Лазарев принимает самое деятельное участие.

В ноябре 1813 года Михаилу Петровичу исполняется двадцать пять лет. Он уже лейтенант. За его плечами почти тринадцать лет морской службы. Помимо кадетских плаваний, в его формуляре числится одиннадцать морских кампаний. Он чувствует себя вполне подготовленным для самостоятельного командования кораблем. С этим согласно и его начальство.

Глава II

Кругосветное плавание на корабле «Суворов»



Промысловые артели, обосновавшиеся в русских владениях Америки, хищнически уничтожали природные богатства нового края. Чтобы предупредить хищничество, была основана Российско-Американская компания, в 1799 году она объединяла все разбросанные на Алеутских островах и на Аляске русские промысловые артели. Цель объединения — планомерная эксплуатация русских колоний в Америке. Компании были предоставлены большие права и привилегии. Центром русских владений в Северной Америке с 1804 года стал порт и крепость Ново-Архангельск на острове Ситка. Помимо монопольного права на промысел морского и сухопутного зверя, компания могла строить суда, приспособлять для них гавани, расширять сеть русских поселений, иметь вооруженные силы, вести торговлю с зарубежными странами. Агенты компании стали продавать пушнину, моржовые клыки и китовый ус в Калифорнию, Соединенные Штаты, Китай, Филиппины, Чили, Перу, Канаду, Англию.

На компанию была также возложена задача открывать и присоединять к России новые острова и земли, расположенные в Тихом океане.

Правительство активно поощряло деятельность Российско-

Американской компании, и многие крупные сановники, даже сам Александр I, числились ее пайщиками.

Американские колонии нуждались во многом. Не только соль, дробь, порох, канаты, якоря, но и хлеб приходилось доставлять в них из центральных районов страны. Перевозки через Сибирь при тогдашних путях сообщения были изнурительны, дороги и опасны. От них пришлось отказаться и обратиться к морскому пути. Путь вокруг света, через три океана, был хотя и длиннее, но гораздо удобнее и выгоднее.

В начале XIX века русскими моряками было произведено несколько замечательных кругосветных экспедиций: в 1803–1806 годах экспедиция Крузенштерна и Лисянского на шлюпах^[5] «Надежда» и «Нева», в 1806–1807 годах Гагемейстера на шлюпе «Нева», в 1807–1811 годах Головнина на шлюпе «Диана».

Первым кораблем, предназначавшимся для плавания в Русскую Америку после окончания Отечественной войны 1812 года, был «Суворов», принадлежавший Российско-Американской компании. Командный состав его состоял из трех офицеров и двух вольнонаемных штурманов. Корабль должен был идти под коммерческим флагом.

Командиром «Суворова» был назначен капитан-лейтенант П. Н. Макаров. Перед самым отходом в плавание корабль посетили директора Российско-Американской компании, чтобы дать командиру последние указания по закупке и обмену товаров в зарубежных портах. Но Макаров не стал их слушать. Он неожиданно заявил, что не согласен вести корабль на предложенных ему условиях и требует увеличить его содержание на две трети оклада. Он был уверен, что директора, взятые за горло, не откажут ему: корабль должен был срочно выходить в море.

— Но ведь вы подписали договор, — заметили ему.

— Ну и что ж, что подписал. Договор можно переписать, была бы гербовая бумага, — развязно ответил им командир.

Директорам не пришлось совещаться.

— Так поступать, господин капитан-лейтенант, нечестно, — заметил директор Крамер. — Кто нарушает договор, не приступив еще к делу, к тому у нас не может быть доверия. Мы не только отказываемся увеличить вам содержание, но и вообще отказываемся от ваших услуг... Передайте корабль и дела старшему офицеру, а себя можете считать с сегодняшнего дня свободным.

Среди кронштадтских военных моряков директора компании стали срочно подыскивать опытного и знающего командира для «Суворова». Однако дело оказалось далеко не легким. Правда, несколько человек

предлагали свои услуги. Но то были моряки или очень пожилые, отставные, или слишком молодые, без достаточного опыта.

Компания обратилась за советом к директору маяков Финского залива генерал-майору Леонтию Васильевичу Спафарьеву, большому знатоку морского дела и моряков.

— Считаю, что в Кронштадте сейчас нет лучшего моряка на это дело, чем лейтенант Михаил Петрович Лазарев-второй, — ответил Спафарьев. — Разумен, толков, честен, знающ и твердого характера человек... Молод, правда, но не уступит и бывалому...

Вечером директор Крамер отправился на квартиру Лазарева с письмом от Спафарьева. Отворил сам хозяин. Выше среднего роста, в сюртуке нараспашку, с лицом обветренным и загорелым, он казался старше своих лет. Но некоторый налет суровости на лице сразу же рассеялся, когда он прочел письмо от Спафарьева. Без всяких колебаний и расспросов, каковы условия плавания, содержание и прочее, Лазарев согласился вести «Суворова» вокруг света, в Русскую Америку. Лазареву было установлено то же содержание, что и его предшественнику Макарову, а в случае успешного окончания похода обещаны награды в размере 800 рублей за каждый год плавания.

На «Суворове» закипела работа. Время наступало позднее, необходимо было спешить. Прежде всего Лазарев подробно познакомился с матросами. Расспросил каждого, какой он губернии, плавал ли, что умеет делать. Доктор производил подробный медицинский осмотр. Из прежней команды «Суворова» большинство матросов осталось. Себе в помощники Лазарев пригласил товарищей по Морскому корпусу: Семена Яковлевича Унковского и Павла Михайловича Повало-Швейковского.

Сам Лазарев не оставил сочинений с описанием своих плаваний. Унковский же во время плавания вел дневник. В его книге «Истинные записки моей жизни» уделено внимание и плаванию на «Суворове». Дополнением к труду Унковского служат записи штурмана корабля Алексея Российского.

Кругосветное плавание на «Суворове» оказало большое влияние на всю последующую деятельность Лазарева как моряка и ученого. Он не был теперь стеснен чужой волей и действовал вполне свободно и самостоятельно. Особенно его радовало, что план научных исследований разработан им самим.

Лазарева нельзя назвать ни фантазером, ни мечтателем. Несмотря на свою молодость, он был вполне трезвым реалистом и ясно понимал, с какими трудностями и опасностями придется ему встретиться в пути. Но

он не сомневался в себе и верил в свой авторитет среди подчиненных. С людьми он умел разговаривать, подчинять их своей воле и влиять на них. Начиналось сентябрьское ненастье, с порывистыми ветрами и дождями. Лазарев усиленно готовил корабль. Днем наблюдал за судовыми работами, принимал груз, ездил по компанейским Дела́м в Петербург. По вечерам же, разложив в кают-компани́и на столе морские карты, изучал берега, мели, входы на рейды и гавани стран, где придется побывать «Суворову». До глубокой ночи знакомился с литературой, посвященной этим странам, с их географией, естественно историческими особенностями, историей, политическим строем, экономикой.

Нерадивость его предшественника, капитан-лейтенанта Макарова выявлялась с каждым днем все более и более. Плохо были вытянуты ванты и весь стоячий такелаж. Еще хуже обстояло с креплением палубного груза и с корабельным инвентарем. Плохо пришлось бы кораблю, попади он с такими креплениями в шторм! Лазарев многое переделывает. Всем находит работу по плечу, случается, сам показывает, что и как надо сделать.

Лазарев не любил шумных, помпезных проводов и встреч. Отправляясь в трехлетнее плавание, он постарался свой уход обставить возможно скромнее. В полдень 8 октября, после молебна, лишь только шлюпка с провожающими отвалила от борта, «Суворов» снялся с якоря.

В воздухе нависла слезливая муть, задернувшая пологом все вокруг. Временами шел дождь, скорее похожий на снежную крупу. Отплывали с запозданием недели на две. Начиналась пора балтийской осени, когда от погоды можно ожидать всяких сюрпризов.

На «Суворове» находились лейтенанты старший офицер С. Унковский, П. Повало-Швейковский, врач Шеффер. Матросов было 26 человек и семь промышленников. На корабле находились также уполномоченный по торговым делам Российско-Американской компании Молво и его помощник Красильников. Всего, следовательно, в походе участвовал сорок один человек.

Плавание «Суворова» протекало не в обычной обстановке. Наполеоновская эпопея еще не закончилась.

Дойдя до шведских берегов, моряки увидели великое множество торговых кораблей, державших путь в шведский военно-портовый город Карлскрона. «Что это значит?» — обратились суворовцы к шведскому лоцману. Оказалось, что верные союзники французов — датчане при всяком удобном случае нападают на суда противников и уводят их в плен или топят. В целях безопасности английские и шведские власти решили соединять торговые корабли в большие группы, которые бы следовали по

назначению под охраной военных кораблей.

Через несколько дней «Суворов», включившись в большой конвой, проходил мимо грозной датской крепости Кронберг, расположенной в наиболее узкой части пролива Зунд. Разглядывая в трубу крепостные укрепления, Лазарев заметил:

— Как бы датчанин не стукнул! — И он приказал рулевому ближе держаться шведского берега.

И в самом деле, лишь только корабль очутился на траверзе Кронберга, из крепости открыли огонь. Туманная погода не позволила им пристреляться, попаданий не было.

«Суворов» подходил к Портсмуту — главному военному порту Англии. Впереди сверкал огромный Спитхедский рейд с нескончаемым лесом корабельных мачт.

На палубу «Суворова» поднимается представитель местного адмиралтейства. Вид у него ликующий. Он поздравляет моряков с новыми победами русского оружия. «Рашен, рашен» — говорит он, протягивая вперед руку; Лазарев всматривается, и радость охватывает его. Вдали развеваются андреевские флаги русской эскадры вице-адмирала Кроуна. Эскадра сражалась в Северном море, помогала русским сухопутным войскам очищать голландское побережье от французов. В Портсмут они пришли исправить полученные в бою повреждения и пополнить запасы.

«Суворов» становится на якорь. Лазарев приказывает подать вельбот и в полной парадной форме отправляется с визитом к адмиралу Кроуну.

Лазарев предполагал пробыть в Портсмуте не более трех недель.

В Англии при перегрузке корабля оказалось, что ценный продовольственный груз перемешан с другими грузами. Для мешков с сухарями не нашли лучшего места, как на бочках с пресной водой. От такого соседства сухари заплесневели, и их пришлось выбросить за борт. Таковы были плоды бесхозяйственно-легкомысленного отношения к делу бывшего командира «Суворова». Но вот уже третий месяц на исходе, все ремонтные работы давно закончены, а «Суворов» не снимается с якоря. Агент Российско-Американской компании Молво, окунувшись с головой в ночной веселящийся Лондон с его ресторанами, барами и кафешантанами, делает все возможное, чтобы задержаться в городе подольше. Он ссылается на разные причины, якобы мешающие покончить дела и доставить грузы на корабль. Наконец Лазарев перестает ему верить. Он сам отправляется в Лондон и узнает, чем занимается Молво на берегу.

Вернувшись на корабль, Лазарев приказывает, лишь только явится агент, прислать его к нему.

— Милостивый государь! — грозно встретил он Молво. — Я не намерен более оставаться в Портсмуте. Вы развратничаете, пьянствуете на берегу и обманываете меня. За бесполезную стоянку в столь позднее время я предъявлю вам значительный иск. И если через два дня все грузы не будут доставлены на корабль, я уйду в море без вас и списываю вас с корабля. Ни одного лишнего дня я здесь не пробуду.

Через день все грузы были на корабле, и 27 февраля «Суворов» покинул Портсмут под конвоем английского военного корабля.

В Ла-Манше было мрачно и тоскливо. Набежавшая серая дымка все более заволакивала берега, и вскоре они скрылись из виду.

«Суворов» выходил на широкие просторы Атлантики. Величественный сверкающий океан лежал впереди. Широкими, огромными рядами гнал он зыбь, плавно подымая и опуская корабль. Попутный ветер радовал моряков. С каждым днем становилось все теплее. Вдали зазеленели неясные очертания острова Мадейры.

Дальше «Суворов» должен был продолжать путь без конвоя. Пожелав друг другу счастливого плавания, корабли разошлись в разные стороны.

Подходили к экватору. Моряки всех стран отмечают переход через экватор праздником в честь бога моря Нептуна. Уже несколько дней готовились к этому торжеству суворовцы. В момент пересечения экватора грянул выстрел из орудия. Праздник продолжался до позднего вечера.

Во время плавания Лазарев внимательно изучал характер морского волнения, высоту и длину волн, силу и стремительность их удара и многое другое, что могло бы ему пригодиться в будущих плаваниях.

Вблизи Мадейры моряки выловили акулу, или, как тогда называли эту рыбу за прожорливость, прожору. Прожора была вскрыта и тщательно исследована. Почти всегда в открытом море «Суворова» сопровождало множество птиц, чаще всего альбатросов. Матросы заводили с птицами дружбу и кормили их.

Переход из Портсмута в Рио-де-Жанейро продолжался около двух месяцев!

Лазарев был неистощим в придумывании разных работ и занятий, а в свободные часы развлечений: игр, борьбы, гимнастических упражнений. Иногда в открытом море корабль ложился в дрейф, спускались шлюпки и начинались парусные и гребные гонки на приз. И сколько неподдельною оживления вносили они в однообразную жизнь суворовцев!

На каждом корабле всегда можно было найти музыкально одаренных матросов. На «Суворове» был организован хор, выступавший по вечерам на баке. Не только матросы, но и офицеры с большим удовольствием слушали

на чужбине, вдали от родины, русские песни. Певцов сменяли плясуны и исполнители на дудках.

Поутру 21 апреля моряки заприметили Сахарную Голову — так называлась гора у входа в бразильский порт Рио-де-Жанейро. Видная издалека, она служила природным маяком.

Порядки, с которыми столкнулся Лазарев еще до вступления на берег, не сулили ничего хорошего. Появившийся на «Суворове» лоцман, важного вида португалец, как выяснилось, дела своего не знал и не был допущен Лазаревым к управлению кораблем. Он, впрочем, нисколько не смутился и, попросив закусить и выпить, спустился в каюту. «Приличие требовало, однако, — замечает Унковский, — принять его как лоцмана».

К кораблю неслись со всех сторон шлюпки. Оказалось, что это представители местной портовой администрации спешат на «Суворов» проверить судовые документы. Проверка одних и тех же документов продолжалась бесконечно долго, причем один из проверявших держал бумаги вверх ногами.

Наконец чины удалились, оставив на корабле двух вооруженных солдат. Только после этого было разрешено стать на якорь. Но на этом еще не закончилась волокита. Для посещения города необходимо было командиру в сопровождении солдат явиться лично в комендантское управление, где ему учинили допрос; после этого следовал визит к генерал-полицмейстеру, который и выдал, наконец, разрешение сходить на берег. Лазарева сопровождал Унковский. Покончив с делами, они вышли на улицу.

Вдруг Унковский, что-то заметив, остановился.

— А что это, Михаил Петрович, там внизу, на берегу, делается? Откуда столько арапов понабралось?

Остановился и Лазарев.

— Не иначе, как очередную партию живого товара из Африки привезли, — ответил он.

И в самом деле. На рейде стоял небольшой корабль. Он доставил в Рио несколько сот негров, похищенных из родных гнезд португальскими «охотниками за людьми». Какими только средствами не пользовались работорговцы! В ход шли и лживые обещания и опаивание, а порой несчастных просто связывали веревками и в таком виде бросали в трюм. Пятьдесят два дня находились негры в душном, сыром трюме, почти не видя «света божия».

Шатаясь, выходили теперь из трюма голые мужчины и женщины. Мутными глазами обводили они окружающее и с жадностью, глубоко

вдыхали свежий воздух. Больных и еле волочащих ноги «подбадривали» ударами плетей. Когда вышли все живые и их доставили на берег, стали выносить трупы умерших.

Вечером того же дня Унковский, уединившись в своей каюте, при свете свечи заносил в дневник: «11 мая 1814 года пришел с моря португальский бриг, на котором привезено 500 африканских арапов для продажи; тот бриг был в море 52 дня. Я видел сих несчастных, продаваемых на рынке своими хозяевами как зверей, не имея к ним никакого сострадания. Город С. Себастьян заполнен сими несчастными жертвами надменных португальцев. Все тяжкие работы исполняются невольниками, и ни один природный португалец не снискивает трудов рукоделием, но каждый имеет несколько невольников, которых он употреблять может по своей воле, и, утопая в лени, торжествует над сими несчастными, которые должны приносить ему ежедневно положенное количество денег, но если оный не может приобрести положенной суммы, то получает крепкие наказания».

После посещения Лазаревым русского посла морякам разрешили беспрепятственно съезжать на берег, осматривать что им вздумается и свободно вести торговые операции. А в день своего рождения вице-король пригласил русских офицеров ко двору, на торжественный прием и обед. Здесь присутствовали все члены королевского дома и представители иностранных государств. Вечером Лазарева с Унковским пригласили в театр, где давались опера Глюка «Альцеста» и балет.

Получив разрешение осматривать что им вздумается, моряки отдали дань своей любознательности. Они убедились, что Рио-де-Жанейро действительно один из лучших по естественным условиям портов мира. Капиталистический интернациональный город уже в то время привлекал множество судов из Европы и других стран. Здесь находились консульства и торговые представители почти всех крупных государств. Всего прибыльнее торговали здесь неграми, кофе, льняными семенами и сахарным тростником. Сам город с его восьмидесятитысячным населением был неблагоустроен и крайне неопрятен. На узких и грязных улицах кучами лежал мусор, помои выливались из окон прямо на улицу. Бросалось в глаза обилие монахов и всяких священнослужителей.

По вечерам, когда спадала дневная жара, город оживал. Облаченные в яркие, колоритные одежды, на улицу всходили женщины в сопровождении своих кабальеро. Раздавалась музыка, из окон неслось пение, на площади начинались пляски. Живые жесты, звучный жаргон — все это волновало, кружило головы и невольно вовлекало зрителей в общее веселье.

Английский пакетбот принес радостное известие: французские войска потерпели полное поражение и русская армия во главе союзных войск вступила в Париж. Событие мирового значения, происшедшее 18 марта, стало известным в Рио-де-Жанейро лишь 16 мая! Война казалась законченной, «тиран Европы» низвергнут. Отныне корабли могут спокойно плавать, не нуждаясь в конвоирах. Русским морякам, где бы они ни появлялись, оказывали всякое внимание. Когда Лазарев сообщил о событии суворовцам, в ответ раздалось могучее троекратное «ура», поддержанное стоящими на рейде соседними судами. Все судовые работы в этот день были прекращены.

Однако необходимо было спешить с отходом из Рио-де-Жанейро. «Суворову» предстоял большой и трудный путь. Достичь Русскую Америку можно было или обогнув знаменитый своими непогодами мыс Горн (это был бы наиболее короткий путь), или же, следуя на восток, минуя Африку и обойдя с востока Австралию. Лазарев остановился на втором варианте. Он хорошо знал, что в эту пору у мыса Горн свирепствуют бури такой чудовищной силы, что «Суворов» не сможет выйти из них победителем. Вот причины, заставившие Лазарева идти вокруг Австралии.

В Рио-де-Жанейро моряки хорошо отдохнули. Снова проконопатили вечно текущий корабль, кое-что исправили, обеспечили себя солидными запасами провизии.

Переход в Австралию оказался на редкость трудным и беспокойным. Уже при входе в Индийский океан разыгрался такой шторм, какого моряки еще не видели со времени выхода из Кронштадта. Над головой нависло зловещее сине-черное небо. Рваными клочьями неслись низкие облака. Постепенно усиливаясь, ветер развел огромную волну; с каждой минутой она становилась все размашистее и крупнее. Казавшийся теперь игрушечным «Суворов» с мачтами целиком проваливался в широкие ложбины между волн и затем с трудом всползал на вспененные, клокочущие гребни... Корабль захлестывало со всех сторон. С грохотом рушились на палубу целые горы воды. Дрожа как в лихорадке, валился корабль набок, и казалось, нет ему спасения... Давно уже убраны почти все паруса.

Лазарев не покидал шканцев в продолжение всего шторма. Спокойно стоял он у штурвала, отдавая отрывистые приказания четырем рулевым.

Обезумевшие от ужаса Молво и Красильников да еще доктор Шеффер со стонами и причитаниями метались в своих крохотных каютах. Во всем они винили «упрямого» Лазарева, не внявшего их «мудрому» совету задержаться в Рио-де-Жанейро до лета.

Трое суток бушевал шторм и утомил всех до полного изнеможения.

Шатаясь, еле передвигая ноги, Лазарев добрался до своей каюты, грохнулся, не раздеваясь, на койку и тотчас заснул. Вестовой с трудом стащил с него сапоги и промокший плащ.

«Суворов» оказался выносливым и надежным кораблем, пригодным для самых серьезных испытаний.

После первого шторма грянул второй, но моряки успели выбраться из опасной зоны.

Куда же занесло корабль? Определились. Оказалось, что «Суворов» на параллели $44^{\circ}3'$ южной широты и на меридиане $139^{\circ}27'$ восточной долготы. Моряки облегченно вздохнули. Это был район относительно спокойный, не угрожавший в зимнюю пору штормами. Отсюда путь лежал на север, к берегам Австралии.

Астрономические определения Лазарева, можно сказать без преувеличения, по своей точности сделали бы честь даже современному мореплавателю.

Вот что заносит в свой дневник Унковский при подходе «Суворова» к берегам Новой Голландии^[6]: «Здесь мы поверили наше счисление и взяли новое... Наша долгота разлилась (с истинной долготой) только десятью милями, а хронометр показал 30 миль севернее... Эту малую погрешность почти за три месяца (пребывания в океане, где определялись только по небесным светилам) нельзя признать за погрешность».

Дни шли за днями. Купол ярко-синего неба над головой и неоглядная ширь океана — вот все, что видели моряки. А по ночам кругом непроницаемая черная мгла, в которой затерялся ничтожно маленький «Суворов».

Но иногда ночной океан загорался зеленовато-нежным фосфорическим пламенем, и в первое мгновение казалось, что вот-вот вспыхнет и корабль. Это было волшебное, незабываемое зрелище! Нигде свечение моря не достигает такой силы, как в тропических морях. Корабль режет воду, отбрасывая снопы ярких искр, а позади, извиваясь, тянется длинный огненный след от бесчисленных, невидимых глазу студенистых существ — ноктилуков. Они светят подчас настолько ярко, что можно читать.

Лазарев спешил в Австралию! Там можно будет привести корабль в полный порядок и хорошо отдохнуть. «Одним мореходам понятна, — замечает Унковский, — та радость, какая ощущается после долгого плавания при виде берега, и особенно после такого затруднительного и сопряженного с большими опасностями плавания, как наше в зимнюю пору».

Но вот, наконец, и благословенная Австралия! 12 августа изрядно потрепанный «Суворов» входил в порт Джексон (город Сидней), приветствуемый жителями. Они не привыкли к посещению кораблей, тем более иностранных. Заход же русского корабля был вторым по счету за всю историю города.

Сидней — первый и старейший город Австралии. Основывая его, англичане проявили замечательную проницательность.

Развернувшаяся перед моряками панорама даже с борта корабля казалась «земным раем».

Утопая в зелени, лепились миниатюрные домики. Тысячами порхали звонкоголосые птицы разных окрасок, и крик их сливался с грохотом дробящегося вдали океанского прибоя. А на заднем плане рисовались в легкой дымке вершины Голубых гор. Живительный, напоенный ароматами воздух недаром создал славу здешнему климату, как одному из лучших в мире.

Такая природа дает возможность каждому жителю города, как замечает С. Унковский, «пользоваться плодами всякого рода в изобилии, при малом приложении трудов». Он же проницательно заметил, что Австралия «со временем делается одним из богатейших селений англичан».

В Австралии еще не знали о грандиозных событиях, происшедших в Европе. «Суворов» первым возвестил о них. Быстро разнеслась по городу радостная весть. Люди ликовали и поздравляли друг друга. Загремели крепостные орудия, и народ повсюду приветствовал русских офицеров — и матросов. «Весь город казался в сие время счастливейшим в свете, — замечает штурман «Суворова» Российский. — Кто бы из нас мог вообразить, что на другой день нашего здесь пребывания мы проведем время с таким удовольствием!»

Пошли банкеты, приемы, обеды, вечера. Главное внимание уделялось, конечно, Лазареву. Его английский язык, элегантные манеры, умение говорить, произносить тосты и поддерживать любой разговор сделали его желанным гостем в домах Сиднея.

Почти ежедневно являлся на «Суворов» посланный от губернатора с предложением разных услуг. Когда Лазарев заявил, что ему необходимо привести «Суворов» в полный порядок, ему прислали лучших конопатчиков и столяров.

Морякам захотелось познакомиться с местным коренным населением — австралийцами, и вскоре такой случай представился. Необходимо было определить поправку хронометров Лазарев поручил это дело штурману

Российскому. Забрав хронометры и астрономические инструменты, Российский в сопровождении нескольких матросов отправился за город.

— Ваше блаюродие, а ведь за нами следят, — доложил Российскому матрос.

Российский обернулся, но никого не увидел; туземцы спрятались в кусты и оттуда наблюдали за моряками. Но вскоре они осмелели, вышли из засады и, усевшись на траву, пристально следили за работой. Российский встревожился. А что, если туземцы, заподозрив недоброе, нападут и побьют инструменты? Но опасения были напрасны. Одно лишь жгучее любопытство тянуло туземцев к путешественникам. Всех смелее оказалась женщина. Она вплотную подошла к морякам. Вероятно, кокетства ради она разрисовала себя разными красками. Вокруг рта была проведена широкая белая полоса. Груды были выкрашены одна в желтый, другая в красный цвет; на живот и бедра были нанесены разноцветные полосы. С помощью жестов она просила дать ей посмотреть в зрительную трубу теодолита. Увидев в линзе свое изображение, она испугалась и вскрикнула. На крик прибежали ее спутники и тоже стали смотреть в трубу. Удовлетворив свое любопытство, они удалились разочарованные.

Желая «порадовать» дорогих гостей, сиднейцы пригласили русских моряков посмотреть на так называемые «игры» туземных жителей.

Российский так рассказывает об этом зрелище: «Нельзя даже вообразить, с какой свирепостью и отчаянием нападают дикари друг на друга, бьют и отбиваются; если же кто, лишившись сил, упадет, то мгновенно с зверской радостью добивают его до смерти, ударяя по виску дубиной. Кровь лилась ручьями: у кого из головы, у кого из груди или плеча; у одного глаз был выколот, у другого во лбу торчал конец копья. Всякий чувствительный человек содрогнулся бы при сей зверской битве. Но англичане вместо того, чтобы отвращать диких, стараются еще более раздражить их друг против друга... Смотреть на мучения себе подобных сделалось их увеселительным зрелищем...»

2 сентября «Суворов» покидал Сидней. Празднично одетые зрители провожали русский корабль.

В конце сентября в открытом океане обнаружили птиц — верный признак близкой земли. Но на картах никакой земли и островов в этом районе не значилось. Лазарева охватило радостное волнение: поблизости непременно должна быть суша, и он ее откроет!

Вечером в северо-восточном направлении действительно увидели сушу. Быстро темнело, наступала ночь. Лазарев приказал убрать лишние

паруса и до рассвета лечь в дрейф. Однако глубины были здесь весьма основательные. Лазарев почти не смыкал глаз в эту памятную ночь. Воображение рисовало картины одна заманчивее другой. Унковский, видя душевное состояние друга, жал ему руку и уже поздравлял с открытием.

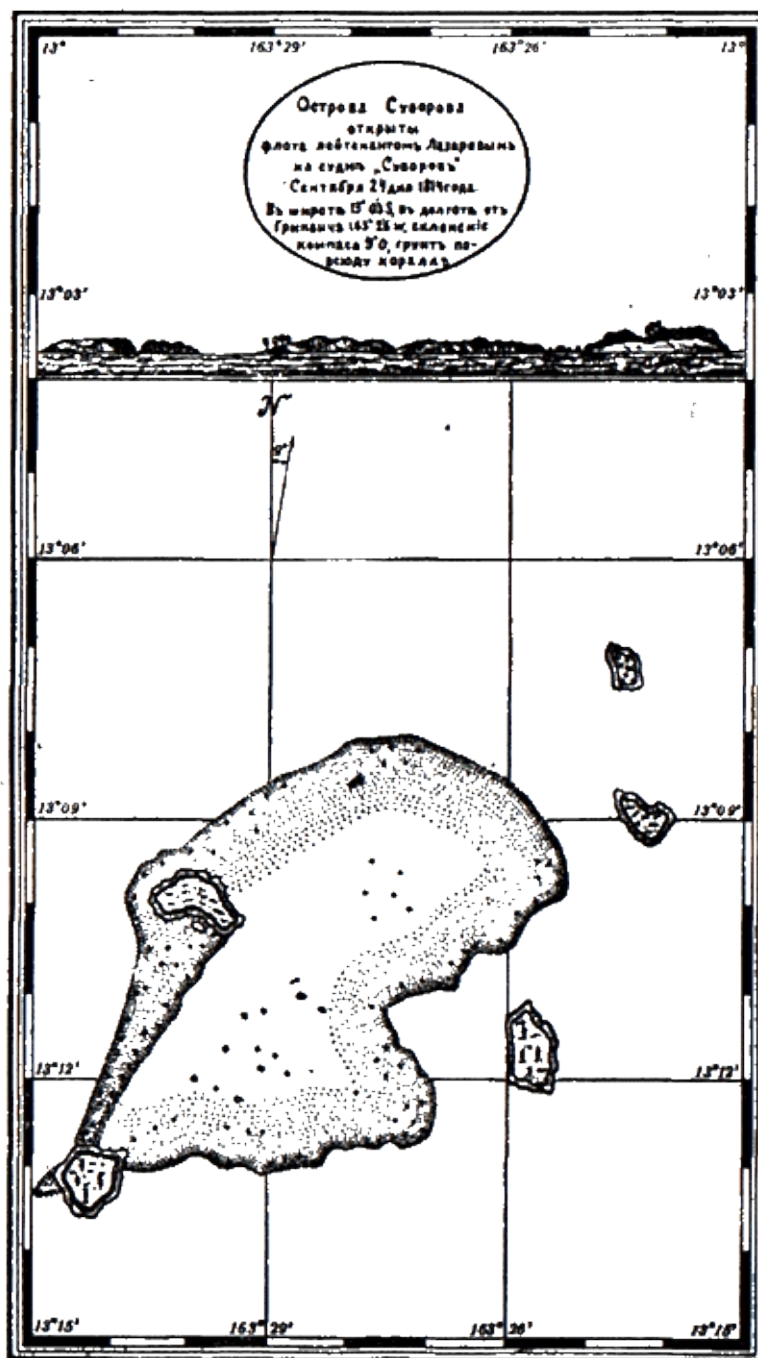
— Рано, рано еще... — отвечал смущенный Лазарев. — Может статься, что все это нам только показалось и пройдет как мираж. Сколь много уже бывало таких случаев на море!

Поутру моряки убедились, что «мираж» все более становился реальностью. В прозрачном воздухе розовеющей зари контуры суши выделялись совершенно отчетливо. Подойдя к ней поближе, Лазарев, приказал спустить две шлюпки. В первой поместился он вместе с Унковским, во второй отправились Российский с доктором Шеффером. До земли было мили две с половиной. По пути измеряли глубины, но даже вблизи берега было очень глубоко: свыше двадцати пяти сажен! Вокруг выставлялись одни кораллы, нигде ни отмелей, ни пляжей.

С трудом удалось морякам высадиться на берег.

Возможно, что суворовцы были первыми людьми, ступившими на коралловый остров... Путников поразило множество непуганых птиц. Они вовсе не боялись человека, позволяли себя трогать, поднимать, осматривать. Берег густо зарос кустарником, а в глубине острова рисовались стройные большие деревья с пушистыми кронами. Среди них были и увешанные крупными плодами кокосовые пальмы. Вода в лагунах отливала такой яркой зеленью, что казалась подкрашенной. Никаких признаков людей на острове обнаружить не удалось. Таков был южный остров.

Так была открыта в редко посещаемом районе Тихого океана группа из пяти коралловых островов — величайшая опасность для мореплавателей. Лазарев и Унковский обследовали северный и южный острова, Российский с Шеффером — остальные. Низменные и не во всякую погоду видимые издали, они не в пример другим коралловым островам имели очень приглубую берега. Налетевший на них, особенно в бурную погоду, корабль неминуемо разбился бы. Лазарев определил координаты островов, измерил их и нанес на карту.



Когда «Суворов» вернулся в Россию, карта была отпечатана и сделалась достоянием мореплавателей всего мира. В подзаголовке карты была выгравирована надпись: «Острова Суворова. Открыты флота лейтенантом Лазаревым на судне «Суворов» сентября 24 дня 1814 года в широте 13°03' южной, в долготу от Гринвича 163°26' западной, склонение компаса 9°, грунт повсюду кораллы».

Вечером моряки собрались в уютной кают-компании корабля.

— А ведаете ли, господа, — начал Российский, — что сегодняшней день едва не стал для нас панихидным днем.

И Российский рассказал, как их шлюпку атаковали акулы, «от которых едва могли отделаться, обороняясь своим оружием, но никто не был ранен, кроме что у некоторых было искусано платье».

Случай прямо поразительный, словно взятый из приключенческого романа. Человека атакуют голодные, прожорливые хищники, зубами рвут на нем одежду, пытаясь стащить его в воду, чтобы сожрать. Но человек не теряется. Он сражается с чудовищами, колет их кортиками и выходит победителем!

Чем ближе подходил «Суворов» к американским берегам, тем хуже становилась погода. Еще недавно моряки изнывали от жары, а теперь многие из них с большой охотой облачались в зимнюю одежду. Пронзительно завывал в снастях ветер, полосами проносило снег, его сменял дождь, потом опять снег. Наступала северная зима, долгая, сырая, мрачная.

На рассвете 11 ноября в восточном направлении показались очертания высоких гор, занесенных снегом.

Подшли к острову Среднему. Необходим был лоцман. Лазарев приказал дать сигнальный пушечный выстрел. Гулким эхом откликнулся выстрел в горах, но никто не показывался на берегу. Прильнув к зрительной трубе, Лазарев, наконец, заметил, что от берега отошла байдара; в ней находился лоцман. Его встретили с превеликой радостью. Лоцман был человек толковый, дельный. Он хорошо объяснил, как дальше вести корабль, каких держаться примет и каковы трудности здешнего плавания. Рассказал, как недавно здесь разбился о скалы компанейский корабль «Нева», а вместе с ним погибли тридцать два человека пассажиров и команды. «Такое известие, — замечает Унковский, — тронуло каждого из нас до сердца. Но участь морехода всегда такова!»

Быстро темнело, налегла, по выражению одного из моряков, «густая мрачность».

17 ноября «Суворов» отдал якорь у берега острова Ситха. Здесь находился Ново Архангельский порт с крепостью — резиденция главного правителя Русской Америки, статского советника и кавалера А. А. Баранова. Крепость встретила «Суворова» орудийным салютом. Для здешних жителей приход русского корабля, да еще в такое позднее время, — большое событие. Лазарев отправился к Баранову с докладом. Тот

радушно его принял и на другой же день пригласил офицеров «Суворова» на обед. Своей роскошью, обилием, качеством вин, тонкостью кулинарии прием американского резидента поразил моряков. В продолжение всего обеда играл собственный Баранова оркестр.

Бывший каргопольский купец Александр Андреевич Баранов благодаря природному уму, энергии, организаторским способностям и широкому размаху достиг очень многого в управлении русскими колониями в Америке. Он неутомимо расчищал места для новых русских поселений. На случай нападения американцев сооружал форты и крепости, для постройки небольших кораблей оборудовал судостроительную верфь, снаряжал экспедиции для обследования никому не принадлежавших островов и присоединял их к русским владениям. Баранов вел также энергичную борьбу с американскими авантюристами и контрабандистами, за бесценнок или спирт выменивавших у алеутов дорогие меха. Но действия его менее всего диктовались-гуманными целями. Баранов защищал туземцев от американцев, чтобы сильнее подчинить их себе. Алеуты выполняли в колониях все работы. Их часто отрывали от семей, перевоза за сотни километров. Во время таких переездов открытым морем на беспалубных байдарках алеуты погибали сотнями. Российско-Американская компания во главе с Барановым, по словам писателя и этнографа С. С. Шашкова, «обратила алеутов в полных своих рабов и довела их до крайней нищеты и нравственного отупения».

Бесчеловечно поступали с алеутами и командиры компанейских судов. Прибыв на остров для промысла зверя, они грабили алеутов, насильно заставляли их работать на себя без всякой оплаты, жен их брали себе в наложницы. Не лучше обстояло и с «добровольным» обращением алеутов в христианство.

За время своего пребывания в Русской Америке Лазарев имел немало столкновений с Барановым. Не встречавший ни в ком возражений, шестидесятивосьмилетний старик впервые столкнулся с человеком, который не только не робел перед ним, но и позволял себе спорить и не соглашаться. И человек этот был не какой-нибудь вельможа или адмирал, а его подчиненный, двадцатилетний лейтенант, годный ему во внуки! Но в последнем чувствовалась такая сила убеждения и воли, доводы его были настолько основательны, что Баранов на время приумолк.

Наступал декабрь. Корабль был разгружен, и товары аккуратно сложены в компанейские склады. Ремонтные работы на «Суворове» близились к концу. Заканчивал Лазарев и изучение побережья. Команда,

офицеры могли теперь спокойно отдохнуть. Зимовали моряки на корабле, подходящего помещения для них на берегу не оказалось.

Как ни старался Лазарев в долгие зимние вечера развлекать матросов, к концу зимовки всех потянуло на простор, в море... И Лазарев предложил Баранову отправить корабль «куда ему заблагорассудится с пользой для компании». Лазарев имел в виду, конечно, торговые, компанейские дела. Но Баранов отказал, ссылаясь на скорое начало сельдяного лова, когда сюда соберутся партии «диких американцев», за которыми надо следить в оба, и оставлять поселок беззащитным на это время опасно.

В середине марта стали подходить к берегам косяки сельди для икрометания, а следом за ними появились и промышленники. Прежде чем приступить к лову, все они являлись к Баранову, причем приносили подарки, «состоящие из разных дорогих мехов». Сельдь появлялась здесь в таком огромном количестве, что ее можно было черпать ведрами.

Зима прошла хорошо, но без несчастья не обошлось. В апреле сильно занедужил матрос Петро Рыжков. Оказалось, еще в Кронштадте он заболел чахоткой, но на осмотре перед плаванием скрыл болезнь, надеясь, что свежий морской воздух его излечит. Но сырой нездоровый климат Русской Америки сломил его окончательно. Промучившись несколько недель, он умер и был погребен на местном кладбище «с приличной почестью».

Восьмимесячное пребывание в дикой, покрытой снегами стране с ее «убиенными гаванями» и «пропащими заливами» порядком наскучило, а потому моряки очень обрадовались, когда Баранов, наконец, решил отправить «Суворова» на Уналашку^[7] и Прибыловы острова с товарами для обмена их на ценные меха. Лазарев блестяще выполнил этот «коммерческий» рейс. Через месяц он вернулся обратно. Даже Баранов остался доволен этим плаванием и обещал исхлопотать всему экипажу «Суворова» денежную награду. Но обещание его так и осталось обещанием.

Вернувшись в Ново-Архангельск, Лазарев все свободное время отдавал гидрографическим и картографическим работам. Все новые и новые дополнения и уточнения вносил он в несовершенные карты здешнего побережья, изучал его рельеф, определял с удивительной точностью высоты ближайших гор. Вместе с офицерами, матросами и алеутами совершал он длительные походы на шлюпках, разыскивая удобные, хорошо защищенные якорные стоянки и определял местоположение приметных с моря пунктов. А по вечерам Михаил Петрович часто мастерил деревянные модели разных корабликов и лодочек, которые встречал у туземных жителей.

Моряки готовились к походу на родину. Все дела были закончены. Трюмы тщательно загружены шкурами морских котиков, песцов, лисиц, медведей и речных бобров. Погрузили также партию моржовых клыков и китового уса. Груза набралось общей стоимостью на два миллиона рублей. И вдруг Баранов зовет к себе Лазарева и в самой категорической форме приказывает ему на следующее утро отправиться куда-то в поход, на неходовых путях производить промеры. Вся вздорность и неопределенность этого похода была настолько очевидна, а риск для целостности корабля с ценным товаром так велик, что Лазарев наотрез отказался выполнить распоряжение. Никакие угрозы не помогли.

Вернувшись на корабль, Лазарев приказал немедленно готовиться к походу на родину. Баранов же приказал привести в порядок крепостные орудия и установить круглосуточное дежурство бомбардиров.

Наутро 25 июля 1814 года «Суворов» навсегда покидал берега Русской Америки. Настроение на корабле было праздничное, веселое. Всем опостылело «мрачное убожество» здешней природы, как выразился один из моряков.

Но что это? На крепостной стене блеснул огонек. Вслед раз дался выстрел, и снаряд гулко шлепнулся в воду вблизи «Суворова». За первым выстрелом последовал второй, затем третий. Лазарев обомлел. Вся кровь бросилась ему в голову от стыда, гнева и возмущения.

— Палить по своим! — вскричал он, задыхаясь. — По священному русскому флагу!.. Ох, и ответишь же ты, старая, злая каналья! Самому царю доложу, кто ты таков!

И Лазарев распорядился поставить корабль кормой к крепости, прибавить парусов и удалил лишних людей с палубы. А вахтенному приказал записать в журнал все подробности обстрела и указать время. Он тяжело переживал случившееся. Всего он, мог ожидать от Баранова, но никак не предательства... И, спустившись в каюту, он принялся составлять донесение в Петербург.

Баранов в это время также был занят «литературой». Он строчил на Лазарева пространную кляузу. Здесь было и зверское, кровавое истязание во время плавания на «Суворове» компанейского агента Красильникова, и продажа в Австралии «против правил тамошних мест» казенного рома и другого товара, всего на 60 тысяч рублей, и неповиновение распоряжениям самого Баранова и т. д. и т. д. Большая часть этих вздорных обвинений была записана Барановым со слов Молво и Красильникова, ненавидевших Лазарева за его строгость и требовательность, за нежелание потакать их махинациям с товарами, их разнузданности и пьянству на корабле. После

многих предупреждений Лазарев сам стал вести многие закупочные и обменные операции с товарами, чем окончательно восстановил агентов против себя.

Когда «Суворов» еще подходил к берегам Америки, сильно напившись, агент Красильников стал возбуждать команду против Лазарева и других офицеров, всячески понося их и ругая. Его крики и ругань слышал Лазарев. Он вышел на палубу и приказал немедленно связать Красильникова и посадить на бак. Но Красильников не переставал кричать и ругаться. Тогда Лазарев распорядился завязать ему полотенцем рот, дабы агент «сквернословием своим не наносил соблазна». Проспавшись, Красильников сильно струхнул. Ведь его будут теперь судить как бунтовщика. А что, если за такое дело Сибирь и каторга? И Красильников самым жалким образом, чуть не на коленях, при всех молил Лазарева простить его и уничтожить. Доставленный против него акт Лазарев исполнил его просьбу. Со слезами на глазах благодарил его Красильников, заявив, даю никогда не забудет сделанного ему снисхождения.

Этим инцидент и был исчерпан. Но теперь, когда Баранов стал собирать «улики» против Лазарева, Красильников и Молдо с превеликим удовольствием написали на него целую кучу небылиц.

Оба донесения были подробно изучены в Петербурге, и дело закончилось полной реабилитацией Лазарева и позорным крушением Баранова. Его сняли с поста главного правителя и приказали немедленно вернуться в Петербург. Возвращаясь на родину на компанейском корабле «Кутузов», Баранов в пути заболел и скончался в Индонезии на острове Ява, где и был похоронен.

Но вернемся к путешественникам, спешившим в Россию. Опасности по-прежнему стерегли их на каждом шагу. На пути в Сан-Франциско с «Суворовым» в бурную ночь едва не приключилась тяжелая катастрофа.

Только что Унковский сменил Михаила Петровича, как с «бака раздался тревожный крик вахтенного: «Бурун впереди!» Зловещий сигнал! Это значит, что где-то поблизости находится самый опасный враг моряков — гряда подводных камней, о которые разбивается морская волна. Так и оказалось! «Суворов» попал в район косы у мыса Бороди-Арено, не означенной на картах.

Через некоторое время снова тот же крик, и в голосе чувствуется ужас. Что же теперь делать в темноте? Конечно, прейте всего отвести корабль от опасной гряды подальше в море. Вновь поднявшийся на палубу Лазарев в течение всей ночи с поразительным искусством руководит спасением

корабля, убирает некоторые паруса, меняет галсы, непрерывно производит промеры. Шесть часов без перерыва продолжается эта изматывающая нервы работа. Но Лазарев внешне спокоен, и, когда он выдает приказания рулевым и посылаемым на реи матросам, ни одна интонация голоса не выдает его волнения и тревоги. Как будто совершается самое обыкновенное дело!

Наконец к 5 часам утра лот «стало проносить» (то есть он уже не достигал дна), забрезжил рассвет. Робкая надежда закрадывается в сердца людей. А когда узнают, что глубины пошли довольно основательные, «ужас наш, — как замечает Унковский, — миновал». Корабль вышел из опасной зоны.

«Суворов» вошел в порт Сан-Франциско.

Лазареву хотелось как можно лучше и полнее использовать время. Сан-Франциско — старейший город тихоокеанского побережья, хранящий много воспоминаний давно ушедших лет. Интересовала Лазарева и география края, далеко еще не изученного в то время. Он исправлял и дополнял существующие карты побережий, устанавливал точно приметные пункты, производил промеры.

Как-то в погожий день Лазарев организовал экскурсию на живописнейший островок Святого Ангела, расположенный посредине Калифорнийского залива. Его сопровождали неизменный Унковский и группа матросов. Управлял баркасом сам Лазарев — большой любитель и мастер парусного спорта. Воспользовавшись случаем, он носился по заливу и учил матросов управлять парусами. Наконец подошли к острову.

— Вот что, ребята, — сказал он матросам, — вы останьтесь на берегу и приготовьте на всех хороший обед и палатку раскиньте, а мы тем временем подыдемся на гору. Когда все будет готово, известите выстрелом.

Захватив бумагу, карандаш и зрительную трубу, Лазарев отправился с Унковским в путь.

Поднявшись на вершину, откуда во всю ширь развернулась пленительная картина Калифорнийского залива, Лазарев принялся за работу. Он заснял все примечательное, что оказалось «в видимом горизонте».

Вдруг совсем близко послышался сильный шорох. Все усиливаясь, шорох перешел в треск. Что-то сильное и тяжелое, ломая ветви кустарника, приближалось к путникам.

— Что это такое? — тревожно спросил Унковский.

Лазарев сделал несколько шагов вперед и тотчас шарахнулся в сторону. Сквозь ветви кустарника он увидел медведя.

— Медведь! — закричал он Унковскому — Беги что есть духу вниз, зови матросов.

Прямо на Лазарева на задних лапах, переваливаясь, шел огромный медведь — опаснейший хищник здешних лесов, знаменитый гризли.

Вихрем неслись моряки, а на крутых местах ложились на землю и скатывались, как бревна. Но расстояние между ними и зверем катастрофически сокращалось. Медведь энергично наступал, он уже не шел, а бежал... Не секунды, а доли их могли стать решающими теперь. Когда расстояние между преследуемыми и преследующим сократилось до каких-нибудь пяти сажен, Лазарев сорвал с головы фуражку и ловко запустил ее прямо в морду зверя. От неожиданности медведь остановился на несколько мгновений и стал внимательно рассматривать фуражку. И эти мгновения спасли Лазарева и Унковского от ужасной гибели.

Матросы услышали крики офицеров и увидели медведя. С ружьями наперевес бросились они на выручку. Загремели выстрелы. По-видимому, зверь был ранен; он стал отступать и вскоре скрылся.

Тяжело дыша, бледные, в испачканной одежде, добрались моряки до лагеря. До конца жизни Михаил Петрович помнил экскурсию на остров Святого Ангела.

На другой день Лазарев рассказал о случае с медведем коменданту города. Тот был поражен.

— Безоружный человек, повстречав в наших лесах медведи всегда становится его жертвой, и через несколько дней находят его обглоданные кости, — заметил он Лазареву. — О наших хищных медведях и их проделках существуют легенды. Русские очень храбрый и ловкий народ!

Шестьдесят семь дней добирался «Суворов» из Сан-Франциско до перуанского порта Кальяо. Это был первый случай посещения русским кораблем Перу. Событие привлекло общее внимание горожан. Перуанцы приезжали в Кальяо — посмотреть на русских моряков и на их корабль. Вице-король Перу пригласил Лазарева с офицерами во дворец на обед. Знатные и зажиточные представители здешнего общества наперерыв приглашали к себе моряков.

Суворовцам нравилось здесь. Город был, правда, грязный, запущенный, и природа не отличалась красотой, но здешний народ, живой и гостеприимный, располагал к себе и внушал доверие.

Главное в Перу — это древности. «Сама древность дышит здесь на каждом шагу», — заметил как-то Лазарев, большой любитель археологии. Он нашел здесь непочатый край неразработанного научного материала, о

котором в России в то время и понятия не имели. Как ни старались испанские завоеватели уничтожить всякое воспоминание о культуре инков, здесь много еще осталось от памятников их времен. Сохранились также пережитки верований у местного населения. Лейтенант Унковский подметил у современных перуанцев пережиток культа солнца. «При закате солнца тут все смолкает и весь католический мир Лимы благоговейно провожает светило с точно таким же приветствием, как и встречает утренний восход его. Европейцы и испанские креолы заимствовали это от прежних обитателей страны — перуанцев, поклонявшихся солнцу».

Русские моряки наблюдали дважды землетрясение. Совершенно неожиданно, проходя по главной улице Лимы, они явственно почувствовали колебания почвы под ногами. Казалось, что за первым колебанием почвы последует другое с амплитудой большего размаха, и все вокруг повалится. Из домов стали выбегать встревоженные люди; они поспешно выносили пожитки и складывали посреди улицы. Женщины, некоторые со свечами в руках, опустившись на колени, что-то причитая, молились. Постоянная угроза губительной катастрофы приучила их к бивачному образу жизни, и громоздких, тяжелых вещей они не заводили.

От отцов и дедов они слышали об ужасах великого землетрясения 1747 года, когда город Кальяо в несколько мгновений исчез с лица земли, буквально провалился в ее недра. На месте же города образовался пролив, и поныне отделяющий остров Лоренцо от материка.

Лазарев очень заинтересовался этой катастрофой. Среди местных жителей он разыскал одного старика очевидца, посвятившего его в подробности необычайной трагедии. Он съездил с Лазаревым в окрестности старого Кальяо, где сохранились до сих пор остатки кирпичей от поваленных домов, торчавшие из земли крыши, вершины башен. Словоохотливый старик был человек религиозный, грозные явления природы, обрушивающиеся на человеческие головы, он объяснял гневом и карой божьей. Лазареву любопытно было узнать, как старик объясняет ужасную катастрофу Кальяо, поглотившую столько жизней.

— Жители Кальяо, — отвечал старик, — подобно библейским городам Содому и Гоморре, запятнали себя безверием, пьянством, развратом. Город провалился ночью, во время их очередной оргии, в тот самый момент, когда они, «раздевшись донага, предавались неистовым пляскам без всякой меры.».

В Перу уже давно шла политическая борьба за национальную независимость страны. Североамериканская, а за ней и Великая французская революция с последовавшими за ней наполеоновскими

войнами значительно усилили это брожение, что привело к открытому восстанию против испанских притеснителей. Началась успешная борьба повстанческих отрядов с королевскими войсками.

Эта-то борьба и застала «Суворова» в Кальяо. Сюда подошли повстанческие суда и стали обстреливать крепость и стоявшие на рейде королевские корабли. Положение «Суворова», через которого со свистом перелетали ядра, было далеко небезопасно. Его могли принять за вражеский корабль и по-своему разделаться с ним. Особенно тревожно было по ночам-поминутно сверкали огни орудий, с грохотом рвались снаряды, слышны были голоса и крики. Никто не спал в эти часы на корабле, приведенном в боевую готовность^[8].

Лазарев очень любил животных. Если было бы возможно, он привез бы в Россию представителей фауны всех посещенных им стран. На корабле уже находились две огромные черепахи с Галапагосских островов, множество попугаев и других птиц, оглашавших палубы «Суворова» пением, криком и хохотом. Лазарев обратил внимание на верблюдов Нового Света — лам, которых перуанцы пасли огромными стадами на высоких равнинах. Уже много было попыток доставить этих выносливых, нетребовательных животных в Европу. Но успеха они не имели: животные погибали в дороге.

Лазарев решил во что бы то ни стало доставить лам в Россию, где и акклиматизировать их как полезнейших животных. Он устроил на корабле клетки с парусиновым тентом для защиты животных от зноя. Чтобы во время качки животные не страдали от ушибов, он обложил клетки сеном и для ухода за ними приставил матросов. Они наблюдали за чистотой и часто меняли воду, причем каждому животному полагалась своя посуда. Все эти тщательно продуманные меры и позволили благополучно доставить в Европу девять лам и по экземпляру родственных им альпака и вигонь.

20 января на «Суворове» был печальный день. Скончался от чахотки один из лучших матросов, всеми уважаемый Степан Хромов. Лазарев, очень опечаленный этой смертью, распорядился организовать торжественные похороны на местном кладбище, впервые приютившем останки русского человека. Во время похорон впереди медленно шли семь католических ксендзов, за ними товарищи покойного несли гроб, покрытый русским флагом, следом шли во главе с Лазаревым офицеры в парадной форме и со свечами в руках. Встречные прохожие с недоумением наблюдали эту процессию. Они были и удивлены и вместе восхищены: простому матросу и такие почести. Многие любопытные присоединялись к

процессии; толпа все росла и достигла нескольких сот человек. Под звуки ружейного салюта тело Хромова опустили в могилу. На корабле устроили поминки. Пригласили на них и всех семерых падре, получивших за службу 28 талеров. Перебирая в руках четки, один из них заявил, что «такое щедрое вознаграждение за погребение простого человека никогда не изгладится из их памяти».

Ведя торговые переговоры, Лазарев добился важных для компании льгот. Русские могли отныне торговать и вести в Перу обмен товарами повсюду, на тех же правах, что и испанские подданные, то есть без всяких дополнительных обложений. Перуанцы очень хотели торговать с русскими, почему и пошли на все возможные уступки.

Пребывание «Суворова» в Перу подходило к концу. Корабль был приведен в полный порядок. По замечанию Унковского, «Суворов» красовался теперь модным щеголем.

Перед самым уходом Лазареву вручили от вице-короля письмо, адресованное императору Александру I, в котором выражалось пожелание установить политические и торговые отношения между Россией и Перу, а ему самому подарили «разные вещи из истории древних инков, как сокровища дорогие».

Понемногу Лазарев собрал прекрасную этнографическую коллекцию, впоследствии переданную им в различные русские музеи. Здесь были всевозможные предметы культуры, культа и обихода: изделия из раковин; образцы оружия — луки, стрелы и копья, различные украшения и плетения; алеутская байдарка; скальпированные черепа индейцев; высушенная голова инка и многое другое.

Путь «Суворова» на родину лежал вокруг мыса Горн, знаменитого своими бурями. В непогоду моряки были особенно озабочены судьбой четвероногих пассажиров. Вот что заносит в свой дневник Унковский: «Наши кордильерские ламы во время шторма хорошо держались, иногда лежали, а иногда стояли, упираясь на бруски своими длинными ногами... а одна из них даже родила маленького...»

В открытом море суворовцы встретили английский корабль «Нептун», шедший в Индию. Это было первое судно, встреченное суворовцами за шестьдесят семь дней пути. Невольно потянуло моряков обоих кораблей обменяться живым словом, узнать новости. Когда на «Нептуне» узнали о ламах на «Суворове», удивлению не было границ. Англичане и англичанки приезжали на корабль любоваться чудными животными, так хорошо выдержавшими продолжительный морской поход из жаркого пояса к холодному и несколько штормов.

Еще большую сенсацию произвели ламы в России, куда после почти трехлетнего отсутствия «Суворов» прибыл 15 июля 1816 года. Ими заинтересовались и члены императорского дома. Во главе с Александром I царская семья приехала в Петергоф смотреть «невиданных зверей». Императрица кормила их белым хлебом. Тут же суетился раздушенный и напомаженный морской министр Жан Франсуа маркиз де Траверсе, или попросту Иван Иванович.

А в стороне смиренно стояли Лазарев с Унковским. Царь отнесся к ним с полным безразличием. Их приняли не как моряков-победителей, выполнивших труднейший, полный опасностей и риска поход через три океана, не как ученых-исследователей, обогативших науку ценными открытиями, а скорее как конюхов, приставленных наблюдать за редкостными животными. Ни одного приветливого слова они не услышали ни от царя, ни от царицы, ни одного вопроса не задали они им.

«Грустно и досадно было нам такое невнимание, — писал Унковский, — но вспомнив, что мы уже исполнили такой славный и еще редко совершаемый русскими мореплавателями подвиг, и, будучи в душе довольны сами собой, мы не нуждались ни в чьей похвале, скромно сознавая свое достоинство и не домогаясь никаких наград. В эту пору нашей молодости все мысли настроены были к одному честному исполнению долга и обязанности, на нас возлагаемой. Любовь товарищей и полное уважение к нам было лучшей нам наградой».

Домой моряки возвращались в сильнейший шторм. Парусный катер под умелой рукой Лазарева вмиг домчал их до Кронштадта. Не без иронии замечает Унковский: «Нам казалось, что лучше быть дома у своего скромного и теплого очага, нежели в гостях у холодных и неприветливых хозяев».

Лазарева с Унковским ожидало и другое разочарование. Директор Российско-Американской компании бессовестно обманул их, не уплатив обещанных наградных в случае успешного завершения плавания. Мотивом отказа выставлялось отсутствие в договоре соответствующего пункта. «Обещать можно все что угодно, — цинично пояснили им в правлении компании, — а доколе нет письменного о сем свидетельства, выполнение обещанного не обязательно».

— Ну их к дьяволу со всеми их наградами! — бросил в сердцах Лазарев, выходя из правления. — Не им, стервецам, служу, а стране, народу.

Глава III

Героический поход в Антарктику



*...Не зря им снилась
Антарктида,
Еще безвестный материк.
И но незримым
зыбким тропам.
Тая в себе немой восторг,
Прорвались к ледяным
широтам
Два шлюпа—
«Мирный» и «Восток».*

Вячеслав Кузнецов

Еще древнегреческие мыслители более 2000 лет назад полагали, что земля — шар и на юге суша преобладает над водой. Великий географ древности Птолемей не только отстаивал это мнение, но и утверждал, что южный материк заселен живыми существами, которых он называл антиподами. Его влияние как географа было настолько велико, что на картах вплоть до конца XVIII века изображали огромный южный материк,

местами достигающий чуть ли не тропиков. Речь шла о той, по выражению Лазарева, «матерой на юге земле, существование коей сидевшие в своих креслах философы полагали необходимой для равновесия земного шара».

Доказать существование этой никем не виданной великой страны было мечтой, долгие века владевшей географами и путешественниками.

Разыскивая гипотетический южный материк, голландцы в 1606 году открыли Австралию. Крупнейшее географическое событие не было оценено современниками. После поверхностного обзора побережий Австралия, или, как ее называли тогда, Новая Голландия, долгое время не посещалась мореплавателями. Только спустя 36 лет голландец Ван-Димен отправил к ее берегам предприимчивого моряка Абея Тасмана, чтобы удостовериться, остров ли Австралия или начало Антарктического материка. Тасман открыл южнее Австралии остров, названный им в честь своего патрона Вандименовой Землей. Плывя далее к югу, он не обнаружил признаков суши, а потому и решил, что в крайних южных широтах материка не существует.

Таков был первый этап наступления на неведомый южный материк.

В 1772 году предпринял экспедицию в Антарктику известный английский мореплаватель Джеймс Кук. Экспедиция отправилась на двух кораблях — «Резолюшен» и «Адвенчур». На первом корабле командиром был Кук, вторым командовал капитан Фюрно. Во время плавания корабли не раз теряли друг друга, а в середине плавания на обратном пути к Новой Зеландии, разлученные штормом, уже не смогли встретиться, и каждый вернулся обратно в Англию самостоятельно.

Через год английское правительство снова отправило Кука на юг, чтобы окончательно решить вопрос: существует ли Антарктический континент или нет? Впервые в истории мореплавания Кук пересек Южный Полярный круг и поплыл дальше на юг. Преодолевая ледовые препятствия, он достиг в январе 1774 года параллели $71^{\circ}10'$ южной широты на меридиане $106^{\circ}54'$ западной долготы. Успех по тем временам огромный! Далее перед глазами Кука развернулась бесконечная картина сплошных ледовых масс, осилить которые его корабль не мог. Что простиралось далее за сплошными льдами, этот вопрос он оставил открытым.

Картина неподвижных льдов произвела на мореплавателя самое тягостное впечатление. Вернувшись в Англию, Кук заявил, что всякие попытки проникнуть в Антарктиду глубже, чем удалось это сделать ему, безнадежны и обречены на полную неудачу.

Кук самоуверенно писал: «Я обошел вокруг южного полушария в большой широте таким образом, что неоспоримо доказал, что нет в оном

никакой материковой земли, разве в окрестностях полюса, куда пройти невозможно. Пройдя два раза всю часть океана под южным тропиком, я определил точное положение некоторых, прежде меня известных островов, и учинил многие обретения, так что последующим за мной мореплавателям в сей части земного шара мало останется к открытию... Теперь уже не будут говорить о южной материковой земле, которая в течение двух веков привлекала внимание морских держав и с древних времен служила поводом к умствованиям географов».

Авторитет Кука был велик, не удивительно поэтому, что на протяжении почти полувека ни один мореплаватель не рискнул отправиться в Антарктику. Лишь промышленники, наслышавшись откуда-то об огромных здешних промысловых богатствах, порою проникали в эту заповедную часть Мирового океана. Научные вопросы их, конечно, не интересовали.

Шли годы, и об Антарктике стали забывать. Но в России идея о южном материке крепко вошла в сознание мореплавателей и ученых. К числу их принадлежали В. М. Головнин, возглавлявший первую русскую кругосветную экспедицию адмирал И. Ф. Крузенштерн, мореплаватели Г. А. Сарычев, О. Е. Коцебу и другие.

Но поднять раньше времени вопрос о южнополярной экспедиции было бы рискованно. В высших сферах она не встретила бы сочувствия. Последовали бы вопросы: зачем соваться в неведомую и ненужную нам Антарктику, когда поблизости на родном нам Севере непочатый край работы?

Но вот в первой четверти XIX века международное положение России, победившей общего врага Наполеона, резко изменилось. Крузенштерн и прочие поборники идеи открытия Антарктического материка очень ловко воспользовались подходящим моментом и стали доказывать, что настало, наконец, время, когда Россия, отличившаяся в военных действиях, должна проявить себя большим подвигом и на научном поприще. Под таким предлогом и была внушена Александру I идея послать экспедицию в неведомую Антарктику. Тем более необходимо совершить такое плавание, настаивал Крузенштерн, что русские моряки в предыдущих кругосветных плаваниях приобрели уже большой опыт. А чтобы не было со стороны иностранцев нареканий, что Россия отправляется в чуждые ее политическим интересам южные полярные страны, было предложено одновременно организовать и другую экспедицию, арктическую, на свой полярный Север и для открытия Северо-Западного морского пути. Через морского министра маркиза Траверсе и была подана Александру I мысль

взять экспедицию под свое покровительство.

Так родилась легенда о почине царя в деле формирования и отправления русских экспедиций в Арктику и Антарктику. Насколько царь Александр покровительствовал экспедициям, интересовался наукой и ценил ее жрецов, можно судить по тому, как он принял Лазарева в Петергофском дворе после окончания плавания на «Суворове», о чем мы говорили выше.

Экспедиция в Антарктиду увенчалась большим успехом, что же касается северной экспедиции на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный», то она до конца не выполнила свою задачу, так как корабли были затерты льдами, но и она принесла немалую пользу науке: открыла ряд островов, изучила состояние льдов, атмосферы и т. д.

Конец 1818 года. В одном из залов Петербургского адмиралтейства большое оживление. Сегодня здесь должно состояться заседание, посвященное экспедиции русских моряков в Антарктиду. Среди собравшихся пожилые штаб-офицеры, румяные мичманы и лейтенанты, судовые врачи, высшие портовые чиновники. Все эти люди сочувствовали антарктической экспедиции, приказ о которой был на днях подписан.

Председатель объявляет заседание открытым. Слово берет капитан-командор Крузенштерн. Он долго и убедительно говорит о превосходных качествах русских моряков, о их бесстрашии, находчивости и выносливости. «Поход в Антарктиду, — говорит докладчик, — должен увенчаться успехом. Я твердо верю в это и прошу собрание поддержать это важное для пользы человечества и доброй славы русского имени дело и верить в его счастливый исход. Ни одна область географии и мореведения, — добавил он, — не останется не затронутой В работах наших моряков, все, до мелочей, уже учтено и продумано. В экспедиции согласились принять участие художник Михайлов и профессор астрономии Казанского университета Симонов».

В заключение Крузенштерн сообщил, что руководителем и начальником экспедиции назначен капитан первого ранга М. И. Ратманов, опытный моряк, ученик адмирала Ушакова, участник первого кругосветного плавания русских. К сожалению, он сейчас болен и не сможет выступить. Его помощником и заместителем будет лейтенант М. П. Лазарев, проявивший себя в плавании на «Суворове».

На кафедру поднялся Лазарев. Его властное и будто чем-то недовольное полное лицо, решительный тон речи как-то не соответствовали ни его возрасту, ни скромному чину. Его манера говорить походила скорее на обращение начальника к своим подчиненным. Кто с

сочувствующим вниманием, кто с полупрезрительной улыбкой, а кто и подобострастно слушал его. Лазарев говорил больше о предстоящих трудностях экспедиции, которые он не скрывал ни от себя, ни от других. Коснулся он и мероприятий по подготовке судов к большому и трудному плаванию..

Итак, задачи русской антарктической экспедиции были в основном установлены.

Вскоре выяснилось, что М. И. Ратманов по болезни участвовать в плавании не может и вместо него начальником экспедиции и командиром шлюпа «Восток» будет капитан второго ранга Ф. Ф. Беллинсгаузен. Назначение нового командира «Востока» состоялось лишь за два месяца до ухода кораблей в плавание, а потому во время его отсутствия вся тяжесть подготовки легла на командира шлюпа «Мирный» — М. П. Лазарева.

Ф. Ф. Беллинсгаузен был опытным моряком. Он участвовал в первом русском кругосветном плавании под руководством И. Ф. Крузенштерна и, по его словам, имел «особенные свойства к начальнику над таковой экспедицией». Превосходный морской офицер, он обладал большими познаниями в астрономии, гидрографии и физике.

Родился Беллинсгаузен на острове Эзель (ныне Саарема, в Эстонии). Ко времени назначения ему было сорок лет, и он находился в полном расцвете своих сил и способностей. До назначения начальником экспедиции он в течение десяти лет командовал различными фрегатами на Балтийском и Черном морях и показал себя смелым моряком и храбрым командиром во время боевых действий на этих морях. На Черном море, будучи командиром фрегата, он занимался гидрографией и картографией, исправлял и уточнял морские карты. Эта работа была поставлена ему в особую заслугу известным русским морским историком А. Н. Соколовым, весьма скромным на похвалы вообще, а в отношении офицеров с нерусскими фамилиями особенно.

После успешного похода в Антарктиду Ф. Ф. Беллинсгаузен проходил службу на Балтийском и Черном морях, участвовал в качестве начальника отряда кораблей в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, а в конце своей жизни был главным командиром Кронштадтского военного порта и военным губернатором города Кронштадта. Одновременно он командовал Балтийским флотом и до конца своих дней (1852 г.) ежегодно отправлялся в плавание. Тем самым сбылась его детская мечта «Я родился среди моря; как рыба не может жить без воды, так и я не могу жить без моря», — говорил Беллинсгаузен.

Беллинсгаузен уделял громадное внимание благоустройству города

Кронштадта. По словам современников, он был «душой, участником и двигателем всех проводимых в Кронштадте предначертаний». Особенно он старался улучшить жизнь матросов. Свой опыт проведения крупной научной экспедиции Беллинсгаузен использовал при подготовке всех последующих русских кругосветных экспедиций, которые, все без исключения, готовились им в Кронштадте.

Беллинсгаузен отличался наблюдательностью, остротой ума и склонностью к индуктивным умозаключениям. Не будучи профессиональным ученым-естественником, он высказал много истин, предваривших выводы специалистов. Его теория образования коралловых островов была опубликована за 11 лет до исследования на эту же тему Чарлза Дарвина. Беллинсгаузен первым разъяснил происхождение водорослей Саргассова моря, а равно отметил и другие особенности Антарктики.

Беллинсгаузен оставил после себя сочинение, в котором дал полное описание своего плавания в Антарктику: «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа «Восток». Шлюпом «Мирный» начальствовал лейтенант Лазарев. Части I и II, Санкт-Петербург, 1831 г.».

Если мы прибавим сочинения участника экспедиции профессора И. М. Симонова: «Шлюпы «Восток» и «Мирный», или Плавание россиян в Южном Ледовитом океане и около света», и его «Слово об успехах плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» — около света», мы будем иметь картину всех главных событий, протекавших на флагманском корабле.

Однако до самого последнего времени не было подробных данных о гидрометеорологических наблюдениях экспедиции по той причине, что шканечные (вахтенные) журналы обоих кораблей в наших архивах до сих пор не найдены. Лишь введение в 1963 году в научный обиход так называемой карты Беллинсгаузена позволило устранить этот недостаток. Любопытно, что до сих пор еще оживают материалы, о которых знали, но не обращали на них внимания. Так было и с данной картой. Она была передана в архив гидрографического департамента самим Беллинсгаузенем, значилась в каталогах этого архива, но о ней в каталогах было сказано столь невразумительно, что мимо нее проходили многие исследователи, занимавшиеся историей первой русской антарктической экспедиции. Лишь в 1963 году эта рукописная карта была переиздана в натуральную величину Арктическим и антарктическим научно-

исследовательским институтом^[9]. Перед нами огромная карта, из 15 больших листов ватманской бумаги, на которой нанесены курсы обоих кораблей, дана метеорологическая и гидрологическая обстановка, приведены ледовые условия и, наконец, встречи с представителями фауны Антарктики. Из этой карты мы узнаем подробнейшие данные о температуре воздуха, направлении и силе ветра, атмосферном давлении и, главное, имеем отныне детальные сведения о встреченных льдах.

Карта составлялась под руководством Беллинсгаузена всем личным составом экспедиции на последнем этапе путешествия, перед возвращением на родину. Удалось установить, что обозначения характера льдов в карте написаны рукой начальника экспедиции.

Трудности и опасности, которые преодолевали русские мореплаватели во время плавания, их мужество и героизм, описанные в этих сочинениях, изумительны.

Надо, однако, сказать, что книгам, посвященным описанию плавания Беллинсгаузена — Лазарева, явно не повезло с самого начала. Приходится поражаться тому бюрократическому равнодушию, которые Беллинсгаузен встречал, продвигая в печать свою книгу. Лишь через три года после окончания плавания Фаддей Фаддеевич сдал свой труд для опубликования. Но финансовое ведомство не отпустило на печатание книги ни одной копейки. Тщетно хлопотал Беллинсгаузен и доказывал, что труд необходимо издать немедленно, иначе открытия и заслуги русских моряков смогут оспаривать иностранцы. Борьба со льдами Антарктики оказалась для Беллинсгаузена не столь трудной, как борьба с тупоумием правительственных канцеляристов. И конечно, дело провалилось бы, если бы сам Николай I из средств кабинета не отпустил небольшую сумму на издание лишь половины намеченного тиража, то есть всего 600 экземпляров. Скопидомство и недомыслие принесли свои плоды. Изданная в 1831 году в ничтожно малом количестве экземпляров, книга стала достоянием лишь немногих специалистов.

Не приобрела никакой популярности и изданная в 1822 году брошюра участника плавания профессора астрономии Казанского университета И. М. Симонова.

Помимо труда самого Беллинсгаузена и Симонова, существуют еще записи матроса Егора Киселева, озаглавленные им «Памятник». Вызывает удивление самый факт написания мемуаров простым матросом в эпоху, когда большинство их было малограмотно. Таков скудный запас источников о плавании шлюпа «Восток».

Еще хуже обстоит дело со шлюпом «Мирный», где командиром был

М. П. Лазарев, дела и жизненный путь которого интересуют нас в настоящей книге прежде всего.

За исключением письма Лазарева к Шестакову и опубликованных в «Сыне Отечества» за 1822 год кратких писем доктора с «Мирного» Н Галкина, мы до последнего времени не располагали трудом, в котором автор-очевидец поведал бы обо всем, что ему довелось наблюдать и переучувствовать на «Мирном».

Ныне этот пробел восполнен Несколько лет тому назад в одном из ленинградских книгохранилищ был обнаружен дневник мичмана Павла Михайловича Новосильского^[10], плававшего на «Мирном» под начальством Лазарева. Дневник Новосильского не только дополняет книгу Беллинсгаузена, но и дает много нового. Новосильский подробно описывает подвиги русских моряков. Большую ценность представляют разбросанные в дневнике замечания о новом шестом континенте. Правильное чутье истины руководило здесь юным моряком. Говоря о Беллинсгаузене, он пишет: «Отважный мореплаватель шесть раз проникал за Южный Полярный круг, почти на параллели 69° южной широты открыл земли, которые не гадательно, а действительно доказали существование нового южного материка».

Новосильский начинает свое повествование со знакомства с Лазаревым, к которому он явился с рекомендательным письмом от отца.

«Несмотря на трудности и опасности, которые подлежало ожидать в предстоящей экспедиции, число офицеров, желающих в ней участвовать, было так велико, что надо приписать особенному счастью, когда выбор пал и на меня», — замечает Новосильский.

«С робостью вошел я в дом знаменитого моряка, — пишет Новосильский. — Пока дожидался я в зале, глазам моим представились секстанты, артифициальные горизонты, компасы, зрительные трубы, песочные часы — словом, везде видны были морские атрибуты. Вдруг растворилась из боковой комнаты дверь, и в залу вошел в форменном сюртуке без эполет, довольно полный, молодых еще лет мужчина. Быстро окинув меня глазами и пробежав письмо, он сказал:

— Я бы не прочь вас взять, хотя меня и засыпали просьбами. Не знает ли вас дежурный генерал Назимов?»

Новосильский ответил утвердительно.

«— Но точно ли вы желаете идти в дальний вояж, — продолжал Лазарев, — особенно к Южному полюсу, где будет много трудов и опасностей?»

— Какой же офицер побоится трудов и опасностей и не пожелает

участвовать в такой экспедиции?

Тут Лазарев спросил меня: умею ли я делать обсервации. Я откровенно признался, что до сих пор не имел в них навыка, потому что в корпусе занимались преимущественно теоретическою астрономиею и вычислениями, а обсервации удавалось делать весьма редко. Михаил Петрович продолжал говорить и доказывать, что для морского офицера практическая астрономия полезнее теоретической. Потом, переменяя разговор, он сказал:

— Я вам сейчас дам письмо к С. А. Кузнецову, поезжайте немедленно в Петербург, явитесь к нему и к Назимову. Если желаете быть в дальнем вояже, не теряйте времени».

Морской министр утвердил назначение Новосильского, и его зачислили в офицерский состав шлюпа «Мирный». «Можно представить мое восхищение!» — восклицает он.

Командиры получили инструкции, в составлении которых приняли участие Крузенштерн, Сарычев, Коцебу и другие ученые-моряки. С поразительной полнотою перечислялись в них работы, которые нужно было выполнить.

«Командирам судов Беллинсгаузену и Лазареву, — говорилось в инструкции, — предписывается пуститься к югу на шлюпах «Восток» и «Мирный» и производить изыскания до отдаленнейшей широты, какой только они могут достигнуть, чтобы пройти сколько возможно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли... Имея целью приобретение полезнейших познаний о нашем земном шаре, производить полезные для наук наблюдения по геометрической, астрономической и механической части, определять изменения тягости, испытывать магнитную силу...»

«Помимо перечисленного, во всех местах, кои посетят корабли, надо стараться узнавать нравы народов, их обычаи, религию, военные орудия, род судов, ими употребляемых и продукты, какие имеются, также по части натуральной истории и прочее. Когда же случится побывать в местах, мало посещаемых мореплавателями, — говорилось далее в инструкции, — и которые не были еще утверждены астрономическими наблюдениями и гидрографически подробно не описаны, или случится открыть какую-нибудь Землю или остров, не означенные на картах, то стараться как можно вернее описать оные... Везде, где случай и время позволят, стараться самим делать наблюдения о высоте морского прилива и сыскивать прикладной час».

Как видим, научные планы исследования южных широт шли довольно далеко. Экспедиции предстояло также заложить основы для будущей

торговой деятельности русских в южных районах Тихого океана. «Особенно старайтесь сделать полезным пребывание ваше во всех землях, принадлежащих России или вновь открыться имеющихся, для будущих российских мореплавателей», — читаем мы в инструкции.

После общих замечаний следовали детали. Наиболее подробно изложены инструкции наблюдения по физической географии. В обязанность экспедиции входило «вести верную записку о высоте барометра в разные часы дня изучать «состояние атмосферы и ее непрерывные изменения, равно как и направление высших и низших ветров^[11] в сравнении с дующим близ поверхности моря». «Различие высших и низших ветров в безоблачную погоду, — пояснялось в записке, — можно замечать посредством небольших воздушных шариков, которыми будет снабжена экспедиция»^[12]. Моряки должны были также «замечать течение моря везде, где только будет возможно, и вести записки об учиненных ими по сему предмету наблюдениях...» «Должно внимательно наблюдать тромбы^[13], и поелику еще по сие время не согласны в причине оных, стараться исследовать сей феномен, дабы можно было достигнуть до объяснения оного». «Феномены, как-то: метеоры, северные и южные сияния» должно примерно наблюдать «и желательно было бы, чтобы означена была высота и полнота оных... Следует также производить опыты касательно различной степени температуры моря и его солёности в разных местах и глубинах в рассуждении различия тяжести вод и степени ее горькости, а также и на счет изменения теплоты в известной глубине противу замечаемой на поверхности моря...» В полярных широтах надлежало «делать наблюдения над льдинами различного рода, как плоскими, так и возвышающимися наподобие гор, и изъяснить мысли насчет образования оных».

Немало внимания было уделено и этнографии. Рекомендовалось изучать население страны, которые посетят корабли, не только с бытовой стороны (их нравы и обычаи), но методами антропологии измерять их рост, описывать особенности телосложения, а если представится возможным, «распространить сии исследования и на внутренние части посредством анатомирования трупов, осведомляться также о долготе жизни и о времени возмужалости обоих полов».

Разумеется, не забыты были и зоологические, ботанические и минералогические коллекции.

Заканчивалась инструкция общим пожеланием: «Не упускать случая во всякое время делать исследования, замечания и наблюдения о всем том,

что может споспешествовать вообще успехам наук».

Чтобы дать наглядное представление о научных работах экспедиции, решили обратиться в Академию художеств с просьбой рекомендовать живописца для участия в «вовсе не безопасном путешествии». На приглашение откликнулся академик 10-го класса Навел Михайлов, «оказавший отличные в художестве успехи».

За десять дней до начала похода Михайлов получил от президента Академии художеств А П Оленина рабочую инструкцию, а вместе с ней и предписание немедленно отправиться в Кронштадт и поступить в распоряжение Беллинсгаузена^[14].

Сорок шесть рисунков Михайлова вместе с 18 картами появились в свет одновременно с двухтомным сочинением самого Беллинсгаузена в 1831 году.

На сборы дано было всего три месяца. За это время необходимо было переоборудовать корабли, подобрать офицерский состав, команду, заготовить снаряжение, запасы продовольствия и научные инструменты. Торопить командиров не пришлось, и к назначенному сроку шлюпы были готовы к выходу в море.

Трюмы шлюпов ломились от груза. Помимо трехлетних запасов продовольствия, теплой и другой одежды, было взято много вещей для подарков туземцам.

Корабли далеко не удовлетворяли необходимым требованиям плавания в полярных странах.

Двадцативосьмипушечный шлюп «Восток», выстроенный в 1818 году в Петербурге на Охтенской верфи корабельным мастером Стоке, имел водоизмещение всего 985 тонн при длине 39,5 метра, ширине около 10 метров и осадке около 4,5 метра^[15].

Тихоходный транспорт «Ладога» был выстроен в Лодейном поле в 1818 году мастером Колодкиным. После переоборудования его переименовали в шлюп «Мирный». При водоизмещении в 530 тонн он имел длину 36,5 метра, ширину 9,1 метра и осадку 4,3 метра.

Чтобы приспособить корабли к условиям ледового похода и сделать их более прочными, пришлось подводную часть обшить медными листами, добавить крепления и переоборудовать помещения. Благодаря этим мерам корабли, несмотря на все свое несовершенство, оказались достаточно крепкими и необычайно выносливыми.

В честь антарктической экспедиции были вычеканены бронзовые и

серебряные медали с изображением бюста Александра I и с надписью «Шлюпы «Восток» и «Мирный», 1819 год». Медали эти предназначались главным образом для раздачи народам тех стран и островов, которые посетят корабли.

Всего отправилось в плавание 190 человек (117 человек на «Востоке» и 73 на «Мирном»).

На шлюпе «Восток» находились начальник экспедиции и командир шлюпа «Восток» капитан второго ранга Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, старший офицер, капитан лейтенант И. И. Завадовский, лейтенанты И. Ф. Игнатъев, К. П. Торсон, А. С. Лесков, мичман Д. А. Демидов, астроном профессор Казанского университета И. М. Симонов, живописец, академик императорской Академии художеств П. Н. Михайлов.

На шлюпе «Мирный» — командир шлюпа лейтенант Михаил Петрович Лазарев, лейтенанты Н. В. Обернибесов и М. Д. Анненков, мичманы И. А. Куприянов и П. М. Новосильский, медик хирург Н. Галкин, иеромонах Дионисий.

Блестевшие краской и лаком, совершенно готовые к отплытию, шлюпы «Восток» и «Мирный» вышли из гавани на Малый Кронштадтский рейд и стали рядом со шлюпами «Открытие» и «Благонамеренный». 23 июня корабли посетил морской министр. На другой день неожиданно прибыл Александр I.

Желая блеснуть перед Европой, царь жаждал новых открытий, новых триумфов. «То государство сильно, где сильна наука», — говорил он. С уст императора слетел каламбур: «Я посылаю «Открытие» для новых открытий». Прощаясь с моряками, Александр дал им такое наставление: «Во время пребывания у просвещенных равно и у диких народов снискивать любовь и уважение: сколь можно дружелюбнее обходиться с дикими народами и без самой крайности не употреблять огнестрельного оружия».

Для участия в экспедиции были приглашены два иностранца-натуралиста: Мертенс и Кунце; они должны были поджидать корабли в Копенгагене. Но в последний момент оба отказались плыть в Антарктику. По-видимому, испугались предстоящих опасностей.

Пришлось морякам самим проводить естественно-исторические исследования. К счастью, широкая образованность Беллинсгаузена, Лазарева, Симонова, Завадовского позволила им хотя бы отчасти справиться с этой задачей.

Близилось отплытие. С утра до вечера между берегом и кораблями сновали широкие плоскодонные баржи с разной кладью, баркасы,

щегольски окрашенные вельботы с офицерами, членами их семей и друзьями. К борту то и дело приставали неуклюжие ялики с вольной публикой не только из Кронштадта, но и из Петербурга. Всем хотелось посмотреть на корабли, уходившие «на край света» — в тяжелые полярные льды.

Наконец 4 июля 1819 года «Восток» и «Мирный» двинулись в путь. Вся набережная была заполнена народом. Кронштадт тепло и сердечно провожал своих сынов, на лицах которых, как вспоминает Новосильский, была «тихая радость, как бы задумчивая».

Первая остановка — Копенгаген, вторая — Портсмут, куда корабли пришли в конце июля. Отсюда моряки съездили в Лондон для приобретения мореходных и астрономических инструментов, которые в то время еще не изготавливались в России; Беллинсгаузен и Лазарев взяли с собой, между прочим, хронометры, необходимые для точного определения долготы места, что в то время не делали моряки других стран.

28 августа «Восток» и «Мирный» при попутном ветре покинули берега Англии и вышли в безбрежные воды Атлантики.

Шлюп «Мирный» оказался тихоходом. Он то и дело отставал, его приходилось поджидать. «Разница в ходе была такова, — писал Беллинсгаузен, — что не следовало бы корабли употреблять вместе, тем более при столь важном предназначении к многотрудному плаванию».

На судах наступила трудовая размеренная жизнь. День делился на пять вахт, или очередей. Офицеры и матросы вставали в шесть часов утра, после чего происходила приборка корабля, особенно тщательная по субботам. В восемь часов офицеры собирались в кают-компаниях к утреннему чаю.

В десять часов, если это было возможно, производились солнечные наблюдения для исчисления времени, сравнивая это время с хронометром, получали долготу места. Около полудня брали секстантом полуденную высоту солнца и вычисляли широту места в полдень. В час во главе с командиром сходились в кают-компаниях к общему обеденному столу, всегда обильному и хорошо приготовленному. После обеда и офицеры и матросы имели часовой отдых. Затем производились различные судовые работы, а кроме того, гидрологические и биологические наблюдения. На шлюпах имелась довольно значительная и содержательная библиотека. В хорошую погоду вечера проводили на палубе «Тут, — как вспоминал Новосильский, — начинались забавы матросов; иные, собравшись в кучу, пели песни, другие занимались гимнастическими играми, и день оканчивался приятно».

Моряки чувствовали себя превосходно. Командиры сумели

заинтересовать своих молодых помощников и матросов исследовательской работой^[16].

13 сентября на горизонте показался освещенный лучами заходящего солнца величественный пик острова Тенериф. Через два дня корабли бросили якоря на рейде Тенериф Санта-Крус. Вокруг раскинулся амфитеатром красивый городок с массой белых домиков. После девятнадцатидневного перехода из Портсмута моряки с наслаждением ступили на твердую землю.

Знаменитый горный пик и прекрасное вино — главные достопримечательности острова Тенериф. Высоту пика Лазарев измерил с расстояния 90 миль. «По сделанной секстантом обсервации приблизительная высота его оказалась равной около 11 500 футов^[17] от поверхности моря», — отметил Новосильский. Современные измерения определяют высоту пика в 3716 метров. Такая ничтожная разница, как двести с небольшим метров, при измерении расстояния в 90 миль свидетельствует о замечательной точности вычисления Лазарева.

«Как жаль, что с нами не было натуралиста, какое обильное поле для наблюдений представило бы ему море и воздух!» — с грустью заносит в свой дневник Новосильский.

«Плавание в тропических морях восхитительно! — продолжает он. — Между тем как судно с пассатным ветром под всеми парусами быстро несется к своей цели, огромное множество разнообразных обитателей моря и воздуха беспрестанно привлекают ваше внимание. Повсюду жизнь кипит и блещет самыми яркими, радужными цветами. В струе за кормою плыли дельфины, бониты, акулы, или шарки, не отставая от нас. Тропические птицы летали над шлюпами, морской орел фрегат, распустив широкие крылья, стоял неподвижно в воздухе над грот-брам-реей, несмотря на скорость нашего хода семи и ось-ми узлов в час. Над головами сновали летучие рыбки».

Дельфины так активно преследовали корабли, что один из них, выпрыгнув из воды, угодил через раскрытый люк прямо на стол, в каюту Лазарева.

Сбором биологических коллекций занимался капитан-лейтенант Завадовский. Он же препарировал трупы животных и изготавливал превосходные чучела.

Погода благоприятствовала походу, но жара и духота изнуряли. «Мы очень терпели в это время от жара, — писал Новосильский, — ни днем, ни ночью не было от него спасения. Иногда шлюп стоял совершенно

неподвижно среди безмолвного, как бы усыпленного моря. Ни одна волна, ни одна струйка не колебала зеркальной необозримой его поверхности. Полуденные лучи солнца падали прямо на голову. Распущенный на шканцах тент мало помогал нам, хотя его и поливали водой. В каютах воздух был спертый, удушливый и имел какую-то неприятную тяжесть». К счастью, в штилевой полосе довольно часто случались грозы с обильными ливнями.

Но вот сквозь голубоватую дымку предутреннего тумана стали вырисовываться берега Бразилии.

«Восток» и «Мирный» бросили якоря посередине гавани. Велика была радость моряков, опознавших в стоявших вдали кораблях русские шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный». Они вышли из Портсмута двумя днями позже, никуда не заходили и потому прибыли раньше «Востока» и «Мирного».

От «Благонамеренного» отвалила шлюпка и понеслась к «Мирному». В шлюпке находился брат Михаила Петровича Лазарева, лейтенант Алексей Петрович Лазарев. Крепко обнялись братья. Спустились в каюту и до поздней ночи толковали о разных делах и прежде всего о предстоящем ледовом плавании.

Распрощавшись с товарищами северного отряда, рано поутру 22 ноября «Восток» и «Мирный» оставили бразильскую столицу и взяли курс к острову Южная Георгия — «входным воротам» в Антарктику. Шлюпы вступали в широты, никем еще не изученные. От всего личного состава экспедиции требовались теперь особая бдительность, внимание и готовность ко всяким неожиданностям.

На второй день пути Беллинсгаузен приказал лечь в дрейф и вызвал к себе лейтенанта Лазарева, доктора Галкина и всех офицеров «Мирного», свободных от вахты. Он был озабочен, чтобы корабли, случайно разлученные на время штормом или льдами, не потеряли друг друга, как это случилось с кораблями Джемса Кука. Беллинсгаузен вручил Лазареву подробную инструкцию с указаниями, как ему действовать, если корабли разойдутся.

Полярная навигация началась.

На кораблях приступили к регулярным научным наблюдениям, но особенно тщательно следили за льдами на горизонте. В ясную погоду через каждые полчаса на мачту поднимался дежурный наблюдатель и обо всем виденном сообщал вахтенному начальнику.

Наступил декабрь — антарктическое пасмурное лето со снегом. Около шлюпов с пронзительным криком проносились альбатросы-буревестники,

проплывали стада дельфинов, ныряли акулы, все чаще встречались киты.

На шлюпах измеряли глубины моря, определяли температуру воды, изучали фауну.

Моряки с нетерпением ожидали появления острова Южная Георгия. Льды вокруг него обычное здесь явление, хотя остров и расположен всего лишь под 54° южной широты. Когда, наконец, вошли в полосу льдов, началась тяжелая и напряженная работа. Необходимо было произвести морскую съемку и описать наиболее трудно проходимый южный берег острова, куда не удалось проникнуть Куку.

Через разводья и полыньи корабли осторожно прокладывали путь вдоль незнакомого берега. Ни на минуту не покидали палубы ни Лазарев, ни Беллинсгаузен. Они должны были вести корабли и одновременно руководить съемкой берегов, отмечая все приметные пункты. Офицеры, вооруженные зрительными трубами, угломерными инструментами и записными тетрадями, вели наблюдения. Тут же, под сенью грот-мачты, примостился и художник Михайлов со своим походным альбомом. Часто шел снег. Контурсы острова в молочно-серой мгле теряли тогда очертания, кругом становилось мрачно и жутко. Свободные от работы офицеры спешили в кают-компанию, где отогревались крепким горячим чаем.

— Земля слева!

Земля не земля, а остров и впрямь был налицо, вплотную примыкающий к Южной Георгии, оказавшийся таким же суровым и бесприютным, как и Южная Георгия. Гористый, каменный, закиданный снегом, с длинными языками сползавших к берегам ледников, остров был безжизнен. В честь лейтенанта Анненкова остров получил его имя.

Все чаще встречались по пути животные; среди них множество китов и пингвинов — типичных антарктических птиц. «Они подплывали к шлюпу и громко кричали неприятным голосом, а иные выскакивали из воды у самого шлюпа, как будто с удивлением на нас смотрели и перекликались между собой». Мимо плыли длинные водоросли. Все это свидетельствовало, что впереди материковая земля! И в самом деле! 15 декабря, лишь только подул свежий попутный ветерок и разнесло туман, вдали обрисовались суровые очертания гористых островов Валлиса. «Чем ближе мы к ним подходили, тем вид их становился мрачнее, суровее. Дикая, неприступная скалы смотрели на нас очень неприветливо. В ущелинах и на вершинах гор лежал глубокий снег; бурун с шумом разбивался о прибрежные камни; пингвины еще громче кричали. На небе повисли темные густые тучи, воздух сырой, снег и град шли попеременно. Перед нами возвышалась Южная Георгия, как исполин в черной броне, с

убеленною главою, как грозный передовой страж таинственного Ледовитого моря!»

Пафос этой знаменательной минуты хорошо передан Новосильским. Дыхание подлинной Антарктики, суровой и неприветливой, чувствуется в каждом его слове.

Моряки пристально разглядывали остров. Вдруг они с удивлением заметили ботик, который держал курс прямо навстречу кораблям. На ботике развевался английский флаг. Оба корабля легли в дрейф. Ботик подошел к «Мирному». На палубу поднялись два промышленника. Вид их самый жалкий. Видимо, много месяцев не пользовались они мылом и гребнем. «Смотря на них, легко было понять, какую они терпят нужду и лишения». Один из них говорил по-русски. «Я бывал в Кронштадте, и мне случалось жить там», — ответил он на вопрос Лазарева и сообщил ему, что здесь, в заливе Марии, уже четыре месяца стоят два трехмачтовых английских корабля, пришедшие промышленять китовый жир и морских слонов. Промысел ими еще не налажен. Перебираясь на лодке из бухты в бухту, где бьют зверя и вытапливают жир, они нередко ночуют на берегу под опрокинутой вверх дном лодкой. Чтобы отогреться, растапливают жир морских слонов, которых здесь видимо-невидимо. Промышленники привезли на корабль крупные яйца пингвинов; яйца оказались вполне съедобными. Моряки снабдили англичан сухарями и тремя бутылками рома, принятыми ими с восторгом.

Трое суток моряки производили опись берегов, зарисовывали наиболее приметные пункты Южной Георгии. Три мыса получили такие названия: мыс Порядина (в честь штурмана флагманского корабля), мыс Демидова (в честь мичмана с «Мирного») и мыс Куприянова (в честь мичмана с «Мирного»). Залив в южной части Южной Георгии был назван в честь мичмана Новосильского его именем.

Далее путь лежал к Земле Сандвича. Это название было дано Джемсом Куком. Он увидел сушу с западной стороны издали и лишь наметил ее очертания.

К вечеру заштило. Воздух «прочистился», приобрел особую кристально-прозрачную ясность, которую можно наблюдать только в полярных широтах. Начальник приказал заночевать вблизи острова Анненкова. Люди нуждались в отдыхе.

На флагманский корабль прибыл Лазарев, он привез гармониста и певцов. В тесном сыром судовом кубрике начался концерт. Широко полилась родная русская песня, то печальная, надрывающая сердце, то веселая, бодряя, захватывающая.

День 20 декабря хорошо запомнился морякам. В широте 56°4' повстречали первый айсберг — ледяную гору, или «ледяной остров», как отметили в вахтенных журналах. Гора была огромных размеров, она возвышалась на 55 метров над уровнем моря и имела до полторы мили в окружности. Почти отвесные, у основания источенные прибоем стены этой громады вздымались выше мачт кораблей. Брызнувшие на мгновение лучи солнца заиграли яркими бликами на ее ледяной поверхности.

Местами гора была усеяна черными точками, точки шевелились. Сначала нельзя было различить, что это такое. Но, подойдя ближе, моряки разглядели несметные полчища пингвинов. Они стояли на месте и размахивали крыльями. Откуда-то появились стаи морских ласточек, буревестников и других птиц. Вокруг шныряли, выбрасывая высокие фонтаны, киты.

Все вышли на палубу посмотреть на невиданное зрелище. Из осторожности корабли держались от горы на почтительном расстоянии...

Позже, 26 января, Новосильский заносит в дневник: «Подвигались среди льдов к востоку, мы держались в больших широтах. Сегодня подошли к одному ледяному острову, вышиною от поверхности моря более двадцати сажен, легли в дрейф и сделали в верхнюю часть несколько пушечных выстрелов, но они сначала не произвели над островом никакого действия, напоследок одним ядром разрушило значительную часть ледяной горы, и вся громада, потеряв равновесие, наклонилась и со страшным шумом рухнула в воду, а другая ее часть, бывшая дотоле в воде, вышла наверх»^[18].

Все чаще и чаще стали встречаться айсберги, порою достигавшие еще больших размеров. Становилось холодно, термометр уже не подымался выше +2 °С. Все более мрачнел горизонт. По-прежнему встречалось много китов и птиц.

В морозное пасмурное утро 22 декабря вдруг прояснило. Моряки увидели неизвестный остров. Мрачный, весь покрытый снегом и льдом островок, как выяснилось позже, принадлежал к группе Южных Сандвичевых островов. Его назвали островом лейтенанта Лескова. На Другой день увидели еще два неизвестных острова: им присвоили имена Завадовского и Торсона^[19]. Вся же группа в честь морского министра была названа островами маркиза де Траверсе.

Остров Завадовского очень заинтересовал моряков. Здесь действовал вулкан, «из жерла которого беспрерывно поднимались густые смрадные

пары». «Может быть, — замечает Новосильский, — по временам огнедышащая гора извергала пламя, и потоки лавы текли по крутым ее ребрам, только не было разумного существа, которое могло бы видеть и понимать это величественное явление!»

Высадиться на остров было очень заманчиво, но рискованно. Спустили шестерку. В нее прыгнули мичманы Новосильский, Куприянов и лейтенант Обернибесов. Дул свежий ветер, и «страшный бурун ходил по камням, которыми окружен берег». Нырять в ярко-зеленых волнах, моряки долго не знали, где им высадиться. Наконец нашли небольшую спокойную бухточку.

Прежде всего было решено подняться на вулкан. Взбирались долго, тяжело дыша, перелезая с камня на камень. Когда были почти у цели, мичман Новосильский едва не погиб. Смерзшийся снег, задернувший глубокую впадину, вдруг обрушился, и Новосильский полетел в пропасть. К счастью, ему удалось ухватиться за каменный выступ, но левая рука соскользнула, и он повис на одной правой. «Еще одна секунда, — вспоминал Новосильский, — и я должен был лететь в пропасть, перерезанную острыми камнями, на дне которой кипел страшный бурун, ни помощи, ни спасения ожидать было неоткуда...» В глазах потемнело, все было кончено... Выручили подоспевшие матросы. Один из них, Петунии, «избавитель мой», как назвал его Новосильский, ловко бросил конец веревки. Судорожно, налету схватил его Новосильский. Общими усилиями его вытянули на поверхность.

Не успел Новосильский оправиться от тяжелых переживаний, как перед ним неожиданно развернулось сказочное зрелище. «Пространная равнина, на краю которой мы теперь стояли, была покрыта без преувеличения миллионами пингвинов; их хриплый крик, соединяясь с шумом воды, разбивающейся о прибрежные камни, произвел на меня, так чудесно в эту минуту спасенного, неизъяснимое, никогда неизгладимое впечатление. Я был в каком-то новом чудном свете; для меня начиналась как будто новая жизнь!»

Удивление сменяется любопытством. Моряки захотели поближе подойти к кратеру. Но они не могли сделать ни одного шага вперед: пингины стояли стеной, сплошной массой. Чтобы расчистить дорогу, мичман Куприянов выстрелил дробью и ранил одного пингвина. Выстрел не произвел никакого эффекта, птицы по-прежнему стояли недвижно, и лишь ближние от раненого, окружив его, «с изумлением смотрели на окровавленного товарища». Пришлось силой пробивать себе путь, расталкивая птиц ногами и стегая хлыстом.

Вокруг расстилались необозримые поля гуано, издававшие резкий, одуряющий запах аммиака. Запах был настолько тошнотворен и раздражал глаза, что моряки поспешили ретироваться. Любопытны их наблюдения над пингвинами. «Мы заметили, — пишет Новосильский, — что пингины ходят с острова в воду для пищи и купания один за другим, линиями в совершенном порядке. С моря возвращаются на остров также один за одним гуськом, не торопясь и без малейшего замешательства». Несколько живых пингинов моряки доставили на корабль.

Пресная вода на корабле подходила к концу. Решили доставать воду прямо с айсбергов. Шлюпка подходила к ледяной горе, матросы подымались на одну из ее площадок и откалывали лед топорами и кирками, который и доставляли на корабль в бочках. Если же гора была слишком велика и неудобна для подхода к ней, лед откалывали, стреляя по горе ядрами.

Все глубже забирались корабли в царство ледяных гор и снежных метелей. С каждым днем хуже становилась погода, особенно досаждала пронизывающая сырость. Массы плавучего льда сильно замедляли ход кораблей. Все чаще встречались ледяные острова. Иные достигали нескольких миль в длину и в ширину. Обходя их, судам приходилось описывать причудливые зигзаги.

Как-то в один из таких дней раздался тревожный крик вахтенного: «Всех наверх!» Матросы выскочили на палубу и увидели перед носом корабля «страшной величины ледяной остров». Лазарев, не покидавший в течение всего дня палубы, успел вовремя повернуть корабль и тем самым спас его от верной гибели. «Во весь тот день, — читаем мы у Новосильского, — слышен был с разных сторон глухой шум, оттого ли, что ледяные горы перевертывались, так что верхняя их часть погружалась в воду, а бывшая прежде в воде выходила наружу, или ледяные горы, встретясь между собой, разбивались одна о другую».

Январь — разгар антарктического лета. Почти непрерывно идет снег, и вахтенные едва успевают сбрасывать его за борт. Ванты и такелаж обледенели; каждые полчаса матросы подымаются на мачты и скалывают лед.

«Беспрестанный снег и туман продолжались иногда по две недели сряду, — писал Лазарев А. А. Шестакову. — Ты из сего можешь иметь понятие об нашем лете, особенно если сказать тебе, что термометр иногда при южных снежных штормах понижался до 4,5 градусов морозу. Береговым твоим землякам покажется это немного, а ты можешь судить, каково это в море при жестоком шторме?»

Но и в Антарктике выпадают иногда ясные денечки. На кораблях настроение тогда праздничное. Работают дружно и весело. Именно такой день выдался, когда командирам удалось закончить опись группы островов. Посоветовавшись с Лазаревым, Беллинсгаузен присвоил этой группе название Южных Сандвичевых островов. Русские моряки подчеркнули свое уважение к предшественнику — исследователю южного полярного моря. «Капитан Кук, — пишет Беллинсгаузен, — первым увидел сии берега, и потому имена, им данные, должны оставаться неизгладимо, дабы память о столь смелом мореплавателе могла достигнуть до позднейших потомков». Один из Южных Сандвичевых островов Беллинсгаузен назвал островом Кука.

Мысль об Антарктиде не оставляет моряков. Они хотят разгадать ее тайну, Новосильский высказывает замечательное предположение: «Очевидно, что от самых Фалкландских островов продолжается под водой непрерывный горный хребет, выходящий из моря скалами Авроры, Южным Георгием, Клерковыми камнями, островами маркиза де Траверсе, Сретения и Сайдвичевыми. Вулканическая природа этого хребта несомненна, дымящиеся кратеры на островах Завадовского и Сандерса служат явным тому доказательством; вероятно, есть огнедышащие горы и на других островах, вершины которых мы видели под ледяною корою и снегом. Если позволено сделать здесь скромное предположение, то, кажется, за Тюле^[20] должны быть новые острова и, может быть, даже материк^[21], иначе откуда бы взялось такое бесчисленное множество ледяных островов? Гряда Сандвичева с ее северным продолжением далеко для этого недостаточна. Но как достигнуть этих заповедных островов или берега? На этот вопрос отвечать гораздо труднее... Может быть, более счастливому будущему мореплавателю и столь же отважному, как наш начальник, вековые горы льда, от бури или других причин расступившись в этом месте, дадут дорогу к таинственному берегу!»

А между тем ни Новосильский, ни его товарищи не подозревали, что они почти вплотную подошли к Антарктиде!

Лишь только суда стали выбираться из густой чащи льда, налег туман такой густоты, что с кормы не видно было бака. Повалил снег. А вокруг на необозримом пространстве лед и лед без конца. Началась борьба, упорная и опасная. Рядом с рулевым у штурвала стоит лейтенант Лазарев, сосредоточенный и серьезный. Одет он в теплый бушлат, на голове ушанка. Представляя его в этот момент, невольно вспоминаешь державинского полярного исследователя:

*...В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, окутан шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых...*

То и дело раздается его властный голос:

— Право, еще право...

— Держи лево, больше лево... лево на борт!

— Так держать!

«Если прибавить к этому, — замечает Новосильский, — что наш «Мирный» плохо слушался руля и что одного удара о значительную льдину было достаточно, чтоб пойти всем ко дну, читатель поймет, как опасно было наше положение! Пингвины, как бы радуясь нашей невзгоде, окружали нас во множестве, надоедая своим диким концертом. Даже неповоротливые киты отчего-то необыкновенно разыгрались; они выскакивали из воды стоймя на две трети своей длины, потом ныряли, показывая свой широкий хвост, — это была настоящая пляска морских чудовищ!»

Когда была пройдена гряда Сандвичевых островов, шлюпы снова спускаются к югу, чтобы достигнуть наибольшей широты. Вскоре они очутились в окружении ледяных гор. Во время своей вахты Новосильский насчитал до 50 больших айсбергов и множество мелких. «Я очень хорошо понимал, какая тяжелая ответственность лежала на мне, — замечает он. — Малейший недосмотр мог быть гибелен для шлюпа. Признаюсь, в первый раз пожелал я, чтоб моя шестичасовая вахта скорее закончилась».

Вахтенные матросы беспрестанно рапортуют: «Прямо лед!», «Вправо лед!», «Влево лед!» Не отрываясь от трубы, следит мичман за передвижением ледяных гор и отдельных льдин.

Но вот вахта окончена. Спустившись к себе в каюту, Новосильский засветил висящий над столом фонарь и принялся записывать «в свой прозаический, но по крайней мере справедливый, без всяких вымыслов и прикрас, журнал обстоятельства пережитого дня... то самое, что вы, благосклонный читатель, сейчас имеете перед своими глазами».

Смертельная усталость одолевает Новосильского. Глаза его слипаются. Он тушит фонарь, ложится на койку и мгновенно засыпает. Но ужасный удар вдруг будит его. Он тотчас выбегает на палубу... За кормою, покачиваясь, медленно удаляется от шлюпа огромная льдина. Оказалось, что «Мирный» ударился со всего хода о льдину форштевнем! Если б удар

пришелся скулой^[22], гибель корабля была бы неизбежна.

На палубе появляется Лазарев. Новосильский отдает должное его выдержке и спокойствию. «Ни единым словом, ни жестом не изъявил он неудовольствия своего вахтенному офицеру, который, конечно, не мог отвечать за то, что шлюп не послушался руля. Впрочем, худых последствий от этого удара не было, вода в трюме не прибывала, но у форштевня выломало греф на четыре фута в длину».

Опасность велика, но оба командира упорно ведут свои корабли через узкие извилистые проходы во льдах. Риск огромный: если бы эти проходы затянуло туманом, «едва ли бы корабли уцелели».

Вспоминая об этом происшествии, Лазарев впоследствии писал А. А. Шестакову: «Несчастье сие случилось в густую мрачность при 6 узлах ходу. Льдину увидели уже так близко, что избежать ее было невозможно, и, к счастью, ударились прямо штевнем; если бы сие случилось немного правее или левее, то непременно бы проломило, и тогда, конечно, никто бы из нас не рассказал, где были. Удар сей случился в два часа утра и столь был силен, что многих из людей выкинуло из коек».

В солнечные дни морьяками овладевало радостное, веселое настроение, и никто тогда не помышлял об опасности. Не страх, а восторг вызывали тогда ледяные горы. Вот волнующая запись Новосильского: «Перед глазами нашими самое величественное, самое восхитительное зрелище! С левой стороны — большие ледяные острова из чистого кристалла, светились изумрудами; солнечные лучи, падая на них косвенно, превращали эти кристаллы в чудные, волшебные, освещенные бесчисленными огнями дворцы, возле которых киты пускали высокие фонтаны. Другие острова с глубокими пещерами, в которые с яростью устремлялись волны, а сверху падали каскады, представляя самые разнообразные причудливые формы. По правую от нас сторону весьма близко тянулось ледяное поле, на котором были точно целые города с мраморными дворцами, колоннадами, куполами, арками, башнями, колокольнями, полуразрушенными мостами, посеребренными деревьями, — словом, мы видели самую интересную, чудную, фантастическую картину из «Тысячи и одной ночи!»»

Восторг молодого офицера вполне понятен, и замечания его дышат искренностью. Путешественники, побывавшие в дебрях Антарктики, не раз отмечали, что ледяные горы здесь представляют собой не только нечто грандиозное, но и бесконечно своеобразное. Это не просто предвестники мира вечного льда — нет, это подвижные частицы самой Антарктики, скользящие по морю исполинские монументы, изваянные рукой природы, и притом такой величины, что на некоторых из них мог бы поместиться

большой город.

Оставив позади полчища айсбергов, моряки пробиваются к югу; иногда они снова и снова попадают во льды. Их не пугает возвращение, может быть, вдвойне тяжелое. Только бы пробиться подалее на юг, только бы взглянуть: суша ли там или море, материк или подвижные льды? Наконец достигнута широта $69^{\circ}17'$. А впереди все еще чисто! Каждая пройденная вперед миля несказанно радует их. Быть может, удастся дойти до широты еще более близкой к полюсу? Кто знает?

Когда прошли еще несколько миль, льды снова преградили путь. Беллинсгаузен, однако, не оставлял надежды продвинуться еще дальше к югу, но он решил сделать передышку. Лазарева с офицерами он пригласил на обед. «Эти редкие под Южным полюсом среди льдов свидания были для нас бесценны», — вспоминает Новосильский. Пробыв в кругу товарищей несколько часов, обменявшись впечатлениями, накопившимися за дни разлуки, моряки с «Мирного» поздно вечером вернулись на свой корабль. Что-то будет завтра?

А завтра стало кульминационным моментом всей экспедиции. Оно подарило моряков величайшим открытием, открытием шестой части света — Антарктического материка, хоть сами они не вполне осознали и оценили свой подвиг.

В исторический день 16 января 1820 года по всему горизонту с востока на запад можно было проследить сплошной барьер темных бугристых льдов. *Это и была окраина Антарктического материка* (под $69^{\circ}23'$ южной широты). Беллинсгаузен и Лазарев с полным основанием подозревали, что они совсем близко у желанной цели. Но Антарктика не хотела раскрыть свои тайны, а честность и добросовестность исследователей не позволили им раньше времени утверждать, что они достигли южного материка.

Вспоминая об этом памятном дне, Лазарев писал А. А. Шестакову. «Шестнадцатого генваря достигли мы широты $69^{\circ}23'S$, где встретили матерой лед чрезвычайной высоты, и... простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурило и пошел по обыкновению снег... Отсюда продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюйду, но всегда встречали льдинный материк, не доходя 70° ».

Утром 5 февраля внимание моряков привлекла вытянувшаяся во весь горизонт широкая блестящая полоса. Подошли ближе. Полоса представляла собой неподвижный ледяной барьер с высокими отвесными стенами. Тщетно искали командиры прохода в стене: встречали лишь

небольшие ледяные бухты. «В сем месте уже не было никакой возможности продолжать путь далее на юг», — писал Беллинсгаузен. Посоветовавшись с Лазаревым, он решил отступить перед непреодолимым. Шлюпы повернули на север.

В тот же день мичман Новосильский записывает в свой дневник:

«5 февраля при сильном ветре тишина моря была необыкновенная. Множество полярных птиц и снежных петрелей (буревестников) вьются над шлюпом. Это значит *что около нас должен быть берег или неподвижные льды*» (разрядка наша. — Б. О.)^[23].

Теперь мы хорошо знаем, что именно в этом месте «Восток» и «Мирный» *вторично вплотную подошли к берегу Антарктического материка.*

Наступила полоса сильнейших штормов.

Ночь на 17 февраля была одной «из самых неприятнейших и опаснейших» за все время плавания. Вспоминая об этих жутких днях, Беллинсгаузен заметил, что бывали моменты, когда «бояться было стыдно, но самый твердый человек внутренне повторял: боже спаси!»

Шторм всегда таит в себе опасность. Но когда вокруг теснятся колоссальные айсберги, опасность тройная. Редкий по биле шторм застиг моряков в эту ночь. Уже в начале его корабли потеряли друг друга. К тревоге за судьбу своего корабля присоединилось беспокойство за судьбу товарищей. Лазарев приказал дать залп из четырех орудий. Залп услышали на «Востоке», но судам все же соединиться не удалось.

«Волны подымались, как горы, — вспоминает Новосильский, — шлюп то возносился на вершины их, то бросаем был в изрытые водяные пропасти... Кругом льды, между тем темно и пасмурно, густой снег, соединяясь с брызгами разносимой повсюду вихрем седой пены валов, обнял наш шлюп каким-то страшным хаосом. Присоедините к этому свист ветра в обледенелых снастях, скрип перегородок в шлюпе, бросаемом с боку на бок, мелькающие в темноте, как привидения, ледяные громады, пушечные выстрелы и фальшфейерный огонь, ярко освещающий мрак в бурю, и вы будете иметь только бледную копию всех ужасов этой ночи! Когда с хребта волны шлюп падал вниз, казалось, что мы находимся при подошве высочайшей водяной горы. Сильнейший вихрь рвал верхи валов и разносил брызги дождевою пылью по воздуху».

В полночь — смена. Новосильский пробирается в каюту и, как сноп, падает на койку. Но заснуть ему не удастся. Над самым ухом, не переставая, рушатся на палубу тысячепудовые гребни, корабль дрожит и

падает на сторону. В голове мичмана проносятся заманчивые картины уютной петербургской жизни. «Наши родные и друзья на далеком севере, — не то с упреком, не то с завистью думает он, — и не подозревают, какую бедственную ночь проводят русские моряки во льдах под Южным полюсом!»

Позднее, в южной части Индийского океана, грянул еще более ужасный шторм. «Положение шлюпа нашего могут представить себе только те, которые подобное испытали, — заметил о нем Беллинсгаузен — Сила ветра была такова, что паруса полопались один за другим, к утру уцелел лишь один фор-стаксель. Я приказал скорее спустить его, дабы иметь хоть один парус на всякий случай. Ветер ревел, волны вздымались до высоты необыкновенной, море с воздухом как будто смешалось, треск шлюпа заглушал все. Мы остались совершенно без парусов, на произвол свирепствующей бури. Я велел растянуть на бизань-вантах несколько матросских коек, дабы удержать шлюп ближе к ветру. Мы утешались только тем, что не встречали льдов в сию ужасную бурю».

Но недолго утешались моряки! К вечеру раздался крик вахтенного.
— Лед впереди!

Лазарев тотчас приказал поднять единственный уцелевший парус и положил руль на борт, но маневр на огромной волне не удался. Затаив дыхание смотрели моряки, как корабль несло прямо на огромную льдину. Все больше сокращалось расстояние. Страшный удар, казалось, вот-вот разнесет корабль в щепы.

Но льдина пронеслась мимо, под самую кормую шлюпа в расстоянии всего лишь нескольких метров от нее. Другая льдина была отодвинута волной, весьма кстати вынырнувшей из-под шлюпа.

Вздых облегчения вырвался у моряков.

Двое суток продолжалась ужасная антарктическая буря. Особенно опасным было положение «Востока». Он шел тремя градусами южнее «Мирного», где ледяных гор было больше.

Частые бури, непрерывное нервное напряжение, ненормальные условия жизни, работа через силу, сырость и холод не могли не отразиться на здоровье людей. Лазарев предложил выдавать матросам, кроме полуденной порции водки, по стакану пунша с сахаром и лимонным соком. Эта мера принесла как будто пользу. Во всяком случае, среди матросов к концу первого года плавания больных не было.

Командиры судов прилагали все усилия, чтобы обеспечить командам хорошие бытовые условия. Судовые врачи Берг и Галкин тщательно наблюдали за здоровьем людей. Промокшие платья вовремя высушивались,

а тяжелый воздух в каютах регулярно освежался топкою камельков и проветриванием. Осушение сырых помещений по совету Лазарева производилось с помощью раскаленных пушечных ядер. Врачи снискали большое к себе уважение. «Мы имели в докторе Галкине, — писал Новосильский, — не только искусного, но неусыпного и самого заботливого медика». «Ревностное старание отличных медиков подымало больных с одра немощи», — заметил профессор Симонов.

Лазарев в письме к А. А. Шестакову писал: «В порт Джексон прибыл я 7 апреля после 138-дневного плавания, в продолжение коего не только не лишились мы ни одного человека, но не имели больных и даже никаких признаков скорбута. Каково ныне русачки наши ходят!».

Приближалась антарктическая осень. Все меньше выпадало ясных, спокойных дней. Каждый час мог принести новый шторм. Посоветовавшись, командиры решили идти на зимовку в Австралию, в порт Джексон. По пути решили исследовать широкую полосу океана, никем еще не посещенную, найти никому не ведомый, но тем не менее обозначенный на картах Компанейский остров, а также ознакомиться с необследованным районом острова Тасмании.

На этот раз шли раздельно. Каждый корабль выполнял свою программу исследований. На параллели 59° южной широты и меридиане 88°51' восточной долготы моряки распрощались.

Но никакого Компанейского острова обнаружено не было по той простой причине, что его вовсе не существовало. Однако легенда о нем долго не умирала и после русской экспедиции. Так, побывавший в 1911–1914 годах в этих широтах известный исследователь Антарктики геолог Моусон все еще упрямо разыскивал этот мифический остров. Как видим, предрассудки в науке так же живучи, как и в жизни!

29 марта 1820 года «Восток» бросил якорь на рейде порта Джексон в Австралии. Шесть дней спустя сюда пришел и «Мирный».

Итак, первый этап плавания был благополучно завершен.

В порту Джексон научные работы продолжались. Профессор Симонов, «образованнейший и достойнейший астроном, которого невозможно было не любить», соорудил на берегу залива походную обсерваторию и приступил к работе. Ежедневно он определял высоту солнца в истинный полдень, а по ночам прохождение через меридиан звезд южного полушария. «Ученые, — заметил Беллинсгаузен, — разберут и оценят похвальное Симонова предприятие и труд на пользу астрономии».

Обширный Австралийский материк в те времена был почти не изучен.

Вот почему офицеры решили описать форму и строение австралийских берегов и прилегающих пространств суши, изучить флору и фауну, быт и культуру населения, а также методы колонизации и систему управления.

Все это были темы новые, острые, возбудившие величайший интерес не только у отечественных ученых, но и у зарубежных. Последние не раз выражали недоумение, как могли строевые моряки, люди не получившие специального образования в этнографии и естествознании, собрать и осветить такой огромный научный материал. Недаром известный русский географ профессор Ю. М. Шокальский охарактеризовал плавание русских в Антарктике «как беспримерное, никем более не повторенное и по результатам своим ценное до сих пор».

Стоянка в порту Джексон была довольно продолжительна — почти двухмесячная. Необходимо было своими силами основательно отремонтировать оба шлюпа и дать отдых матросам. Беллинсгаузен, Лазарев и часть офицеров подробно знакомились с английской колонией Новый Южный Уэлс. Они при содействии губернатора посещали мастерские, школы, госпитали и различные учреждения, изучали местные этнографические, зоологические и ботанические условия. Обобщая наблюдения за бытом туземцев, Беллинсгаузен впоследствии писал: «Природные жители Новой Голландии к образованию способны, невзирая, что многие европейцы в кабинетах своих вовсе лишили их всех способностей».

8 мая корабли покинули порт Джексон и направились к Новой Зеландии. 26 мая они вошли в пролив Кука, разделяющий Новую Зеландию на Северную и Южную. Перед глазами разворачивались картины одна другой величественнее. В просвете между облаками засверкала снежной вершиной гора Эгмонт. Потухший вулкан Эгмонт расположен на Северном острове Новой Зеландии. Лазарев удивительно точно определил высоту вулкана. По его вычислениям, высота оказалась равной 2508 метрам. Современные исследования превысили эту величину всего на 6 метров! Интересно, что участник второго кругосветного плавания Кука немецкий ученый Форстер определил высоту вулкана в 4500 метров!

Чтобы ближе познакомиться с туземцами-людоедами, моряки несколько раз высаживались на берег, однако не иначе, как вооруженными, в сопровождении взвода матросов.

«С зеландцами шутить не должно! — пишет Новосильский. — Мы заметили, с каким необыкновенным вниманием смотрели они на наши руки и грудь, когда она раскрывалась». Отдает должное здешним туземцам и матрос первой статьи Егор Киселев, оставивший свои немногоречивые

записки о плавании на «Востоке». О жителях острова Опаро он говорит: «На оном острове народу дикого премножество, и народ преразбойный, того и глядит, где бы гвоздик украсть». И далее о другом острове: «Есть на острове дикого народу премножество, и народ самый прелюдоеды».

По инструкции экспедиции надлежало в период зимы в южном полушарии исследовать малоизученный юго-восточный район Тихого океана. Поэтому от Новой Зеландии оба шлюпа и направились к островам Туамоту и Общества (Товарищества).

Шлюпы вступали в тропические моря «в надежде увидеть счастливый, всеми благами природы наделенный остров Отаити». Через двадцать пять дней они подошли к открытому Ванкувером острову Опаро, расположенному между Новой Зеландией и островами Общества.

Время установилось прекрасное, удобное для наблюдений. 5 июля в широте 17° и долготы 219° был открыт остров, названный в честь одного из адмиралов русского флота островом Моллера.

Остров был обитаем. Голые его жители, по-видимому совершенно незнакомые с европейцами, представляли огромный этнографический интерес. Но завязать с ними знакомство, несмотря на все старания, не удалось. С кораблей отправились на берег две шлюпки под командой Беллинсгаузена и Лазарева. Но моряков встретили недружелюбно. На берег сбежалось более полусотни туземцев. Они что-то кричали и угрожающе размахивали пиками. Стоявшие в отдалении женщины также были вооружены пиками. Нетрудно было понять, какую встречу островитяне готовили морякам. Конечно, двумя-тремя боевыми выстрелами толпу нетрудно было рассеять, но русские командиры заранее условились открывать огонь лишь в самом крайнем случае, для самозащиты.

Пришлось оставить красивый, но негостеприимный остров.

Почти ежедневно моряки открывали и описывали новые острова. За исключением острова Грейга, все они были кораллового происхождения. Им присваивали имена известных русских полководцев и военных деятелей: Барклая-де-Толли, Ермолова, Голенищева-Кутузова, Аракчеева, Волконского, Раевского, Остен-Сакена, Милорадовича, Витгенштейна, адмиралов Чичагова, Крузенштерна и Грейга^[24].

На некоторых островах удалось завязать знакомство с туземцами, но дружелюбием они не отличались.

Однажды ночью полинезийцы решили напасть на русские корабли. Вооруженные пиками, арканами и алебардами, они на лодках незаметно подошли к флагманскому шлюпу. Но часовые на кораблях вовремя заметили приближающихся туземцев.

К счастью, и на этот раз обошлось без кровопролития. Приказав приготовиться к абордажному бою и зарядить орудия, Лазарев распорядился, лишь только лодки приблизятся к шлюпам, пустить в ход ракеты. Это остроумное средство имело полный успех. Взвившиеся вверх и рассыпавшиеся в воздухе с треском ракеты настолько перепугали островитян, что они поспешно бежали и больше не пытались нападать на русские корабли.

На пути обратно в порт Джексон мореплаватели открыли еще несколько островов. У одного из них они встретили несколько изящных пирог. Нос и корма пирога были приподняты и украшены искусно вделанными в дерево жемчужными раковинами. Этому острову присвоили имя великого князя Александра.

Туземное судостроение всегда интересовало Лазарева. Он тщательно зарисовывал, измерял и изучал особенности судов жителей Океании, а в часы редкого досуга мастерил в своей каюте модели. У него составила любопытнейшая коллекция судов островитян Тихого океана. Впоследствии, при разработке типа наиболее совершенного корабля, эта коллекция очень пригодилась Лазареву.

Далее был открыт еще ряд необитаемых коралловых островов. В честь участников экспедиции — художника Михайлова, профессора Симонова и лейтенанта Лазарева — острова получили их имена. Четвертый остров, «Восток», был так назван в честь флагманского шлюпа^[25]. Были исправлены и уточнены координаты ранее открытых, но неправильно нанесенных на карты островов.

9 сентября корабли вернулись в гостеприимный порт Джексон. Здесь они опять простояли около двух месяцев. Моряки произвели необходимый тщательный ремонт перед новым тяжелым плаванием.

Офицеры, в особенности Завадовский, усердно разыскивали и покупали редких австралийских животных. «Мы насчитали на шлюпе «Восток», — писал Беллинсгаузен, — 84 птицы. Они производили большой шум, некоторые из какаду произносили разные английские слова, а прочие птицы дикими голосами кричали и свистели. Мы взяли также кенгуру, который бегал на воле, был весьма ручной и чистоплотный, часто играл с матросами и не требовал большого присмотра; ел все, что ему давали». Всю эту живую коллекцию моряки рассчитывали доставить в Россию. Но в трудном плаваньи все животные погибли. Уцелело лишь несколько птиц.

Между тем приближалось удобное время для вторичного вторжения в Антарктику. Еще раз произведя ремонт в порту Джексон, моряки взяли курс на юг.

31 октября 1820 года шлюпы отправились в путь.

«Вот и начало давно желанному, вторичному к Южному полюсу плаванию! — восклицает Новосильский. — Мы вперед знаем, что в больших широтах постоянными нашими спутниками будут льды, туманы, снег, холод; не обойдется, конечно, и без бурь, но зато увидим много и любопытного... Может быть, увидим и берега, покрытые вечными снегами и окруженные ледяной стеною... Но если б удалось открыть посреди этой обледенелой природы высокий огнедышащий вулкан, извергающий дым и пламя, это была бы истинно дивная картина!»

Желанию мичмана не удалось сбыться. Но предвидение его оправдалось. Спустя 20 лет посреди обледенелой природы под 77 1/2 южной широты на Земле Виктории был открыт действующий вулкан — знаменитый Эребус высотой в 3770 метров. По образному выражению одного из полярных путешественников, он стоит «точно часовой у порога великой ледяной преграды».

Погода была вначале спокойная, безветренная, но с каждым днем тяжелое дыхание Антарктики чувствовалось все сильнее.

8 ноября в первую же свежую погоду на «Востоке» обнаружили течь. Как ни тщательно проконопачили корабль в порту Джексон и исправили медную обшивку подводной части корпуса, вода вливалась с такой силой, что слышно было ее журчание.

Это непредвиденное происшествие причиняло морякам много хлопот во все дальнейшее плавание. Текло непрерывно, а обнаружить и заделать течь не удавалось, несмотря на все старания. Плавание на «протекающем» шлюпе никому не улыбалось.

«Не слишком приятно предпринимать и обыкновенное плавание на судне с течью, — замечает Новосильский, — тем более можно бы призадуматься идти на таком судне в южные льды, где можно ожидать жестоких бурь и почти неизбежных о льды ударов, но бесстрашного капитана Беллинсгаузена ничто поколебать не может, он отважно пускается под полюс и с ненадежным шлюпом!»

Корабли вступали в районы южного океана, никем еще не посещенные. На рассвете 17 ноября увидели вдали остров Маквэри, открытый всего лишь десять лет тому назад англичанами. Стояла холодная, пасмурная погода. Над беспокойным морем с жалобным криком носились буревестники. Остров Маквэри лежит на одной широте с островом Южная Георгия, вечно задернутым снежной пеленой. Воображению моряков рисовалась и здесь та же картина. Но на Маквэри была яркая зелень, на ее фоне особенно рельефно выделялись мрачные, темные скалы. Из высокой

травы выглядывали большие звери, которых промышленники называли «морскими слонами». На берегу лежали тысячи этих животных, погруженных в глубокий сон. Когда в них бросали камни, они просыпались и с громким хрюканьем лениво сползали в воду.

Вскоре моряки набрали на множество бочек, наполненных жиром, по-видимому, морских слонов. Далее была обнаружена маленькая хижина. В ней на теплом еще очаге лежали куски изжаренного мяса.



Путь экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева в Антарктиду в 1818–1821 годах.

Но вот явились и обитатели хижины — трое англичан-промышленников. Они рассказали, что уже семь месяцев живут на острове

и поджидают корабль, который должен прийти за ними из Австралии.

На другой день мореплаватели опять посетили остров. Они тщательно обследовали лежбища морского зверя и расспросили промышленников о промысле. Выяснилось, что истребление ценных ластоногих происходит здесь самым варварским, хищническим и притом чрезвычайно жестоким способом, без соблюдения сроков охоты. Слонов становится все меньше, а морские котики, которых прежде здесь было великое множество, истреблены почти полностью. Главным занятием промышленников было добывание жира морских слонов. Убив спящего слона, они срезали с животного сало и вытапливали его в расставленных тут же котлах; горючим служили куски того же сала. Добытый жир сливали в бочки и отправляли в Австралию и в Англию, получая огромные барыши. Промышленники рассказали, что, отправляясь сюда, они запаслись лишь сухарями и ромом. Все остальное для пропитания они добывают на острове.

Алчность промышленников доходила до безрассудства. Без всякой нужды они забили столько зверя, что не знали, куда его девать. За бутылку рома они охотно разрешили русским наполнить жиром несколько бочек. Новосильский привел в дневнике возмутившую его до глубины души сцену, как один из промышленников, желая продемонстрировать свое искусство, «сел верхом на морского котика, обрезал ему шею и с живого еще стал сдирать шкуру; животное стонало и вопило детским голосом; зрелище это было до крайности возмутительно, а промышленникам, привыкшим к нему, ровно нипочем».

19 ноября шлюпы покинули остров и ушли на юг.

Вот и первые ледяные горы. С каждым днем их все больше и больше. Некоторые возвышаются над морем до 40 метров и имеют в длину и ширину примерно по 18 километров (10 морских миль). Если учесть, что подводная часть больше надводной в 7–8 раз, можно представить себе величину этой горы. Она достигала не менее 230 метров!

В начале декабря стали свирепо дуть северо-западные ветры. Ничего хорошего это не предвещало. Необходимо было подальше уходить от ледяных полей. «Бежать с жестоким попутным ветром довольно опасно, — замечает Новосильский, — валы точно водяные горы, догоняя корабль, угрожают обрушиться на корму; судно, как бы чувствуя опасность, дрожит всеми членами и летит по кипящему морю со всею скоростью, к какой только способно».

Но уйти от шторма не удалось. Он разразился с необычайной силой и продолжался несколько дней. «Густая пасмурность со снегом, вихрь, несущий брызги и пену, — все это смешалось в какой-то непроницаемый

хаос. Если встретим теперь ледяные острова или большие льдины, тогда никакое искусство, никакие человеческие усилия нам не помогут, и, однако ж, мы остались целы и невредимы!» — замечает Новосильский.

Беллинсгаузен дополняет его слова: «...Далее 25 сажений мы ничего не видели. Таково было наше положение при наступлении ночи. Нас дрейфовало наудачу, и мы беспрестанно ждали кораблекрушения. Всевозможные меры были приняты, если встретим ледяной остров, но ежели бы встретили, то к нашей гибели».

Опасности стерегли людей на каждом шагу. Однажды «Восток», несшийся под всеми парусами, закачался и остановился. Выбежав наверх, моряки увидели «величественное и ужасное зрелище». Корабль стоял в узком проходе между близко подошедшими один к другому двумя колоссальной величины айсбергами. «Первый из сих островов, — замечает Беллинсгаузен, — был так высок, что отнял ветер у самых верхних парусов. Матрос Южиков, стоявший в сие время на салинге, сказывал, что вершина льда была многим выше клотика^[26], обращенная к нам сторона, совершенно перпендикулярная, представлялась в виде величайшего щита. К счастью, мы имели тогда ходу более 5 миль в час и сим ходом прошли длину острова около 200 сажений. Вскоре после сего прошли таковой же остров и видели, как великие оною части с большим треском и шумом сваливались в море».

Страшно подумать, что стало бы со шлюпом, не успей он вовремя проскочить через узкий проход и выйти на открытую воду!

Мощь Антарктики в это второе плавание еще больше изумляла моряков. Ничего подобного не ожидали они увидеть. В иные дни насчитывали до 300 пльвших навстречу айсбергов! И все же корабли продвигались вперед!

Подымаясь на север, оба командира через некоторое время, если позволяли льды, снова поворачивали на юг, полные новых надежд, новых дерзаний! Порой Беллинсгаузену и Лазареву казалось, что им не удастся полностью выполнить намеченный план, но они утешались мыслью, что их опыт будет полезен будущим мореплавателям.

Новый год команды собирались провести вместе за праздничным столом. Но вид горизонта, «покрытого мрачностью», не радовал. Вдобавок густой пеленой налег туман. Праздничную поездку в гости пришлось, как и в прошлом году, отменить. «И так мы уже другой Новый год проводим весьма неприятно и в большой опасности», — замечает Беллинсгаузен.

Вскоре командиры убедились, что достигли предела; впереди сгрудились сплошные ледовые мысы. Не оставалось ничего другого, как

повернуть на север. Откуда-то налетели полярные ласточки и эгмондские курочки. Почти вплотную подошли к шлюпам киты, выбрасывающие высокие фонтаны. Моряки радовались и с недоумением спрашивали друг друга: что все это значит? Жизнь на границе царства смерти? И цвет воды как будто изменился. Неужели где-нибудь поблизости берег?

Никто ни на «Мирном», ни на «Востоке» не сомневался, что впереди суша.

— Берег! Берег! — взволнованно повторяли люди, радуясь и поздравляя друг друга.

Эффектная, незабываемая картина! В момент общей радости из тяжелых низких облаков брызнули лучи солнца. Они ярко осветили черные скалы открытого русскими, занесенного снегом острова! Но вот снова нависли свинцовые тучи, и остров растаял, исчез, как видение. У маловеров возникло даже сомнение-подлинно ли был то остров?

Но на другой день отпали всякие сомнения. В зрительные трубы явственно можно было разглядеть очертания суши. Пятнадцать миль, конечно, порядочное расстояние, но необычайно чистый и прозрачный воздух Антарктики намного приблизил остров. Ясно виделись теперь прибрежные пригорки, крутые каменные скалы, выступы.

К «Востоку» приближался «Мирный». На вантах его стояли матросы. Поравнявшись с флагманом, моряки трижды прокричали «ура». Так лейтенант Лазарев поздравил начальника с новым открытием.

«Открытие сие в столь дальней широте, — замечает Лазарев, — всех нас чрезвычайно обрадовало. Назвали мы оное островом Петра в память великого образователя России и виновника существования нашего флота».

Положение острова Петра было определено Лазаревым издали, но замечательно точно: 68°30' южной широты и 90°30' восточной долготы^[27].

Моряки были убеждены, что открыли остров. «Ежели бы хоть малейшее было сомнение, что сей берег не остров, а составляет только продолжение материка, — замечает Беллинсгаузен, — я непременно осмотрел бы оный подробнее».

С еще большей энергией продолжали наши моряки поиски новых земель после открытия острова Петра. Но мешала погода. Туман и мокрый снег, чередуясь с дождем, застилали все вокруг: корабли все чаще теряли друг друга. Новосильский описывает интересный эпизод, ярко рисующий ту атмосферу нервного напряжения, в которой все время находились мореплаватели. Как-то во время сильного тумана, когда офицеры и командир находились в кают-компании, пили чай и беседовали, раздался тревожный крик вахтенного:

— Видать лед!

Впереди сквозь туман голубела огромная глыба льда. А «Мирный» шел при свежем южном ветре прямо на льдину. Нужно было немедленно решить, как обойти льдину: под ветром или на ветре. Новосильский, стоявший на вахте, выбрал первый маневр, тотчас скомандовал: «Право руля!» Поставив людей на брасы, он обезветрил паруса, чтобы шлюп скорее «покатился» под ветер. Беготня людей, крики и общий переполох заставили офицеров выйти на палубу.

— Спускаться не надо! — скомандовал старший офицер. — Мы проходим лед на ветре!

Но распоряжение Новосильского уже приводилось в исполнение, менять его было опасно. И он взял на себя всю ответственность за дальнейшее.

На палубу поднялся Лазарев. Новосильский доложил ему о положении дела.

— Пойдите! — сказал хладнокровно командир. «Как теперь смотрю на Михаила Петровича, — вспоминает Новосильский. — Он осуществлял тогда в полной мере идеал морского офицера, обладавшего всеми совершенствами. С полной самоуверенностью, быстро взглянул он вперед... взор его, казалось, прорезал туман и пасмурность...»

— Спускайтесь! — произнес он спокойно. «Это слово подтверждало мой маневр. В то же самое время вся ледяная громада, вышед из-за тумана, явилась не только впереди, но и вправо. Едва успели мы от нее уклониться, бом-утлегарь^[28] чуть не черкнул ледяную скалу, возвышающуюся над шлюпом по крайней мере на два его рангоута и отнявшую у шлюпа ветер. Переменив маневр, мы бы неминуемо грохнулись об эту скалу!»

К сожалению, мичман Новосильский, во всем ученик своего командира, только мельком и отрывочно рассказывает о Лазареве как командире. Эпизодов, подобных вышеприведенному, было, разумеется, немало на «Мирнем». Они навсегда останутся нерассказанными.

Однажды моряки подстрелили альбатроса, в желудке у него нашли яичную скорлупу. Это значило, что птица недавно побывала на каком-то острове. Наблюдалась резкая перемена и в цвете воды. Из необычайно чистой, бирюзовой она сделалась темноватой, несколько мутной. Это тоже говорило о близости земли. Все чаще появлялись птицы. На встречных льдинах лежали тюлени.

17 января в прозрачном воздухе отчетливо обозначился вдали берег. К сделанным открытиям прибавилось еще одно: Берег Александра I. «Не случись ясной погоды, возвышающийся перед нами берег с

величественною горою ускользнул бы от наших взоров», — вполне справедливо замечает Новосильский.

Почему же открытую сушу назвали берегом? Назвать ее землей было бы слишком смело, островом — неопределенно. Название же «берег» ни к чему не обязывало и давало возможность последующим исследователям более точно определить ее границы^[29].

Открытие острова Петра I и Берега Александра I, можно сказать, завершило исследовательскую работу экспедиции в Антарктике. Они выполнили свою задачу полностью. Вместе с теми окраинными частями ее, которые были обнаружены 16 января и 5 февраля, остров Петра и Берег Александра составляли передовые звенья огромной шестой части света — Антарктиды.

Берег Александра обойти не удалось, а потому Беллинсгаузен, посоветовавшись с Лазаревым, решил идти к недавно открытым Южным Шетландским островам, чтобы выяснить, не принадлежат ли они к Антарктическому материку. Эти острова были замечены капитаном английского купеческого корабля Смитом в 1819 году, в то время, когда русская экспедиция уже находилась в Антарктике.

В память событий Отечественной войны отдельные острова получили названия: Бородино, Мало-Ярославец, Смоленск, Березина, Полоцк, Лейпциг и Ватерлоо.

На Ватерлоо сделали высадку. Каменистый, покрытый кое-где землей и мхом остров не являл взору ничего привлекательного. Моряки обнаружили на нем огромное количество туш ободранных котиков и бочки. Они никак не ожидали, что и здесь уже успели побывать двуногие хищники. На корабль моряки привезли образцы горных пород и растений, трех живых котиков и несколько пингвинов.

Неожиданно к трапу «Востока» подошел американский бот. Из него вышел грубоватого вида человек, отрекомендовавшийся капитаном Пальмером. Беллинсгаузен и Лазарев очень интересовались узнать, каковы научные достижения американского капитана, как далеко удалось ему проникнуть в глубь Антарктики, не видел ли он там материковый берег, острова.

Пальмер сообщил, что видел к югу от Шетландских островов неизвестный берег, который назвал своим именем.

— Каковы примерные его координаты и когда именно вы его увидели? — живо спросил Беллинсгаузен.

Ответить на эти вопросы Пальмер не смог. «Я не вел в журнале

регулярных записей о посторонних предметах», — пояснил он^[30].

Вечером Беллинсгаузен заносил в свой дневник: «С той поры как здесь появились люди и занялись обдиранием котика, число их приметно уменьшается... И так как прочие промышленники также успешно друг перед другом производят истребление котиков, то нет никакого сомнения, что около Шетландских островов скоро число сих морских животных уменьшится, подобно как у острова Георгия и Маквэри. Морские слоны, которых также здесь было много, уже удалились от сих берегов далее в море»^[31].

Покинув остров Ватерлоо, моряки на следующий день открыли еще пять островов. Они получили имена: Рожнова, Мордвинова, Михайлова, Шишкова и Трех братьев.

У острова Мордвинова «Мирный» едва не разбило прибойной волной о каменные рифы. К счастью, моряки успели вовремя бросить якорь. «В продолжение целого часа мы находились в самом критическом положении, — вспоминает Новосильский, — зыбь ежеминутно приближала нас к острым камням... якоря едва ли бы нас удержали». Благодаря умению Лазарева маневрировать корабль был спасен.

Корабли находились в море уже свыше 13 недель. 30 января они снова попали в сильнейший шторм. Серьезные повреждения, полученные шлюпами, показали, что они находятся в весьма «расслабленном» состоянии и, случись шторм покрепче, им обоим несдобровать. Необходимо было торопиться домой. Время наступило позднее, бурное. «По сей причине, — замечает Беллинсгаузен, — я решился возвратиться на север и по прибытии в Рио-Жанейро подкрепить шлюпы, дабы без опасения достигнуть России». На следующий же день оба корабля взяли курс на столицу Бразилии.

Велика была радость матросов, когда они узнали, что кампания близится к концу. В широте 56° они еще наблюдали последние льдины. И навсегда с ними простились. «Едва ли кто-нибудь из нас опять их увидит!» — не то с грустью, не то радостно замечает Новосильский.

26 февраля моряки пришли в Рио-де-Жанейро, где приступили к ремонту изрядно потрепанных кораблей. Ремонт продолжался почти два месяца.

После месячной стоянки в Лиссабоне корабли направились в Копенгаген.

24 июля 1821 года в 6 часов утра, встреченные салютом, они вернулись

в Кронштадт и стали на якорь на том самом месте, откуда более двух лет назад отправились в Антарктику. «Отсутствие наше, — так заканчивает Беллинсгаузен свое повествование, — продолжалось 751 день; из сего числа дней мы в разных местах стояли на якорь 224, под парусами находились 527 дней: в сложности прошли всего 86 475 верст, пространство сие в $2\frac{1}{4}$ раза более больших кругов на земном шаре. В продолжение плавания нашего обретоно 29 островов, в том числе в южном холодном поясе два, в южном умеренном восемь, а девятнадцать в жарком поясе».

Много веков загадочная Антарктика привлекала воображение человека. Немало важнейших научных проблем породила она, и мореплаватели различных стран пытались разрешить их. Но непреодолимые ледовые препятствия заставляли их складывать оружие.

Русские моряки дважды достигали 70° южной широты — крайних антарктических широт, доступных в то время человеку.

Экспедиция Беллинсгаузена — Лазарева и по настоящее время остается единственной, не повторенной никем успешной попыткой обойти полностью вокруг всего материка Антарктиды.

Прав был выдающийся немецкий географ Петерман, определив экспедицию Беллинсгаузена — Лазарева как эпоху в области научных знаний, как поворотный пункт в истории исследования южных полярных стран.

Антарктика и сегодня таит много неразгаданных тайн, над ними упорно бьются ученые разных стран. Исследования ледяного покрова Антарктиды, толща которого достигает $3\frac{1}{2}$ километра, позволяют выяснить влияние льдов на многие совершающиеся вокруг нас явления, в частности, на климатический режим Земли и его изменения. Нет сомнения, что колоссальная ледяная шапка Антарктиды оказывает мощное влияние на климат и общую циркуляцию атмосферы нашей планеты и вод Мирового океана. Она является как бы индикатором, регистрирующим состояние всего земного климата.

Уже несколько лет на советских антарктических обсерваториях Мирный и Восток, названных в честь шлюпов, на которых 146 лет назад Беллинсгаузен и Лазарев совершили легендарное плавание, а также и на многих других советских и иностранных станциях ведутся изо дня в день научные исследования по широко разработанной международной программе.

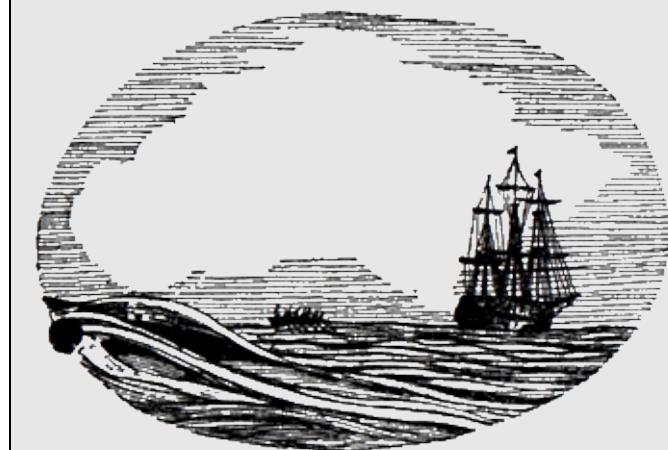
С каждым годом растут масштабы этих работ, и в них принимает

участие все большее число исследователей, советских и зарубежных. Сделано много, но на очереди все новые и новые задачи.

Совместная работа ученых разных стран над проблемами, важными для всех людей, не может не способствовать их сближению. Антарктический континент все более становится международным континентом содружества, взаимопонимания и мира.

Глава IV

В третий раз вокруг света



Третье, и последнее, кругосветное плавание Лазарева было предпринято главным образом с политической целью. «Государю императору, — так значилось в инструкции, врученной Лазареву, — благоугодно всемерно сохранять наилучшее согласие в сношениях с иностранными державами и особенно иметь в виду избежать, чтобы между российскими и американскими кораблями не дошли до самоуправства и от того не последовало бы каких-либо неприятных событий».

После присоединения к России открытых Берингом в 1741 году Алеутских островов русские люди стали постепенно проникать на северо-западный берег материковой Америки и прилегающие острова. Заявлять свои права на эти земли правительству не приходило в голову по той простой причине, что они до тех пор никому не принадлежали. Лишь изредка заходили сюда ненадолго иностранные суда, больше с научно-исследовательскими целями. Но когда в 1783 году Соединенные Штаты завоевали независимость, они принялись энергично пробираться к берегам Тихого океана. С начала XIX века американские и английские суда все чаще посещали российские территориальные воды. Американские промышленники хищнически истребляли в русских владениях ценного

пушного зверя, пользуясь недовольством алеутов, беспощадно эксплуатируемых русскими властями, снабжали их огнестрельным оружием для борьбы против русских.

Русское правительство официально заявило, что считает свои владения в Америке неприкосновенными. Одновременно прибрежная зона шириной в 100 миль была объявлена запретной. Это означало, что все иностранные суда, проникшие в нее без разрешения, будут задерживаться и отводиться в Петропавловск-на-Камчатке. Установив стомильную запретную зону, русские, конечно, хватили через край, что явилось поводом для недовольства в Америке. Да и как русские власти могли привести в исполнение угрозы задерживать суда, имея в американском районе лишь один маломощный корабль — шлюп «Аполлон»?

В помощь «Аполлону» и готовился только что выстроенный, крупный 36-пушечный фрегат «Крейсер». И название дали ему «подходящее», чтобы сразу бы видно, что это военный корабль.

Когда Лазареву предложили командовать «Крейсером», он, не колеблясь, согласился и на другой же день, не имея еще приказа о назначении, стал готовить незаконченный корабль к плаванию. Работы было очень много. В помощники Лазарев пригласил хорошо ему известного мичмана Завалишина.

«Два месяца я буквально не знал, что значит обедать», — вспоминает Завалишин.

Работа осложнялась постоянными стычками с чиновниками Кронштадтского порта — этого, по выражению Завалишина, «гнездилища всевозможных беспорядков и злоупотреблений», где без постоянных подталкиваний, угроз и взяток ничего не делалось. А Лазарев как на грех был командиром неумолимо требовательным. Он настаивал, чтобы все работы выполнялись в срок, добросовестно и аккуратно. Скрепя сердце портовые хапуги принуждены были выполнять требования Лазарева, но в душе они ненавидели его и с нетерпением ожидали дня, когда «Крейсер» уйдет в плавание. В порту говорили: «Избави нас, боже, от огня, меча и Лазарева».

Лазарева очень торопили с отплытием, он, в свою очередь, нажимал на мастеров и рабочих. Многие ему не нравилось на корабле, и он требовал переделок. Но как ни торопились, всего сделать не успели. Додельывали в пути и во время стоянки в Англии. Царю почти ежедневно докладывали о ходе работ на корабле.

Как-то посетил «Крейсер» и сам царь. Его сопровождали большая свита и представители иностранных держав. Иностранные представители,

в том числе американцы и англичане, должны, дескать, знать, какое серьезное значение придает русское правительство защите своих американских колоний и какую мощную военную единицу оно готовит в дальний поход. Гости с большим вниманием осматривали корабль и его вооружение. Помимо тридцати шести крупных батарейных орудий, на фрегате было много мелких, близкого действия: корронад и Фальконетов. Для хранения пороха Лазарев изобрел особые медные ящики.

«Крейсер» был образцовым кораблем, построенным по последнему слову техники. Впоследствии, когда Лазарев занимал пост главного командира Черноморского флота, «Крейсер» послужил образцом для постройки многих подобных ему кораблей.

Лазарев ловко использовал визит царя для воздействия на медлительное портовое начальство. «И тогда, — замечает Завалишин, — все преисполнилось рвения и в один день делалось иногда то, чего нельзя было добиться и в неделю». «Крейсер» отправлялся в плавание вместе со шлюпом «Ладога», под командой старшего брата Лазарева, Андрея Петровича. «Ладога» во многом уступала «Крейсеру», а своей тихоходностью очень осложняла совместное плавание.

От Лазарева во время плавания не требовали работ, «клонящихся к открытиям или ученым исследованиям». Но одновременно рекомендовали ему при всяком удобном случае «наблюдать высоту морских приливов, подмечать особенности конструкций иноземных кораблей, существующий на них порядок, условия содержания матросов и т. д. Рекомендовалось также собирать сведения о «произведениях искусства и природы». «Если же случится открыть какую-нибудь землю или остров, не означенные на картах, то стараться как можно вернее описать оные». Не забыты были и торговля и «особенные средства для сбережения лесов».

Во время плавания Лазарев все время вел не только метеорологические, гидрографические и астрономические наблюдения, но исправлял и уточнял существующие карты, грешившие многими ошибками.

Совсем курьезный случай произошел с островом, якобы открытым в 1801 году на параллели 20° южной широты. Когда Лазарев обследовал этот район, оказалось, что острова, нанесенного на все морские карты, вовсе не существует! Лазарев писал: «8 марта находясь на параллели этого острова... при совершенно ясной погоде не видели не только никакой земли, но даже ни малейших ее признаков, а потому уверительно могу сказать, что остров сей в означенном ему положении Эрросмитом^[32] вовсе не существует». И подобных лжеоткрытий в эту кампанию Лазарев

разоблачил немало!

Среди других хлопотливых дел было, между прочим, и такое: «Об организации на фрегате «Крейсер» духового оркестра и хора песенников». Лазарев очень любил музыку и хорошо понимал, какое значение может она иметь для матросов на оторванном от моря корабле. Без надежды на успех Лазарев обратился к начальству с просьбой отпустить денег на музыку. Пришел трафаретный ответ: «По штату денежных сумм на музыку и хор не полагается». Идея Лазарева показалась начальству тем более странной и ненужной, что «судовая музыка» в составе одного горниста и одного барабанщика полагалась на каждом военном корабле. «Сколь недостаточна и даже отвратительна должна быть музыка, из такого числа труб составленная, сие всякий представить себе может», — замечает известный историк русского флота Ф. Веселаго.

Лазарев на собственный счет и на пожертвования офицеров «Крейсера» закупил инструменты, пригласил преподавателя. Началось обучение «с охотой и любовью», и вскоре «образцовый» оркестр Лазарева в составе двух десятков музыкантов лихо исполнял марши и танцы. Был обучен и хор песенников. Слава о музыкальных делах на «Крейсере» разнеслась по всему флоту, и многие командиры стали брать с него пример. Так родился на русском флоте «не положенный по штату» оркестр.

Из всех оркестровых инструментов особенное внимание привлекал мало известный кому тромбон, или, как тогда, говорили, «раздвижная труба». На острове Таити могучие, ревущие звуки тромбона воспринимались туземцами «со страхом и трепетом», как волшебство, как некое послание из другого мира. Музыканты, в особенности тромбонисты, представлялись им существами высшего порядка. Их носили с почетом на руках, дарили им разные безделушки.

Но вернемся к событиям на «Крейсере». Мастерские Кронштадтского порта и матросы с удвоенным рвением готовили «Крейсер» к плаванию. Лазарев почти безотлучно находился на корабле. К счастью, он был на корабле и в тот душный июльский день, когда над городом разразилась сильнейшая гроза. Уже с полудня собирались тучи, настолько черные, что в воздухе стало темно. А затем так гроыхнуло, что Лазарев приказал прекратить работы, а людям уйти в палубные помещения. Один за другим следовали грозные разряды. Но вот новый ослепительный зигзаг, оглушительный грохот и следом... пламя и запах дыма. Загорелся от удара молний огромный, только что сооруженный кран, стоявший у набережной, почти вплотную с «Крейсером». Поднялся сильный ветер, пламя и клубы дыма разносились по всему порту. Большая опасность грозила теперь не

только «Крейсеру», но и другим кораблям.

— Пожарная команда, за мной! — скомандовал Лазарев и первым бросился к объятому пламенем крану, укрепленному толстыми тросами к береговому сваям.

— Руби мачты и тросы! — гремел он. Но никто не решался первым ринуться в дымный раскаленный воздух. Тогда Лазарев, выхватив у матроса топор, стал рубить мачту. К нему тотчас же присоединилась вся команда. Заработали десятки рук, через несколько минут тяжелая мачта рухнула в зашипевшую воду. Пожар был потушен.

Недоброжелатели Лазарева, а таковых у него было немало, воспользовавшись случаем, тотчас донесли высшему начальству, что Михаил Петрович, превысив свои полномочия, совершил чуть ли не преступление, уничтожил без всякой надобности новое, дорого стоившее сооружение. Было наряжено следствие, закончившееся полным поражением клеветников. Лазарев же получил благодарность за энергичные меры при тушении пожара и награжден орденом Владимира четвертой степени. Получили награды и все другие участники тушения пожара.

Лазарев был строгим командиром. Выросший в крепостническую эпоху, он часто был слишком суров с матросами, к нарушителям дисциплины применял самые строгие меры, не останавливался перед жестокими телесными наказаниями. Но по-своему он был заботлив и внимателен к людям. Никогда не наказывал невинных, не помнил зла, был отходчив, всегда старался ликвидировать конфликт своими средствами, не отдавая матросов под суд.

Готовя «Крейсер» к плаванию, Лазарев был озабочен, чтобы люди были здоровы и бодры духом. Он очень большое значение придавал матросской одежде. «Моряк, — говорил Лазарев, — должен иметь в походе возможно большее количество одежды, пригодной для всех случаев». В казенные образцы одежды он вносил усовершенствования, стараясь сделать ее возможно простой, просторной и удобной. Для холодного времени Лазарев ввел фланелевые рубашки и вязаные фуфайки, а в тропических странах матросы носили широкополые шляпы из соломы или пальмового листа.

Особые меры против простуды принимались во время шторма. Промокшие на вахте матросы обязаны были немедленно переодеться в сухую одежду, а промокшую сдать дежурному для просушки. Элементарное правило это соблюдалось раньше далеко не всегда. Утомленный до последнего предела матрос, приходя с вахты, бросался на

койку и засыпал, суша на себе мокрую одежду, отчего часто и заболел.

С помощью переносных печей боролся Лазарев и с сыростью в жилой палубе.

Если позволяла погода, матросы купались. Спускался в воду большой парус, поддерживаемый шлюпками. Купание без паруса таило большую опасность — ведь вокруг шныряли акулы.

Не всегда удавалось, однако, устраивать купание в море. В свежий попутный ветер, чтобы не останавливать ход корабля, матросов окачивали на баке из ведер. При стоянках раскидывали на берегу баню-палатку и нагревали ее раскаленными ядрами.

Питание матросов составляло предмет особых забот Лазарева. В дополнение к имеющимся на корабле запасам во время стоянок в портах доставляли свежее мясо, зелень, фрукты, закупали живых быков, баранов, свиней и птицу. Если присоединить к этим временным пассажирам постоянных, которых везли в Петербург в качестве редких зоологических экспонатов (попугаи, черные австралийские лебеди, обезьяны, черепахи и проч.), легко вообразить, что представляла собой палуба фрегата! Животные теснились в стойлах и клетках, рычали, блеяли, пищали.

— Настоящий Ноев ковчег! — заметил как-то Лазарев вахтенному офицеру. — Не худо бы их как-нибудь выкупать.

По его проекту время от времени палубу превращали в пруд, где и купали животных. В тропический ливень все шпигаты^[33] плотно закрывали и сооружали на палубе высокий привальный брус. Получался довольно вместительный пруд, в котором и купали животных.

Это остроумное изобретение позволяло содержать в порядке и чистоте корабль и самих животных.

Меню матросских обедов составлялось самим Лазаревым при содействии доктора, ревизора и кока. После усиленного, напряженного труда и в холодную погоду чарка водки выдавалась по три и даже по четыре раза в день.

Ежедневно проводились часовые учения, парусные и артиллерийские. Первые представляли немалую опасность для жизни матросов. Работая на большой высоте, нередко в бурную погоду, когда корабль раскачивало во все стороны, нужно было в кратчайший срок поставить или убрать паруса. Сознание, что с палубы следят за каждым твоим движением и малейшее промедление поставят в вину, увеличивало нервное напряжение и риск сорваться. Особым шиком считалось одеть корабль в паруса или убрать их в молниеносный срок. Лазарев не отставал от этой моды, царившей тогда на флоте. Стоя на мостике, закинув голову, он зорко наблюдал в

зрительную трубу за работой на реях. Рядом стоял матрос, держа в руках песочные часы. Для каждого парусного маневра был назначен предельный срок в четверть, половину и одну минуту. И если маневр не был выполнен в определенное время, учение начиналось снова, и так до тех пор, пока работа не шла безукоризненно. Лазарев посылал на реи и мичманов, от которых требовал еще большей четкости в работе, чем от матросов.

Даже в те жестокие времена эта система не всегда находила сторонников среди моряков. Ее порицали, считая порочной, даже такие преданные Лазареву люди, как Шестаков, Завалишин и другие. Лазарев возражал им, что на море бывают такие случаи, когда от одного лишь мгновения зависит жизнь корабля.

Лазарев тщательно подбирал офицеров на свой корабль. Почти все они были ему лично известны.

Мичманы Завалишин и Нахимов, лейтенант Вишневский оказались отличными моряками, хорошими помощниками командира. Лейтенанты М. Д. Анненков и И. А. Куприянов — моряки с большим опытом и стажем, а также участники последующих плаваний с ним — мичманы А. А. Домашенко, Е. П. Путятин и И. П. Вутенев. Оба последних и Нахимов, плавая на «Азове», сражались при Наварине.

В одном лишь не повезло Лазареву да и всему экипажу «Крейсера»: старшим офицером фрегата был назначен некий лейтенант Иван Кадыан. Человек жестокий, он нещадно избивал без всякой вины матросов, с каким-то особым наслаждением издевался над ними. Русский матрос того времени, классово приниженный, готов был снести любое наказание, если чувствовал за собой хоть какую-нибудь вину, но издевательства, самодурных выходок и несправедливости он не выносил и подчас жестоко мстил обидчику. Убеждение Лазарева в том, что матрос обязан во имя дисциплины подчиняться офицеру, привело к тому, что он сквозь пальцы смотрел на бесчинства Кадыана. Это, в свою очередь, повлекло за собой ряд тяжелых эксцессов вплоть до бунта всей команды корабля...

После долгих сборов 17 августа 1822 года «Крейсер» и «Ладога» отправились, наконец, в путь^[34]. Фрегат вполне оправдал себя: он оказался «отличным ходяком». «Оправдала» опасения и тихоходная «черепаша» — шлюп «Ладога»; она все время отставала. Морякам с «Крейсера» так надоело это отставание, что по временам они оставляли шлюп и полным ходом уходили далеко вперед, заранее условившись встретиться в определенном месте.

Двадцать дней плелись корабли до Копенгагена. Далее следовали

стоянки в английских портах Диль и Портсмут.

На переходе из Дили в Портсмут, когда «Крейсер» находился от последнего настолько близко, что в зрительную трубу можно было видеть движение экипажей и пешеходов по улицам города, вряд ли кто на фрегате мог сомневаться в том, что через час-другой он будет весело проводить время в одном из кафе английского города. Но события сложились иначе.

Когда фрегат проходил мимо острова Уайт, погода начала портиться, берег заносило туманом. Лоцман решил обождать в море, пока разъяснится. И вот эта небольшая задержка, всего на каких-нибудь полчаса, едва не закончилась для «Крейсера» катастрофой. Поднявшийся сильный северо-западный ветер стал прижимать фрегат к французскому берегу. Буря вблизи скалистых берегов — нет большей опасности на море. Вот здесь-то и сказались величайшая опытность и умение Лазарева управлять парусным кораблем. В полной мере сказались и четкость работы обученных им марсовых и матросов. Убрав все верхние паруса, Лазарев управлял только нижними на фок-мачте, и притом так ловко, что не был порван ни один парус. Выбраться из узкого Английского канала в открытое море не было никакой возможности. Все усилия моряков были направлены теперь к тому, чтобы отвести корабль подальше от каменистого берега, о который он неизбежно разбился бы. Но лишь только корабль отходил на некоторое расстояние от берега, его тотчас же несло обратно. И так в течение двух суток продолжался этот сизифов труд; корабль метался от одного берега к другому, не будучи в силах вырваться из ловушки. И конечно, не перемены ветер на третьи сутки, корабль неизбежно погиб бы со всем экипажем. Нечеловеческая усталость людей во главе с командиром корабля положила бы предел борьбе.

Когда «Крейсер», наконец, добрался до Портсмута, Лазарев отменил решительно все работы на корабле и дал людям вволю отдохнуть. Более суток спали они мертвецким сном^[35].

В Портсмуте Лазарев не предполагал долго задерживаться. По его расчетам, ремонт корабля должен был занять не более двух недель. На деле же «Крейсер» пробыл здесь из-за штормовой погоды и противных ветров около двух месяцев.

Пребывание «Крейсера» у берегов острова Тенериф было недолго. 12 декабря корабль покинул остров и проложил курс в Рио-де-Жанейро. Правильно подметил Завалишин благотворное влияние тропиков на настроение и психику команды. Матросы как-то приободрились, когда вошли в тропики, стали живее, веселее.

К празднику Нептуна готовились долго и тщательно. Праздник вышел

на славу; он закончился плясками под оркестр и выступлением хора. Для всех было приготовлено обильное угощение: вино, фрукты и закуски. «Все так были увлечены зрелищем, — замечает Завалишин, — что никому и в голову не приходило, воспользовавшись случаем, напиться пьяным».

В Рио-де-Жанейро моряков застали крупные политические перемены. Ненавистное бразильскому народу португальское правительство было свергнуто, и императором был провозглашен португальский наследный принц Дон-Педро. Но на «Крейсере» об этом ничего еще не знали. Уже издали, подходя к берегу, с корабля заметили, что над крепостью развевается не португальский флаг, а другой, зеленый, с эмблемой посередине. Как тут быть, как встретит их новое бразильское правительство? На всякий случай Лазарев приказал подготовить фрегат к бою. Завидев корабль, так смело направлявшийся на рейд Рио-де-Жанейро, комендант крепости также готовил ему достойную встречу. На берегу собралась огромная толпа любопытных, прибыл и сам император.

Но вот на «Крейсере» грянул оркестр, и бравурные звуки марша сразу разрядили атмосферу. «Русский корабль, русский корабль!» — радостно кричали люди и бежали ему навстречу. И когда «Крейсер» отдал якорь, на корабль прибыли с приветствием русский вице-консул и адъютант императора.

Лазареву рассказали о перевороте в стране. Он был в большом затруднении, не зная, как отнеслось к этому русское правительство: признало ли оно новое правительство Бразилии или нет? Лазарев просил передать Дон-Педро, что завтра нанесет ему визит, но не в качестве официального представителя России, а как частное лицо. Отправился Лазарев во дворец вместе с Завалишиным в обыкновенной форме. Моряки очень понравились императору. Им предложили, если что потребуется, обращаться непосредственно к его адъютанту.

Через несколько дней Лазарева с Завалишиным пригласили на крестины сына императора. Гости подивились роскоши бразильского двора и зажиточности местных богачей и сановников.

Много внимания уделял морякам и русский вице-консул. Он увидел, что Лазарева не очень-то волнует здешнее высшее общество с его балами и приемами, и предложил ему отправиться в тропический лес со всеми его чудесами и экзотикой. Лазарев с восторгом принял это предложение.

На другой же день состоялась эта увлекательная прогулка. В ней участвовали также неизменный Завалишин, консул и несколько негров, вооруженных ружьями и топорами.

Много читал Лазарев о девственных лесах, но то, что он увидел в

Бразилии, превзошло все его ожидания. Без топора нельзя было ступить ни шагу, настолько все было здесь переплетено лианами и другими ползучими растениями. Закрученный, как крепкие канаты, или плоские, как ленты, часто снабженные гребневидными отростками, лианы перебрасывались с дерева на дерево или ниспадали сверху. В душном банном воздухе дышалось тяжело.

Все глубже проникали путники в чащу леса, расчищая путь топорами. «А что гнездилося живого в этой чаще, — замечает Завалишин, — того невозможно описать». Высоко на деревьях раскачивались обезьяны-макаки. Многие из них сидели на ветвях американского ореха и в ответ на камешки бросали вниз орехи. Ветви деревьев были усеяны несметным количеством самых разнообразных птиц — от бразильского колибри с его огненно-изумрудным оперением до американской вороны ары. А когда Лазарев выстрелил в воздух и гул понесся по лесу, «то произошел невообразимый хаос: все живое понеслось, полетело, запрыгало с визгом, криком, свистало, испуганное неслыханным звуком оружия».

Лазарев не первый раз приезжал в Рио-де-Жанейро, но никогда еще ему не доводилось пережить здесь столько острых и опасных моментов. Во время купания в озере на него с Завалишиным напали крокодилы, а при осмотре сахарных плантаций консула моряки повстречались с гремучей змеей, от которой едва спаслись бегством.

Где свет, там и тени, иногда очень глубокие, хотя и малозаметные для привычного глаза. Русские моряки их заметили и резко осудили. Кровоточащей язвой Бразилии и многих других южноамериканских государств были в то время невольничество и работорговля, о чем мы уже говорили. На улицах столицы Бразилии позорный промысел напоминал о себе на каждом шагу. Моряки с «Крейсера» нередко наблюдали здесь шеренги скованных цепями обнаженных негров и негритянок, которых проводник с хлыстом в руках гнал на «водопой», то есть к фонтану на площади.

Однажды группа матросов зашла на рынок. Здесь моряки увидели, как двое дюжих англичан держат за руки извивающегося от боли негра, а третий прикладывает к его лопатке раскаленную докрасна печать, так называемое тавро. Тут же со стоном катался по земле только что «обработанный». Он присыпал к ране землю, думая, что ему станет легче. Под надзором служителя с нагайкой стояли пять негров, назначенные к клеймению. При полном равнодушии многочисленных зрителей совершалась эта отвратительная процедура.

Смесь культуры с диким варварством — вот каким предстал перед мореплавателями Рио-де-Жанейро.

Близился день отплытия. Все ремонтные работы были закончены, паруса починены, продуктами моряки были обеспечены на самый дальний путь. Уход русского корабля вице-консул решил отметить чем-нибудь особенным, «выходящим из ряда вон». Мы не станем описывать это продолжавшееся всю ночь празднество, в котором принял участие чуть ли не весь город, не говоря уже о членах дипломатического корпуса. Приведем лишь заключительные слова речи французского адмирала Гравеля, обращенной к Лазареву. «Никогда я не думал, — произнес адмирал, — что русские такой веселый, живой и музыкальный народ. Мы имели совсем другое о вас представление. Нам надо и впредь чаще видеться и лучше познакомиться».

Приведенный эпизод из истории кругосветного похода на «Крейсере» еще раз свидетельствует, насколько основная идея русских кругосветных плаваний — сближение России с отдаленными зарубежными странами путем живого общения — явилась плодотворной. Сто сорок с лишним лет тому назад о России в Южной Америке и Австралии имели еще самое смутное представление. Но вот сюда пришли русские корабли; местные жители познакомились с людьми гуманными, располагающими к себе, одаренными. По ним они стали судить и о других русских людях. Так была открыта для Бразилии наша страна.

Загруженные разной живностью, со снастями, увешанными гирляндами бананов, 22 февраля «Крейсер» и «Ладога» покидали Бразилию. Предстоял дальний и трудный поход — через два океана в Тасманию и далее в Русскую Америку. Путь был выбран вокруг мыса Доброй Надежды, как более спокойный.

«Это было сплошное время бурь и непогоды», — как заметил Завалишин. Штормы, один сильнее другого, с дождем, градом и снегом преследовали моряков почти непрерывно. Корабли по два, по три дня так швыряло, что о горячей пище нельзя было и думать. Все питание составляли тогда сухари да кружка подслащенной воды. Особенно бесился океан при подходе к берегам Тасмании. Аврал следовал за авралом. Матросы не вылезали из промокшей насквозь одежды. Придет, бывало, с вахты в кубрик матрос, весь иззябший, промокший до нитки, чтобы сменить одежду и обувь, а его снова требуют наверх. И так целые сутки!

Даже у самых запасливых из офицеров не хватало сухой обуви и шинелей. У Завалишина было семь шинелей, и ни одна из них не успевала

просохнуть. От непрерывных потоков воды повсюду стала развиваться ужасная сырость. Дошло до того, что единственным сухим помещением на корабле оказалась кают-компания, в которой и находились офицеры в ожидании вахты или аврала.

И все же даже в эти черные, мрачные дни моряки, вдохновляемые примером Лазарева, не теряли присутствия духа, не раскисали, не думали о смерти. Занятым непрерывной борьбой за жизнь корабля, им просто некогда было думать ни о чем другом.

Порой приходилось выполнять особенно тяжелые и опасные работы. Во время сильнейших шквалов ураганной силы, когда отдавалось приказание убрать некоторые паруса, работа с намокшими полотнищами требовала таких усилий, что у матросов лопалась кожа на концах пальцев, из ран сочилась кровь. Но они продолжали свое дело, мужественно перенося трудности и боль.

До Тасмании добирались без малого целых три месяца! Можно представить себе радость измотанных, в конец утомленных бурным плаванием моряков, когда они прибыли, наконец, в порт Дервент, куда англичане ссылали уголовных преступников.

В Дервенте русских гостей принимали очень радушно. Забыв недавние невзгоды и опасности, люди отдыхали и набирали сил для новых схваток с океаном. Но неожиданно случилось происшествие, нарушившее покой всего населения «Крейсера».

Старший офицер Кадьян отправляет на берег партию матросов для заготовки дров. Вечером, выполнив в точности задание, усталые, голодные, истощенные мошкаррой, возвращаются матросы на корабль. Старшой докладывает Кадьяну, что урок выполнен полностью. Кадьян свирепеет.

— Что ты твердишь мне: урок да урок. А больше разве не могли сделать? Поменьше бы жрали да курили, смотришь, и побольше бы заготовили.

— Да не поевши, ваше высокоблагородие, и работа не будет спориться, — кисло улыбаясь, отвечает ему старшой.

Кадьян окончательно выходит из себя.

— А, ты еще разговаривать, мерзавец... бездельник! — Кадьян размахивается и наотмашь бьет матроса по зубам.

Подобные сцены на «Крейсере» происходили часто, чуть ли не ежедневно. Но всему приходит конец.

Здесь, на далекой чужбине, в Тасмании, терпение матросов, наконец, лопнуло. После этой расправы группа матросов, отправленная на берег снова для заготовки дров, на корабль не вернулась. О случае узнал

губернатор Тасмании, он пригласил к себе Лазарева. Губернатор высказал опасение, что в случае, если бежавшие с «Крейсера» матросы соединятся с местными ссыльно-каторжными, положение может стать очень серьезным для всей колонии. Он просил у Лазарева помощи, так как сам располагал всего полуротой солдат.

Необходимо было принять срочные меры. Вернувшись на корабль, Лазарев потребовал к себе Завалишина, чтобы посоветоваться с ним. С закинутыми назад руками Лазарев нервно расхаживал по каюте.

— Очень неприятное дело, — заметил Завалишин, выслушав командира. — Вооруженной силой здесь не поможешь. Да и не похвалят нас в Петербурге за все это. К тому же и в европейскую печать еще попадем!

— Это правильно, и я так думаю, — согласился Лазарев. — Надо все кончить миром, уговорить матросов вернуться на корабль добровольно.

Так и решили. Тонкое и щекотливое дело поручили лейтенанту Анненкову, человеку тактичному и уважаемому матросами. Анненков блестяще справился с нелегкой задачей. Он так ярко изобразил жизнь русского дезертира вдали от родины, в Тасмании, среди чужих людей, невзгод и разных опасностей, что большинство матросов вернулось на корабль. А из оставшихся на берегу пятерых четверо также явились на другой день с повинной. Пятый же так и не явился. Лазарев задержался в Дервенте на целых шесть суток, разыскивая матроса, но его не нашли. По-видимому, он заблудился в непроходимых лесах Тасмании и умер от голода или же был растерзан хищными зверями. «У нас часто происходят подобные случаи, даже с привычными туземцами», — ответил Лазареву губернатор на его просьбу продолжить поиски пропавшего матроса.

Лазарев строго наказал дезертиров, но не выдал их, скрыв от высшего начальства все происшедшее в Дервенте. К сожалению, он не сделал нужных выводов из всей этой истории. «Грустно было видеть Лазарева, писавшего собственноручно заведомо неправильное донесение, — замечает Завалишин. — Но еще грустнее было то, что он не воспользовался данным уроком, что и привело впоследствии к возмущению всей команды, укротить которое возможно уже было только одною уступкою».

Покончив с делами в Дервенте, «Крейсер» проложил курс на остров Таити. Плавание в тихоокеанских водах, богатых коралловыми рифами, требовало, как мы видели выше, величайшей осторожности. Но как ни старались, как ни следили моряки за глубинами, лишь чудом избегли беды. Фрегат шел полным ходом в районе достаточно глубоком. Вдруг его

неожиданно сильно ударило в днище. Фрегат на мгновение замедлил ход и так затрясся, что все стоящие упали, а спавших выбросило из коек. Было ясно, что корабль налетел на подводную коралловую гряду. Лазарев приказал смерить уровень воды в трюме и бросить лот. Но вода в трюме не поступала, а вокруг глубина неизмеримая. Все облегченно вздохнули. «Когда в Ситхе разгрузили корабль, — вспоминает Завалишин, — то в носовой части нашли кусок коралла, который, пробив наружную обшивку, сломался и заткнул собою пробоину. Но будь риф сколько-нибудь обширнее, фрегат неминуемо разбился бы».

Самозакупорка пробоины куском коралла, причинившего эту пробоину, — поистине необычайный случай в морской практике!

Лазарев очень рассчитывал раздобыть на Таити свежей провизии, овощей и фруктов. Захватив много разных подарков, моряки пытались пристать к берегу. Но их встретили угрожающие крики. Островитяне размахивали копьями, даже швыряли в подплывающих моряков камни. Шлюпки вынуждены были вернуться.

Но когда таитяне убедились, что русские не собираются им вредить, они сами стали, вначале робко, приближаться к фрегату. Они предлагали свои товары, главным образом бананы и кокосовые орехи, за что получали бусы и другие украшения. Но однажды такой товарообмен едва не закончился очень печально для Лазарева с Завалишиным. Один не в меру бойкий таитянин, прельстившись блеском кухонного ножа, давал за него всего лишь одну связку бананов. Когда ему отказали, он бросился в воду, доплыл к своей лодке, вскарабкался в нее и, достав копье, метнул его в сторону стоявших на корме Лазарева и Завалишина. Копье было брошено с такой силой, что глубоко врезалось в переборку, около которой стояли моряки. Не без труда Лазарев извлек из дерева смертоносный снаряд.

— А моя коллекция дикарская все пополняется. Вот еще бесплатно дополнение прибыло, — произнес Лазарев и направился с копьем к себе в каюту.

Но этот поступок мало характерен для туземцев Таити. Нахимов, например, отзывался о таитянах так: «Народ дикий, но очень добрый и ласковый; ходят совсем нагие. Мы у них на безделицы выменивали фрукты, кур и свиней».

На «Крейсере» скончался от чахотки один из лучших матросов Малахов. Лазарев приказал хоронить его как офицера. К назначенному времени на палубу вышли во главе с Лазаревым все офицеры в парадной форме. Оркестр заиграл похоронный марш. Под звуки «Вечной памяти» гроб был спущен в океан. «Прощай, Малахов, прощай, дорогой братец»,

«Вечная тебе память!» — так прощались матросы со своим товарищем. Вечером Завалишин записал в свой дневник: «Ничего не может быть торжественнее и грустнее похорон на корабле». Очень интересно для нас и другое сделанное им признание: «Случай этот (то есть смерть и погребение Малахова. — Б. О.) показал, как дружна была у нас команда, несмотря на самый разношерстный ее состав». Это случайно оброненное таким искренним и гуманным человеком, каков был Завалишин, замечание объясняет нам многое в событиях, происходивших на «Крейсере», прежде всего товарищеский дух матросов и их сплоченность.

Боцманом на «Крейсере» Лазарев назначил татарина Рахмета, на которого всегда мог положиться. Рахмет был удивительно тактичен и в то же время строг в обращении с командой. Большой любитель порядка, Рахмет особенно следил, чтобы между матросами не возникало никаких ссор и драк.

Как ни был предусмотрителен и опытен Лазарев, как ни наблюдал он за чистотой и порядком на корабле, одной возможности он все же не предвидел. На «Крейсере» расплодилось крысы. Они грызли и портили решительно все: мешки, паруса, ящики с разными запасами, сапожный товар, не говоря уже о продовольствии. В довершение всего они прогрызли две бочки с ромом и стали прогрызать внутреннюю обшивку фрегата. Муки жажды гнали крыс на палубу, где матросы сотнями избивали их палками, канатами и чем попало. Для их поимки устраивали даже нечто вроде невода. И все же, несмотря на постоянную борьбу, крыс было такое множество, что положение становилось угрожающим.

Боцман Рахмет докладывал Лазареву:

— Жить нельзя от гадов, ваше высокородие. По ночам стали на койки залезать, матросов покусали... Выкурить бы их...

Придя на Ситху, моряки разгрузили фрегат до последнего ящика и каната, а сами переселились на берег. Затем стали окуривать корабль. Настил из кирпичей поставили чугунные котлы с морской капустой и каменным углем, после чего, тщательно закрыв все люки, под котлами развели огонь. Процедура эта продолжалась три недели. Она оказалась самой радикальной: все крысы погибли.

Мы забежали несколько вперед, не сказав, что на Ситху «Крейсер» пришел 3 сентября 1823 года. На Нахимова Русская Америка произвела самое тяжелое впечатление. С обычной для него лаконичностью Нахимов так передает свои впечатления: «Место очень дурное; климат нездоровый, жестокие ветры и дождь беспрестанны. Ничего нельзя почти достать, а

ежели что и случится, то за самую дорогую цену. Свежей пищи нельзя иметь, кроме рыбы, да и то зимою очень мало. Зимовать тут очень дурно». Не жаловал Ситхи и Завалишин, он отзывался о ней как об одном из скучнейших мест на земном шаре.

На Ситхе наши моряки застали шлюп «Аполлон», которым командовал лейтенант С. П. Хрущев, даровитый моряк, впоследствии адмирал Черноморского флота. Их ожидали здесь и новости, приятные и неприятные. Вместо умершего Баранова пост правителя Российско-Американской компании занимал теперь капитан-лейтенант М. И. Муравьев. Он сообщил Лазареву, что во внешней политике русского правительства произошли некоторые изменения. Не имея никакого желания обострять отношений с Соединенными Штатами и Англией, оно пошло на уступки. Дело касалось территориальных вод, куда отныне беспрепятственно могут заходить корабли всех стран. Приход «Крейсера» и «Ладоги» для «защиты интересов русской колонии в Америке» несколько запоздал. Дело разрешилось мирным путем. Но пока, до прибытия на длительный срок шлюпа «Предприятие», «Крейсер» и «Ладога» должны были оставаться здесь.

Продовольственные запасы на «Крейсере» заметно поистощились, и Лазарев рассчитывал их пополнить. Всего больше моряки нуждались в муке и сухарях. Но на Ситхе мука также подходила к концу, и уделить фрегату нельзя было ни одного пуда. Капитан-лейтенант Муравьев предложил Лазареву до наступления зимы совершить рейс в Калифорнию и там закупить продовольствие.

14 ноября «Крейсер» и «Ладога» отправились в путь.

Едва успели корабли выйти из залива, как грянул шторм, на этот раз ледяной. Вахту нес Завалишин, рядом стоял Лазарев. Ветер и грохот волн заглушали орудийные выстрелы с «Ладоги», сигналившей, что на корабле вихрем изорваны все прямые паруса. «Страшна была эта ночь, — вспоминает Завалишин. — Нас окачивало непрерывно срываемыми ветром верхушками валов. Снасти обмерзли, и рулевым стоило невероятных усилий держать фрегат в должном направлении и не дать волне, ударив в бок, залиться по палубе, смыв с нее людей».

Фрегат находился вблизи скалистых «гибельных» берегов; малейшая оплошность, и кораблю «могила». Невольно вспоминался ужасный двухдневный шторм в Английском канале. Когда вышли на открытое место, Лазарев, наклонившись к уху Завалишина, крикнул: «Ну, слава богу, Дмитрий Иринархович, опасное место миновали. Теперь вы можете сдать вахту и идти отдохнуть». Огромное нервное напряжение, поддерживавшее

силы Завалишина, вдруг покинуло его, и он без чувств упал на руки Лазарева.

Наутро шторм стал отходить, но волны все еще оставались огромными, океанскими. С попутным ветром фрегат развил прекрасный ход. Отлегло у людей от сердца, и они рады были передохнуть. Только снова не нагрянуло бы! Небо все еще темное, холодное, но сквозь клочья туч брызнули первые лучи солнца. Большинство матросов спит, свернувшись калачиком, на подвесных койках. Но вахтенные все наверху.

Вдруг с бака тревожный крик: «Человек за бортом!» Все на палубе мгновенно приходит в движение. В воду летят буйки с флажками, спасательные круги, доски... Вахтенный офицер мичман Завалишин бросает маленькую лестницу, за которую судорожно хватается упавший в воду матрос Давыд Егоров. Подтягивая заполоскавший парус, он встал на укрепленную с наружной стороны борта доску, но поскользнулся и упал. Завалишин немедленно «привел фрегат к ветру», то есть застопорил его ход, и приказал приготовить шлюпку. «Но на таком сильном волнении, — вспоминал Завалишин, — спустить шлюпку было опасно. Оставалось воспользоваться той секундой, когда фрегат наклонится в ту сторону, на которой была подвешена шлюпка, и обрубить канаты, на которых она висела. Послав шесть человек матросов на шлюпку, я сказал Нахимову: «Павел Степанович, отправляйся с ними!»

На палубу вышел отдохавший после бессонной ночи Лазарев.

— Лучшего; чем ты, на это дело, пожалуй, и не сыскать! — произнес он, узнав, что спасать идет Нахимов. — Будете возвращаться, осторожнее приставайте, не то разобьет в щепы... Ну, с богом. Желаю удачи! — И Лазарев крепко обнял Нахимова.

Уловив момент, когда шлюпка очутилась на воде, ловко перерубили тали ^[36], Лазарев подкинул несколько запасных весел, и матросы с Нахимовым у руля, ныряя среди огромных водных холмов, понеслись спасать Егорова.

Нахимов зорко всматривался вперед. И каждый раз, когда шлюпку выносило на клокочущий гребень волны, он ясно-видел, как покрывалась пеной вдали черная точка. То была голова Давыда Егорова.

Шлюпка находилась всего лишь в нескольких саженях от Егорова, когда вдруг, взмахнув высоко рукой в последний раз, Егоров выпустил лестницу и исчез. Казалось, вот-вот снова покажется голова «Сделалась ли с ним судорога или схватила его акула — решить нельзя, но его не нашли», — замечает Завалишин.

Тяжело, болезненно остро переживал Нахимов неудачу. Подавленный,

угрюмый, сидел он на корме возвращавшейся на корабль шлюпки.

Как только шлюпка подошла к кораблю, ее с такой силой швырнуло о борт, что она разлетелась в щепки. Люди заныряли в воде. Им бросали концы: фыркая и захлебываясь, они цеплялись за что попало, их вытаскивали на палубу. Маневр был выполнен настолько быстро и умело, что удалось спасти всех.

— Благодарю тебя, Павел Степанович, — сказал Лазарев Нахимову, крепко сжимая его руку. — Ты сделал все возможное, чтобы спасти человека, ты жертвовал собой. Долгом своим почту «представить о тебе донесение высшему начальству. А сейчас иди и отдохни. И вас, ребята, благодарю и представлю к награде, — обратился он к матросам. — Утопший Давыд Егоров отменно хороший был матрос, честный и знал свое дело... Мир его праху! — И, сняв фуражку, Лазарев перекрестился. Все последовали его примеру.

По привычке, склонив правое плечо несколько набок, побрел промокший Нахимов к себе в каюту переодеваться. Вестовой уже приготовил ему свежее белье и верхнюю одежду.

Плавание «Крейсера» протекало, как мы достаточно уже убедились, в исключительно тяжелых условиях штормовой погоды, почему Нахимов и называл его «несчастливым». Оно было несчастливо и количеством смертных случаев на корабле.

И смерти были какие-то странные, случайные. Матрос Силимовский, выйдя ночью на палубу, свалился с борта корабля в воду. Не умея плавать, он утонул. Канонира Попова убило, когда он заряжал орудие для салюта. Матрос Филиппов утонул, упав с баркаса во время поездки за пшеницей в Калифорнию.

Справедливо замечание Лазарева, что «такие непредвиденные несчастья могут случиться везде, и избавиться от них весьма трудно».

1 декабря «Крейсер» бросил якорь на рейде Сан-Франциско. Здесь находились уже «Аполлон» и два компанейских судна. А спустя несколько часов пришла и «Ладога».

Тяжелая миссия легла в Сан-Франциско на плечи Лазарева. Ему предстояло закупить пшеницу на целый год для всего экипажа «Крейсера», а также и для русской колонии в Ново-Архангельске. В урожайные годы в Калифорнии можно было достать сколько угодно хлеба. Но в текущем году ее постиг великий неурожай, и пшеницу за большие деньги можно было достать только у фермеров, и то мелкими партиями. Морякам приходилось ездить по окрестностям Сан-Франциско, нередко за 40–50 верст,

разыскивая зерно, после чего на гребных судах доставлять его на корабль. Ни ветряных, ни водяных мельниц в Калифорнии не было, зерно приходилось растирать самим на собственных ручных жерновах. И все же Лазареву удалось добыть 4488 пудов пшеницы, потратив на это хлопотливое дело свыше двух с половиной месяцев непрерывного труда.

Как командующий Аляскинской флотилией, Лазарев за ненадобностью и в целях экономии хлеба отправил в Россию «Аполлона» и «Ладогу», а через два с половиной месяца сам отбыл в Ситху, куда и прибыл 18 марта.

Обитатели Ново-Архангельска с нетерпением ожидали Лазарева, они тепло и с большой радостью встретили «Крейсер». Под его защитой они чувствовали себя спокойно.

«Конвенции конвенциями, — резонно говорил капитан-лейтенант Муравьев, — а охрана крепости, и крепкая охрана, необходима. Я, признаться, не особенно доверяю всем этим бумажкам. Больше чем уверен, что англичане с американцами не перестанут нам гадить, снабжая туземцев контрабандным оружием, порохом и вином. Они начнут действовать против нас при первом же удобном случае».

И в ближайшее же время слова Муравьева оправдались.

Лазареву неожиданно пришлось расстаться со своим лучшим помощником Завалишиным. Человек больших способностей, Завалишин окончил Морской корпус, много занимался самообразованием. Семнадцатилетним юношей он уже преподавал в старших гардемаринских классах астрономию, высшую математику, механику и морскую тактику. Несмотря на разность возрастов, Завалишина с Лазаревым связывала многолетняя искренняя дружба. Зная приятеля как честнейшего человека, Лазарев доверил ему на корабле всю хозяйственную и финансовую часть. Без его согласия не мог быть утвержден ни один счет. Такие полномочия создали для молодого ревизора одно из первых мест на корабле. Завалишин смело высказывал либеральные идеи, развивал мысли логично и последовательно. В пути, во время плавания, он написал и отослал царю письмо, в котором высказывал свои соображения по многим политическим проблемам. Письмо, по-видимому, попало в руки адмиралтейств-коллегии. Там забеспокоились Начальник морского штаба адмирал Моллер предлагает Лазареву срочно выслать характеристику Завалишина. Лазарев дает блестящий отзыв о своей подчиненном. Надо думать, что этот отзыв сыграл важную роль в судьбе письма Завалишина. Оно было передано Александру I. На царя письмо произвело сильное впечатление, и он распорядился откомандировать автора в Петербург для личного с ним

разговора. На компанейском бриге «Волга» Завалишин отбыл в Охотск, а оттуда сухим путем в Петербург.

Надо сказать, что разговора у Александра I с Завалишиным не состоялось: ко времени его приезда царь попросту забыл о нем.

Проекты Завалишина были рассмотрены особой комиссией и признаны заслуживающими внимания, но практического разрешения не получили. Все это привело пылкого офицера 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь. За участие в восстании декабристов он был сослан на каторжные работы «навечно», а через тридцать лет, в 1856 году был освобожден и поселен в Чите; в 1861 году ему было разрешено переехать в Москву, где «последний декабрист» и скончался в 1892 году, 88 лет от роду; после освобождения он занимался литературной работой и, в частности, опубликовал свои записки о плавании «Крейсера».

Наконец в Ново-Архангельск прибыл долгожданный шлюп «Предприятие», где командиром был известный моряк капитан-лейтенант Коцебу. Теперь уже никто не задерживал Лазарева, он мог вернуться на родину.

И вот здесь, на дальней окраине мира, на бесплодной холодной Ситхе, наступила развязка поединка между Кадьянном и подневольными матросами. И что самое замечательное, в этом конфликте победителями оказались крепостные матросы.

Условия питания в Ново-Архангельске были скверные. Хлеб привозной, из Калифорнии, а земля хоть и давала с трудом корнеплоды, но почва была настолько завалена камнями и всяким мусором, что казалась вовсе не пригодной под огороды. И вот Лазареву пришла хорошая мысль: самим заняться подготовкой огорода под картофель и другие овощи. Матросы приветствовали идею своего командира. Стосковавшись по деревне, по земле, они, как один, сошли на берег и энергично принялись за работу. Руководил работами, как обычно, старший офицер, лейтенант Кадьян. Как-то Лазарев, съехав на берег, решил узнать у огородников, каковы их успехи. Но тут произошло событие, совершенно неожиданное. К Лазареву подошли выборные от команды и спокойно, но твердо заявили, что не вернутся больше на корабль, пока не будет списан ненавистный им Кадьян, который и после случая в Тасмании издевается над ними и избивает еще сильнее.

И Лазарев, быть может, первый раз за всю свою службу смутился и не знал, что ответить. Целый рой мыслей, вытесняя одна другую, проносился в его голове. Матросы удачно выбрали момент, чтобы обезоружить своего

командира. Они были на острове единственной сплоченной организованной силой и могли найти приют и поддержку у туземцев-алеутов, угнетаемых русскими властями.

Положение было сложное и тяжелое. Ведь перед Лазаревым как-никак стояли «бунтовщики», которых присудили бы к плетям и каторге. Но грозить матросам судом, кричать на них было совершенно бесполезно. Матросы не послушали бы его, а скандал получился бы грандиозный. И кроме того, в глубине души Лазарев не мог не чувствовать, что матросы правы. И Лазарев уступает.

— Будь по-вашему, ребята, — говорит он им. — Сегодня же я спишу старшего офицера. А вы возвращайтесь на корабль и приступайте к работам... Да смотрите, не болтать!

И, радостно загудев, матросы отправились на корабль. Они верили слову начальника и не ошиблись. Кадьян в тот же день был списан с корабля «по собственному желанию». Так состоялась «полюбовная сделка» между командиром и командой. Лазарев скрыл все происшедшее на Ситхе от начальства, чем спас команду «Крейсера» от жестокой расправы.

Если говорят, что тайна плохо держится даже среди троих, то можно ли допустить, чтобы слухи о волнении матросов в Тасмании и на Ситхе, где было замешано до 150 человек, не дошли бы до ушей петербургского высшего начальства? Разумеется, нет. Всего вероятнее будет предположить, что к происшедшему отнеслись как к явлению случайного порядка, вызванного недостойным поведением одного из офицеров, который и был смещен. Высокий авторитет и уважение к Лазареву также способствовали тому, что все это дело, не получив хода, «осталось, по выражению Завалишина, тайной для истории официальной».

К намеченному сроку огород был подготовлен и засажен. Однако алеуты ночью перекопали его.

Правитель колоний, капитан-лейтенант Муравьев, потребовал выдачи зачинщиков и арестовал несколько человек заложников. В ответ алеуты осадили крепость и грозили уничтожить весь русский поселок, если не будут освобождены заложники.

Алеуты с криком стали расшатывать крепостные стены. В крепости были орудия, но вряд ли они принесли бы пользу, если бы в нее ворвались толпы туземцев. К счастью, Лазарев оказался на месте.

Еще во время первого посещения Ново-Архангельска он хорошо обследовал здешние проливы между островами и среди них обнаружил один очень глубокий, пригодный для прохода большого корабля. Вот через этот-то пролив Лазарев провел «Крейсер» и отдал якорь у стен самой

крепости. Алеуты, считавшие себя в полной безопасности, были изумлены.

Раздается холостой залп из всех орудий «Крейсера». Алеутов предупреждают, что немедленно будет открыт боевой огонь, если они не разойдутся. Поняв, что их дело проиграно, они разошлись, представили зачинщиков и уплатили штраф. По настоянию Лазарева заложников тут же освободили, вернули алеутам штраф, но объявили, что если они осмелятся еще раз угрожать русским, то навсегда будут изгнаны из залива и их не допустят к ловле сельдей.

Происшествие на Ситхе было, по выражению Завалишина, «последним, выходящим из ряда обычных случаев событием на фрегате».

16 октября жители Ново-Архангельска провожали «Крейсер» в дальний путь. Многие со слезами на глазах благодарили Лазарева за все, что он сделал для них: обеспечил хлебом, без жертв усмирил восстание алеутов, научил сажать овощи... По словам Лазарева, он оставил русскую колонию в Америке «в весьма надежном и цветущем состоянии».

Фрегату предстоял огромный путь вдоль берегов Америки, мимо мыса Горн и далее на север к берегам Европы. Для пополнения запасов продовольствия, ремонта корабля и отдыха команды намечался заход только в два порта: в Сан-Франциско и Рио-де-Жанейро.

И снова бесконечные штормы и противные ветры опрокинули все расчеты. «Плавание наше до Сан-Франциско, — доносил Лазарев в адмиралтейств-коллегию, — было чрезвычайно продолжительное по причине беспрестанных почти противных ветров, которые особенно около параллели мыса Медосино свирепствовали тринадцать дней с такой жестокостью, что мы большую часть времени находились под рифлеными триселями»^[37].

Тридцать семь суток почти непрерывных штормов настолько истомили и обессилили людей, что многие из них заболели. По приходе в Сан-Франциско их пришлось положить в судовой лазарет. Но сам фрегат оказался во всех отношениях образцовым^[38]. Лазарев доносил в Петербург: «Я с особенным удовольствием должен сказать, что хорошая конструкция фрегата, крепость рангоута и стоячего такелажа были причиной того, что в ужасные бури мы находились спокойнее в море, нежели многие суда в лучшем порте».

Около месяца пробыл «Крейсер» в Сан-Франциско. Как ни был крепок и вынослив корабль, но непрерывная борьба с океанскими волнами, подбрасывание и швыряние из стороны в сторону сильно порастрясли его хорошо слаженный корпус. Снова необходим был ремонт, который

успешно производился теперь в Сан-Франциско.

С каждым днем Лазарев все более убеждался, насколько люди утомились и стосковались по родине. Все чаще слышались разговоры о доме, о жене, ребятишках, родителях. Всякая задержка, всякое препятствие на пути раздражали матросов и офицеров. Лазарев старался как можно меньше обременять людей работой, отпускал их партиями на несколько дней погулять на берег, всячески старался их развлечь.

А океан, как нарочно, испытывал терпение моряков. Полосу больших штормов сменили противные ветры и частые штили. Если недавно в минуты страха и отчаяния люди молили невидимые силы унять «гнев свой», то теперь они обращались к тем же силам дать ветерка «хоть махонького, да попутненького». Переход «Крейсера» из Сан-Франциско в Рио-де-Жанейро занял целых 93 дня! Это не входило ни в какие расчеты Лазарева.

Но сложа руки на «Крейсере» не сидел никто. Наступили благоприятные условия для научных работ. И Лазарев со своими помощниками всемерно использовал эти возможности. Полностью развернулись на корабле гидрологические, гидрографические и метеорологические работы.

Самым важным делом Лазарев считал исправление морских карт. В старину испанские мореплаватели, среди которых было немало авантюристов, не утруждали себя проверкой сделанных ими «открытий», а наносили на карту случайно увиденный издали мираж или повисшую над горизонтом густую грядку облаков, принимая их за остров. Честолюбивые их помыслы заключались лишь в том, чтобы дать «острову» свое имя. Теперь Лазареву пришлось исправлять их грехи, долгое время вводившие в заблуждение мореплавателей.

«24 января, — писал Лазарев, — проходили мы через самое то место, где на гишпанских картах назначен остров под именем Дудоса в широте 17°5' южной, долготе 237°59' восточной, но никаких признаков близости Земли не имелось» И много таких разоблачений сделал Лазарев, много мифических островов и земель убрал с морских карт.

Покинув Бразилию 22 апреля, «Крейсер» направился в Кронштадт, куда и прибыл 5 августа 1825 года. Всего в плавании корабль находился без 12 дней три года; 457 дней провел он в море под парусами.

«Так закончилось, — писал Завалишин, — это знаменитое плавание фрегата, послужившего впоследствии Образцом для всех черноморских кораблей и на котором под влиянием Лазарева развились, бесспорно, все отличавшие севастопольских моряков качества: сознание долга службы,

мужество, хладнокровие в опасности и самопожертвование»^[39].

«Крейсер» после столь длительного, необычайно бурного плавания всех поразил своим блестящим видом. Начальник морского штаба доносил царю. «Я осматривал фрегат и нашел его во всех отношениях не только в отличной, но и даже в необыкновенно превосходной исправности». Таково было мнение старого опытного моряка. А вот впечатления юноши, гардемарина С. Крашенинникова, воскрешенные им в памяти спустя много лет после посещения фрегата. «Старые балтийские моряки, верно, помнят еще, каким щеголем возвратился в 1825 году из вояжа фрегат «Крейсер». Нас, гардемарин, возили тогда осмотреть это образцовое судно... Какая была чистота, и все дышало порядком».

В награду за блестяще выполненный рейс Лазарев был произведен в капитаны первого ранга, получил орден и денежную премию. Все остальные офицеры также были награждены чинами, орденами и деньгами. Помимо этого, всем был засчитан двойной срок службы. Награды получили и матросы.

Глава V

Наваринское сражение



В 1821 году началась национально-освободительная война греческого народа против турецкого ига. Не в силах справиться с повстанцами, турецкая военщина жестоко расправлялась с мирным населением подвластных ей районов.

В Европе стало расти, все усиливаясь, сочувствие к страданиям греческого народа. Народы требовали от своих правительств вмешаться и силой прекратить кровавую драму на Балканах. Правительства медлили. В разных странах стали возникать комитеты помощи греческому народу. Через эти комитеты в Грецию отправлялись деньги и оружие. Многие лучшие люди сами отправлялись в страну древней Эллады воевать против варварства и порабощения.

В печати появлялись громовые статьи, призывающие обуздать турецких палачей. С теми же требованиями выступали на многочисленных митингах ораторы. В Лондоне был учрежден английский комитет помощи грекам. Стали организовываться подобные комитеты и в других странах. Поощренный Гёте, английский поэт Байрон отправился в Грецию. Всею пламенной своей душой он был на стороне греков. «Кровь будет литься как вода, а слезы как роса, — писал он, — но греки победят в конце концов. Я не надеюсь дожить до этого момента, но предвижу его». Благородный поэт-

гуманист действительно не дожид до радостного дня освобождения греков. 19 марта 1824 года Байрон умер в Греции от злокачественной малярии.

Народы Европы настойчиво и энергично продолжали требовать от своих правительств вмешательства в греческие дела.

После продолжительных обсуждений английское и французское правительства решили, что наилучшим решением конфликта будет превращение Греции в вассальное государство, самостоятельное в своем внутреннем управлении, но политически подвластное турецкому султану.

Но такой план не мог удовлетворить ни турецкие власти, желавшие по-прежнему беспрепятственно грабить Грецию, ни греческий народ, поднявшийся на борьбу не для того, чтобы остаться подвластным турецким султанам.

Николай I, ознаменовавший начало своего царствования жестокой расправой над декабристами, считал греков бунтовщиками и вовсе не собирался идти им на помощь. Но Россия была заинтересована в свободном выходе из Черного моря через проливы Босфор и Дарданеллы. Решение греческой проблемы без участия России означало бы, что на Балканах укрепятся англичане и проливы по-прежнему будут закрыты для России. Вместе с тем вмешательство в греческие дела должно было сильно повысить престиж России в Европе, а ослабление давнего врага России — Турции — открывало возможности к новым наступательным действиям на востоке. Николай решил готовить мощную эскадру для похода в Средиземное море.

На архангельских верфях в это время строились два линейных семидесятичетырехпушечных корабля — «Азов» и «Иезекииль». Чтобы закончить их возможно быстрее, в Архангельск командировали Михаила Петровича Лазарева. «Азов» строился по плану и чертежам прославленного инженера Курочкина. Но, и Лазарев немало потрудился, вводя разные усовершенствования в конструкцию корабля. Он придавал особое значение боевой мощи корабля и наиболее удобной и рациональной планировке внутренних помещений.

Когда Лазарев приехал в Архангельск, все силы порта были отданы «Азову».

Вскоре корабль был закончен. Он стал наиболее совершенным по своим мореходным качествам, мощи и внутреннему устройству кораблем русского военного флота. Лазарев был очень доволен «Азовом», командиром которого он и стал. Очень тщательно он подбирал себе помощников из лично известных ему моряков. В числе их оказались прославленные впоследствии лейтенант П. С. Нахимов, мичман В. А.

Корнилов и гардемарин В. И. Истомина. Они в совершенстве усвоили школу Лазарева, его военно-морскую тактику.

Талант Лазарева как моряка, организатора и флотоводца развернулся теперь во всю ширь, и влияние его на подчиненных было безгранично: они души не чаяли в своем командире. Даже такой осторожный на похвалы и уравновешенный человек, как Нахимов, не мог без волнения говорить о Лазареве. В письме к своему приятелю, лейтенанту М. Ф. Рейнеке (впоследствии знаменитому гидрографу и знатоку русского Севера) Нахимов писал о Лазареве: «Надо послушать, любезный Миша, как все относятся к капитану, как все его любят! Право, такого капитана русский флот еще не имел».

Но вот корабли готовы к походу в Кронштадт. В состав эскадры входят «Азов», «Иезекииль» и военный транспорт «Смирный». Став во главе отряда, Лазарев привел корабли 19 сентября в Кронштадт. Ему было поручено немедленно готовиться к дальнему походу в «неизвестном направлении». Из дипломатических соображений правительство не хотело до времени сообщать, что посылает сильную эскадру на юг, в Средиземное море, на помощь грекам. Но Лазарев, конечно, догадывался, куда и зачем он поведет корабли. Ему и его помощникам предстояла очень большая и спешная работа. Новые корабли не были еще вполне закончены.

Лазареву часто приходилось ездить по делам в Петербург. Однажды он весь день пробыл в столице. Вернулся поздно и, не заходя домой, отправился на корабль. Его стройный красавец «Азов» имел теперь далеко не щегольской вид. Палуба корабля была завалена снастями, парусами, канатами, бочками с провизией и ящиками с артиллерийскими снарядами.

Лазарева встретил Нахимов. Отрапортовав о состоянии корабля, он сообщил, что получено приказание завтра чуть свет выходить на Большой рейд.

Лазарев недовольно поморщился. Всякий беспорядок на корабле глубоко волновал его командирское сердце. А тут еще становись на Большой рейд, на общее лицезрение.

Хорошо зная болезненную щепетильность Лазарева ко всему, что касалось корабля, Нахимов добавил:

— Приказ вышел не только нам, а и всем прочим кораблям сеньявинской эскадры находиться отныне на рейде.

— Ну, коли так, постоим и мы. И прочие корабли глядят не лучше нашего, — заметил Лазарев и пригласил Нахимова к себе в каюту.

На следующий день с первыми лучами солнца эскадра адмирала Сеньявина в полном составе выходила из гавани на Большой рейд. Ее вид

был грозен и внушителен: 9 линейных кораблей, 7 фрегатов, 1 корвет и 4 брига. Такое множество крупных кораблей привлекало общее внимание. Собравшиеся на набережной прохожие недоумевали: в чем дело?

Еще до полудня совершенно неожиданно на флагманский корабль «Азов» прибыл царь. Караул запоздал его встретить, офицеры и команда, занятые работой, были одеты по-повседневному, палуба была не прибрана.

Натягивая на ходу сюртук, из каюты выбежал Лазарев. Приняв рапорт, Николай приказал всем оставаться на местах и заниматься своим делом, а сам в сопровождении Лазарева отправился осматривать «Азов». Часа четыре оставался он на корабле, обо всем расспрашивал, всюду заглядывал и особенный интерес проявил к артиллерии.

«Чем обязан сему вниманию, никак понять не могу», — недоумевал после этого визита Лазарев.

Через несколько дней царь снова появился на «Азове». На этот раз его сопровождала многочисленная свита и послы английский и французский. Лазареву не пришлось теперь краснеть за свой корабль. В полном порядке и готовности стоял он у Толбухина маяка. В состав эскадры контр-адмирала Гейдена, помимо «Азова», входили семидесятичетырехпушечные «Гангут», «Александр Невский» и «Иезекииль» и 4 фрегата: «Константин», «Елена», «Проворный» и «Кастор», а также корвет «Гремящий». Сила внушительная!

Невдалеке стояла вторая, еще более мощная эскадра под флагом старшего на рейде — адмирала Сенявина.

Теперь уже всем морякам стало ясно, что на эскадру вскоре будет возложено какое-то поручение особой важности.

Поднявшись на шканцы, Николай небрежно бросил Гейдену:

— Весьма охотно желал бы я посмотреть, как стали бы вы сражаться, если бы дело дошло до этого.

Гейден тотчас ответил:

— Если вашему величеству будет угодно, завтра же можно учинить маневры, всего лучше, полагаю, под Красной Горкой.

Николай одобрительно кивнул головой. И на другой же день маневры под Красной Горкой состоялись. При звуке сигнала сотни матросов побежали вверх по вантам, облепили реи, и мгновенно корабли окрылились парусами.

Эскадры наступали друг на друга. Загрохотали орудия, задымились жерла, вспыхнувшие от стрельбы «пожары» быстро тушились пожарными командами. Под мнимые пробоины подводились защитные средства. Ловко лавируя парусами, корабли так близко подходили один к другому, что два

раза им удалось сцепиться, и на палубах закипел весьма «ожесточенный» абордажный бой.

Победу одержал отряд адмирала Гейдена, а из кораблей всего более отличился «Азов». Николай остался очень доволен.

Утомившиеся за день моряки с нетерпением ожидали, когда царь отбудет восвояси и они смогут поделиться впечатлениями и отдохнуть. Но не тут-то было! Произошло то, чего никто не ожидал. Николай вдруг приказал дать сигнал: «Всей эскадре сниматься с якоря и идти в дальнейшее плавание».

У моряков, особенно у мичманов, вытянулись лица. Не того они ожидали. Им грезились пышные проводы с торжественным прощальным обедом и музыкой, с приглашенными на корабль гостями, с речами, тостами, объятиями. И вдруг такой неожиданный приказ!

Нельзя сказать, чтобы и Лазарев принадлежал к числу довольных приказом. Но как моряк, привыкший ко всяким неожиданностям, — он смотрел теперь только в ближайшее будущее, казавшееся ему и важным и значительным.

Но вот у борта «Азова» снова царская яхта. Пожелав счастливого плавания. Николай обратился к Гейдену и Лазареву: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий с неприятелем будет поступлено по-русски». И, вручив адмиралу Гейдену запечатанный конверт, который он должен был вскрыть в Портсмуте, Николай отбыл в Петергоф.

Через несколько недель корабли прибыли в Портсмут. Появление на портсмутском рейде огромной русской эскадры наделало немало шума в городе. Всем стало ясно, что поход русских имеет политическое значение. На корабли понаехало много корреспондентов, коммивояжеров и просто гостей. Но никто из них не знал, куда проследует эскадра. Об этом знали теперь только двое: контр-адмирал Гейден и капитан первого ранга Лазарев. Когда вскрыли конверт, оказалось, что предположение Лазарева оправдалось. Отряду адмирала Гейдена в составе 9 кораблей было приказано спешно, нигде не задерживаясь, следовать в Средиземное море на соединение с английской и французской эскадрами. Начальником штаба назначался Лазарев. Остальным кораблям отряда адмирала Сенявина приказано было возвращаться обратно в Кронштадт.

В обширном предписании адмиралу Л. П. Гейдену говорилось: «Вследствие переговоров, продолжавшихся с Англией и Францией, Россия в скором времени имеет заключить с сими державами трактат, предмет коего есть прекращение кровопролитной вражды, существующей между

турками и греками, и восстановление в сих краях прочного мира и спокойствия Я повелел управляющему министерством иностранных дел сообщить вам проект сего договора, коим постановлено предложить сперва от имени трех вышеперечисленных дворов миролюбивое посредничество как Порте Оттоманской, так и грекам, а потом совокупно содействовать к утверждению будущего благосостояния Греции под верховной властью султана на основаниях, ясно означенных в вышеупомянутом трактате».

От начальника штаба средиземноморской эскадры требовалось многое. Он должен был не только в совершенстве знать морское дело, но и быть искусным дипломатом, хорошо разбирающимся в весьма сложной тогда в Европе политической обстановке.

Командующий эскадрой адмирал Логин Петрович Гейден^[40] был опытный и честный моряк, но по своим способностям, решительности и инициативности уступал начальнику штаба, или, говоря точнее, не мог идти с ним ни в какое сравнение. Возможно, что самолюбие Гейдена и страдало от сознания превосходства над ним Лазарева, но адмирал не принадлежал к числу людей, которые свою амбицию ставили выше интересов флота, и он, предоставив Лазареву большую свободу действия, почти всегда следовал его советам. В свою очередь, и Лазарев никогда ни в чем не подчеркивал своего превосходства над адмиралом и относился к нему с полным почтением. В результате подобного безмолвного соглашения никаких конфликтов, насколько нам известно, между моряками не происходило, и оба они служили своему народу «верой и правдой».

Ознакомившись с предписанием Николая I, адмирал Гейден долго совещался с Лазаревым. Почтенный адмирал все еще не терял надежды на мирное разрешение турецкого конфликта. Политика пролития крови, говорил он, есть весьма дурная и недальновидная политика. Мы должны совокупными усилиями сделать все, чтобы избежать военных действий. Полагаю, что одно уже появление в греческих водах столь сильного флота трех держав отрезвит турецких правителей.

Лазарев недоверчиво покачал головой.

Ранним утром 8 августа обе русские эскадры отправились в путь. Эскадра Гейдена — в Средиземное море, эскадра Сенявина — в Кронштадт. Англичане, по-видимому догадываясь, куда направляется эскадра Гейдена, восторженно приветствовали русских, желая им счастливого пути и полной удачи.

Плавание протекало благополучно. Но в Средиземном море, вблизи острова Сицилии, трагически погибли двое моряков с «Азова»: матрос и вахтенный офицер. Внезапно налетевший шквал развел большую волну.

Были вызваны матросы брать рифы^[41]. Один из матросов, сорвавшись с мачты, упал в воду.

Мичман Александр Домашенко, плававший с Лазаревым на «Крейсере», бросился в воду спасать утопающего. С «Азова» была немедленно выслана спасательная шлюпка, с нее видели, как, доплыв до матроса, Домашенко схватил его. Но набежавшая большая волна захлестнула моряков, и оба они утонули.

Героический поступок мичмана Домашенко увековечен. По почину Лазарева на собранные среди офицеров средства ему был поставлен в 1828 году в Кронштадте памятник. Он стоит там и поныне.

Как ни спешила эскадра, лишь 2 октября ей удалось соединиться у греческих берегов у острова Занте с англичанами и французами. Командование флотом трех держав принял на себя старший в чине командующий английской эскадрой вице-адмирал Эдуард Кодрингтон, ученик знаменитого адмирала Нельсона. Английская эскадра состояла из трех линейных кораблей (флагманский — восьмидесятичетырехпушечный «Азия»), трех фрегатов, одного шлюпа, четырех бригов. Общее число пушек составило 472.

Французской эскадрой командовал контр-адмирал де-Риньи; в состав ее входили три корабля, два фрегата, один бриг, одна шхуна; всего на французской эскадре имелось 362 пушки.

На русской эскадре было 466 пушек. Таким образом, общее число пушек в союзной эскадре достигало 1300.

Турни сосредоточили в Наварнской бухте, вдающейся в западное побережье морей, громадный соединенный турецко-египетский флот в составе трех кораблей, двадцати трех фрегатов, двух корветов, пятнадцати бригов и восьми брандеров^[42], с общим количеством до 2300 пушек. Кроме того, турки имели сильную артиллерию в Наваринской крепости и на острове Сфактерия.

Турецко-египетский флот оказывал помощь действовавшим на берегу турецким сухопутным войскам, доставляя подкрепления, оружие, а также вывозил в неволю захваченных греков.

Начиная со 2 октября союзный флот блокировал вход в Наваринскую бухту, причем все три эскадры маневрировали под парусами, не становясь на якоря. Для согласования действий эскадр вице-адмирал Кодрингтон вызывал на свой флагманский корабль русского и французского адмиралов.

Кодрингтон посвятил адмиралов в далеко не веселые дела. Оказалось, что, кроме значительного турецко-египетского флота, турецкий

главнокомандующий Ибрагим-паша собрал вблизи Наварина 25 тысяч регулярных турецко-египетских войск. Он завладел уже всеми греческими крепостями и собирается в ближайшие же дни нанести последний, решительный удар грекам. Что же касается Наваринской бухты, то сама природа позаботилась сделать ее чрезвычайно удобной для защиты и трудной для атаки. К тому же узкий вход в нее охраняется батареями на острове Сфактерия и другими береговыми укреплениями. При входе в бухту с обеих сторон были поставлены брандеры.

— Итак, — закончил Кодрингтон, — двадцать шесть кораблей соединенной союзной эскадры должны быть готовы к бою в незнакомых водах с девяносто четырьмя вражескими кораблями, с пылающими брандерами и сильными береговыми батареями. Но предварительно нужно еще войти в Наваринскую бухту, в этот огромный водный мешок, соединенный с морем узким проливом, войти кильватерной колонной по одному кораблю.

Окончив речь, Кодрингтон поднялся с кресла и нервно зашагал по каюте. Наступило молчание.

— Что же мы будем делать, сэр? — спросил, наконец, Гейден.

— Необходимо сделать все, чтобы избежать невыгодного для нас сражения. Не вступая в бой, мы блокируем Наваринскую бухту. Ни один вражеский корабль не выйдет тогда из нее. Он тотчас же будет пущен ко дну. А тем временем мы пошлем султану предложение о перемирии.

Последние слова адмирал произнес без особенной уверенности в успехе своего плана.

— Господа, прошу вас зорко наблюдать за всем, что происходит вокруг. Со стороны турок возможны всякие неожиданности. Не дадим себя захватить врасплох. Завтра прошу вас к себе.

На том и порешили. Вернувшись на «Азов», Гейден пригласил к себе Лазарева и долго вместе с ним изучал план Наваринской бухты.

— Да, — заметил Гейден, — трудности для атаки неприятеля в бухте превеликие!

Наступила тихая, прохладная, безлунная ночь. Золотой пылью искрились и играли в воде звезды.

На кораблях русской эскадры все было готово к бою.

Утром адмирал Кодрингтон отправил к султану курьера. Была сделана последняя попытка разрешить конфликт мирным путем. В ожидании ответа союзный флот плотным кольцом блокировал вход в Наваринскую бухту. Несколько кораблей крейсировали вблизи берегов.

Но курьер вернулся ни с чем. Его не допустили к султану, сказав, что

он уехал. Ответ явно нелепый, свидетельствующий, что турки не желают вести переговоры.

Два огромных флота противостояли один другому; порох должен был воспламениться. И он воспламенился. Туркам был предъявлен ультиматум с требованием прекратить военные действия против греков. Ультиматум был оставлен без ответа. Союзники решили войти в Наваринскую бухту, чтобы своим присутствием оказать давление на турецко-египетское командование.

7 октября 1827 года на «Азове» взвился сигнал: приготовиться для входа в Наваринскую бухту. Засвистали дудки, забегали матросы, рассыпались по реям марсовые, затрепетали на ветру полотнища парусов.

Весь союзный флот сгруппировался теперь у входа в Наваринскую бухту. В ясном утреннем воздухе впереди развернулась грандиозная панорама. Как на ладони виднелись вражеские суда, стоявшие в тесном полукружии, в три линии. Линейные корабли находились в первой линии, остальные суда заняли вторую и третью, в промежутках разместились мелкие суда и транспорты. Весь этот огромный полукруг упирался одним флангом в Наваринскую крепость, а другим в батареи острова Сфактерия. Было ясно, что, если турки откроют огонь, оставаясь в полукружии, они представят позицию почти неприступную для союзников. На флагманском корабле «Азия» подняли сигнал: «Командиров на адмиральский корабль». Это адмирал Кодрингтон распорядился вручить командирам «диспозицию», где точно указывалось, какое место должен занять каждый корабль в Наваринской бухте.

К вечеру на кораблях стало необычно тихо. Только по временам слышались свистки боцманов, перекликались часовые, на судах мерно отбивали склянки. Вдали, во вражеском лагере, мелькали огоньки. «Пока там спокойно, — заносит в свой дневник один участник наваринской бойни, — а завтра огласятся эти утесы и скалы и скольких из нас не станет...»

На следующий день, 8 октября 1827 года с «Азова» последовал сигнал: «Приготовиться к атаке неприятеля». Пробили боевую тревогу. Команда и офицеры заняли свои места, зарядили ружья, с зажженными фитилями стояли у орудий артиллеристы. Адмирал Гейден и капитан Лазарев прошли по всем палубам, проверяя готовность корабля к бою.

А тем временем союзный флот в полном составе уже входил в Наваринскую бухту и занимал ее двумя правыми колоннами. Левую колонну должны были образовать русские. Англичане прошли в залив

беспрепятственно, но, когда вошел пятый по счету корабль французской эскадры, турки открыли огонь. Им не отвечали.

Английский флагман «Азия» и следовавший за ним корабль бросили якоря поблизости от двух неприятельских кораблей. Но вот к одному из кораблей французской эскадры тихо приближается турецкий брандер. Его намерения очевидны, он хочет сцепиться с кораблем и поджечь его. Тотчас английский адмирал приказывает лейтенанту Фицрою отправиться на брандер и остановить его. Но едва шлюпка приблизилась к брандеру, как на палубу выбегают турки с ружьями и начинают стрелять в англичан. Лейтенант Фицрой, первая жертва Наваринского боя, падает мертвым.

Кодрингтон отдает распоряжение командиру «Азии» открыть огонь по брандеру. Снаряды англичан кроют метко. Видно, как в панике мечутся на брандере турки. Спасаясь, они прыгают в воду. Однако им все же удается поджечь брандер, и его несет прямо на французский корабль «Тридант». Языки пламени уже лизут снасти и шлюпки корабля. С английских и французских судов к горящему брандеру несетя целая флотилия шлюпок. Брандер захватывают на буксир и отводят в сторону. Пожар на французском корабле быстро тушат. Кодрингтон снова пытается образумить неприятеля. Он посылает курьера на египетский адмиральский корабль для переговоров. Но посланца постигает участь лейтенанта Фицроя, его убивают. Расправившись с парламентаром, египетский корабль открывает сильный огонь по «Азии».

Взбешенный адмирал Кодрингтон, произнеся: «Жребий брошен, не ждите теперь пощады ни от нас, ни от русских», — приказывает открыть огонь по египетскому кораблю. Вскоре большой двухпалубный египетский фрегат начинает все более крениться на сторону и под восторженные крики союзников погружается в воду.

Но вот наступает очередь действовать и русским. С развевающимися на мачтах андреевскими флагами медленно входят русские корабли в Наваринскую бухту. На юте «Азова» — командующий эскадрой адмирал Гейден и рядом с ним капитан первого ранга Лазарев; тут же находятся старший офицер корабля капитан-лейтенант Баранов.

Спокойный и строгий, с неизменной зрительной трубой под мышкой, Лазарев сосредоточенно смотрит вперед на тройную линию судов неприятельской эскадры. Направо, на берегу — Наваринская крепость, налево — сильные батареи на острове Сфактерия. Вдали догорают подожженные турками брандеры. Удушливый, желтовато-коричневый дым обволакивает русские корабли. Но поджечь корабли противнику не удастся. Падающие на палубу головешки выбрасывают за борт, а когда одна из них

поджигает на «Азове» ванты, матросы с ведрами быстро взбегают на мачту и тушат занимающееся пламя.

Вдруг страшный взрыв потрясает воздух. Это взорвался и тонет египетский фрегат.

Лицо Лазарева проясняется, улыбаясь, он обращается к Гейдену:

— Хорошее предзнаменование, Логин Петрович! Неприятель встречает нас салютом. Мы еще в бой не вступили, а враг трещит.

Заметив приближение русских, турки на некоторое время приостанавливают огонь, по-видимому не решив, что им теперь предпринять. Но после короткой паузы всю силу огневого удара они переносят на «Азов». Бешено палят они в русского флагмана, стараясь поскорее вывести его из строя. Вскоре к артиллерийскому обстрелу с судов присоединяются и береговые батареи. Не отвечая врагу, идет «Азов» к назначенному ему по диспозиции месту, где и становится на якорь. За «Азовом» следуют остальные русские корабли; осторожно входят они в незнакомую, задернутую пороховым дымом бухту и занимают свои места.

Но вот «Азов» отдал якорь. Сокрушительные залпы «Азова» служат примером для остальных кораблей. От непрерывной канонады пороховой дым густым туманом застилал всю Наваринскую бухту. Артиллеристы-наводчики очутились в крайне тяжелом положении-видимость ослаблена, прицел затруднен. С марсов и салингов сигнальщики все время корректируют стрельбу. Чтобы еще более осложнить положение союзников и гуще окутать дымом бухту, турки жгут свои транспорты.

Вдруг на «Азове» раздается тревожный крик сигнальщика:

— Слева корабль!

Сквозь разорванные клочья порохового дыма моряки видят, что прямо на них несется объятый пламенем турецкий корабль. Еще мгновение — и раздуваемое ветром сплошное облако огня проносится у самой кормы «Азова». Невдалеке от «Азова» стоит «Гангут», он должен стать теперь неминуемой жертвой огня. Но там не растерялись. Командир корабля капитан Авинов приказал выпустить несколько саженья якорного каната, чем и спас «Гангут». Горящий корабль пронесло под самым бушпритом фрегата и через несколько минут со страшным грохотом взлетел на воздух, осыпая палубу «Гангута» обломками и горящими головешками. Радостное, восторженное русское «ура» пронеслось по кораблям нашей эскадры.

Турки упорно пытаются поджечь «Гангут». «Но едва кто из них, — замечает Л. Гейден, — протягивал для сего руку, как, лишаясь оной или головы, летел в море, которое в сей страшной борьбе поглотило их уже не одну тысячу».

Вскоре на «Гангуте» взвился сигнал-рапорт: «Вражеские береговые батареи уничтожил полностью».

С «Азова» последовал ответный сигнал: «За отличные действия адмирал выражает «Гангуту» благодарность».

С каждой минутой бой становился все ожесточеннее, русские оказались в центре внимания врага.

Звенел воздух от оглушительного хаоса звуков, шипели падающие в воду ядра. Море огня выбрасывали корабли с обоих бортов. Всего более доставалось «Азову». Убедившись, что корень зла в нем, турки поставили себе целью уничтожить русского флагмана во что бы то ни стало. «Азову» приходится драться одновременно с пятью нападающими на него турецкими кораблями. Положение его становится все более тяжелым. Изломанные сплошь борта, облитые кровью куски досок, разбросанные по всей палубе вперемешку с трупами убитых, — таков был наружный вид корабля. А внутри десятки топоров работали над заделкой подводных пробоин, через которые в трюмы бурными потоками хлестала вода. В горячем, душном воздухе, до предела насыщенном дымом и гарью, у орудий копошатся полуголые люди. Лица их сосредоточенны и деловиты. Не видно суеты, не слышно лишних слов. В неподвижных позах застыла у пушек орудийная прислуга, и одного движения руки командира достаточно, чтобы вся батарея пришла в движение и сноп снарядов из десятков орудий обрушился на врага. После каждого залпа дрожит и сотрясается «Азов». Быстро подбегают люди с ведрами и поливают разогревшиеся пушки, а заодно и вспотевших артиллеристов.

Показывается Нахимов, у щеки он держит окровавленный платок — след ранения доской.

— Что, братцы, жарко? — спрашивает он.

— Как есть жарко, вашскородие, и нам жарко и турке жарко!

— А ведь турок трещит по всем швам! Лихо стреляете, молодцы... Еще поддайте немного... Не будет врагу пощады, пока не истребим его вовсе...

Страшный грохочущий взрыв, донесшийся сверху, обрывает речь Нахимова. За взрывом следует с палубы стихийное «ура» сотен глоток. То взорвался и пошел ко дну еще один вражеский корабль. В батареейной, как один, отвечают тем же радостным криком.

А тем временем пристрелявшиеся к «Азову» турки делают свое дело. От нескольких раскаленных ядер загорается борт, весь бак разворочен. Пенится и котлом кипит вокруг вода. Нырют куски разбитых досок, мелкие щепки, обрывки канатов, клочья оборванных парусов.

Не ослабевая ни на минуту, продолжается сражение. В подпалубное помещение сносят убитых; трупы забивают помещение почти до подволока. Когда окончится бой, их отпоют и предадут морскому погребению, то есть, привязав к ногам трупа балласт, сбросят в море.

Судовой лазарет и кают-компания, отведенная теперь под операционную, заполнены тяжелоранеными. Пахнет кровью и сырым мясом. Три лекаря в окровавленных фартуках копошатся над содрогающимися от боли телами: останавливают кровотечение, зашивают, перевязывают раны, пилят руки, ноги, бросая обрубки в большое ведро. Пронзительные крики и стоны оперируемых доносятся до верхней палубы.

В числе пострадавших артиллерист, лейтенант Бутенев, командовавший артиллерией правого борта корабля. Его ранило в руку, выше локтя, раздробив кость. Боль нестерпимая, но сильный духом лейтенант не оставляет поста и продолжает командовать. Нахимов настойчиво убеждает Бутенева отправиться на перевязку, предлагая заменить его, но Бутенев отказывается. Только категорическое приказание Лазарева заставляет его спуститься в операционную... Но когда ему стали отпиливать руку, с палубы снова загремело могучее «ура», а вслед за тем раздался взрыв. Это тонул еще один уничтоженный «Азовом» турецкий фрегат. Дальнейшее поведение Бутенева походит на вымысел. Он не может сдержать порыва, он соскакивает с операционного стола и бежит наверх, чтобы принять участие в общей радости. Но тут силы его покидают, и, крикнув «ура», он без чувств падает на палубу.

В пылу сражения моряки как будто не замечали ни ранений, ни боли. Капитан-лейтенант Баранов, отдавая распоряжение, приложил рупор ко рту. Но не успел сказать и нескольких слов, как осколком картечи у него вышибло передние зубы и сильно ранило в ногу. Баранов не покинул поста. Он приказал подать другой рупор, обмотал окровавленную ногу и, выплевывая кровь, продолжал распоряжаться до конца боя.

Еще пример. Командир корабля «Иезекииль», капитан первого ранга Свинкин был тяжело ранен картечью в ноги, однако он не оставлял командного поста до самого конца боя, длившегося около четырех часов. Ходить он не мог, но где необходимо было его присутствие, он переползал туда на коленях.

В Наваринском бою Лазарев проявил изумительные способности боевого моряка и флотоводца. Его решительные действия, хладнокровие и смелость поразили всех. Во все время боя он руководил не только действиями «Азова», но и всей русской эскадры.

Пример Лазарева невольно заражает и офицеров и матросов. Они

стараятся подражать ему и заслужить его одобрение.

Из всех опасностей едва ли не самую серьезную представляли поджигатели — брандеры. Предупреждать нападения брандеров было поручено лейтенанту Нахимову. Ни один брандер не смог приблизиться к флагманскому кораблю.

Нужно отдать справедливость и союзникам. В Наваринском бою согласно морским традициям они действовали дружно, по-товарищески и, где возможно, выручали друг друга. Так, видя, что «Азову» в один из наиболее острых моментов боя приходится уж очень туго, французский корабль «Бреславль» подошел к нему и, осыпая вражескими снарядами, заслонил его, чем значительно облегчил положение русского корабля.

Один за другим выбывают из строя неприятельские суда первой лиши. Они или взрываются, объятые пламенем, или тонут от подводных пробоин. Командование кораблей второй линии в отчаянии отдает распоряжение буксировать корабли к берегу. Не всегда этот маневр, однако, удается: не достигнув суши, корабли тонут, а люди спасаются вплавь.

Очевидец с «Гангута» так описывает финальный акт грандиозного морского боя. «Около четырех с половиной часов дня дравшийся с нами фрегат, закрыв борта, но не спуская флага, погрузился в воду. Вскоре и другой 64-пушечный корабль взлетел на воздух. Громовое «ура» по всей нашей линии было знаком того, что победа начала явно клониться в нашу сторону. Признаюсь, этот взрыв турецкого фрегата вряд ли кто из нас позабудет во всю жизнь. От сотрясения воздуха корабль наш содрогнулся во всех своих частях. Нас засыпало головешками, отчего в двух местах у нас загорелось, но проворством пожарных команд огонь был быстро потушен без малейшего замешательства. Около того же времени взлетел на воздух 80-пушечный корабль, дравшийся с английским кораблем «Азия».

Ровно в шесть часов дня на «Азове» пробили отбой. Сражение было выиграно. Врага постиг невиданный в истории флота при подобном соотношении сил разгром. По единодушному свидетельству как командующего русской эскадрой адмирала Гейдена, так и командиров английской и французской эскадр, «...первый лавр из победного венка, сорванного русской эскадрой в битве при Наварине, принадлежит капитану Лазареву». «Его искусство и мужество, — по словам адмирала Гейдена, — были беспримерны». «Азов», как мы уже видели выше, занимал центральное место в бою, и его примеру и тактическим приемам следовали и другие корабли до самого победного конца. Зато «Азов» и пострадал более всех судов соединенной эскадры. Мачты у него были перебиты, а в

корпусе насчитали 153 пробоины, среди них 7 на уровне ватерлинии. И, несмотря на тяжелые повреждения, корабль не только продолжал вести бой, занимая центральное положение, но и топил еще неприятельские корабли.

Враг был разгромлен, но не добит окончательно, и бдительный Лазарев ожидал от него всяких каверз и принял необходимые меры.

Вечерело. Быстро наступали сумерки. Бухту во всех направлениях бороздили шлюпки курьеров и флаг-офицеров; подводились итоги боя, составлялись донесения, выяснялись планы дальнейших действий. Разнообразный трехязычный говор, оклики часовых смешивались с отдаленной ружейной перестрелкой. По временам раздавались громовые раскаты взрывов. Это турки уничтожали свои корабли, опасаясь, чтобы они в качестве трофеев не достались победителям.

Держась за обломки досок, плыли мимо кораблей турки, уцелевшие после гибели своих судов, махая руками, они что-то кричали. Их подбирали, уводили на бак и сдавали под надзор часовых. Весь залив был освещен пламенем догорающих вдали судов неприятельского флота/ Ярко были освещены и корабли союзников.

Всю ночь усиленные обходы следили за поведением турок на берегу, заодно осматривали и неприятельские суда, выбросившиеся на берег. Большинство из них было пусто, но иногда встречали мародеров, тащивших с кораблей все, что можно унести.

Свободные от вахты матросы отдыхали, и вскоре кубрики и другие жилые помещения на кораблях огласились могучим храпом.

И вдруг среди ночи, когда, казалось, все уже успокоилось, на «Азове» пробили тревогу, а вслед раздалась команда-«Абордажные, наверх!» При свете факелов моряки увидели, что большой, каким-то чудом уцелевший неприятельский фрегат шел прямо на русские корабли.

Выбежавший на палубу Лазарев приказал обрубить якорные канаты, и «Азов» сразу подался в сторону. Но «Гангуту» этот маневр не удался. Неприятельский фрегат, подойдя к кораблю вплотную, сильно ударил его в борт. Турки готовили абордажный бой, они ринулись на корабль, намереваясь поджечь его.

Но русские опередили неприятеля. С криком: «Вперед, ребята!», обнажив палаши, матросы взбежали на турецкий корабль и застали здесь притаившихся по разным закоулкам полуголых турок, раздувавших в кострах огонь. Матросы изрубили их, а костры и пороховой погреб залили. Когда же спустились в нижнюю палубу, с удивлением обнаружили здесь множество тяжелораненых. Они стонали и умоляли русских прекратить их

мучения. Раненых вынесли на берег, а корабль отвели в сторону и пустили ко дну.

Последняя попытка бессильного врага продолжать борьбу не удалась! Турецко-египетский флот, превосходивший флот союзников более чем в три раза, был уничтожен. Уцелело лишь 8 корветов, 16 бригов и 23 транспорта. Было взорвано и пущено ко дну: 70 боевых судов и 8 транспортов^[43]. Корабли были вооружены 2106 орудиями, а численность личного состава достигала 21 960 человек, из которых было убито и утонуло свыше 8 тысяч. Количество раненых было таково, что за недостатком места их не смогли разместить в береговых лазаретах.

На русских судах выбыло из строя около 300 человек. Наибольшие потери в людском составе насчитывались, конечно, на «Азове»; флагманские корабли союзников также пострадали сильнее, чем другие корабли их эскадр.

На следующий день после боя весь израненный, с переломанными мачтами, с кое-как заделанными пробоинами «Азов» выходил в море. Он держал путь к острову Мальта. Здесь в порту Ла-Валетта необходимо было залечить его тяжелые раны. Отсюда же отправили на родину больных и раненых. За «Азовом» следовали остальные корабли русской эскадры.

Когда вышли в открытое море, начался обряд морских похорон. Мрачно и тяжело было на душе у азовцев. На изрытой шрапнелью палубе, хранившей еще свежие следы крови, стояли рядами матросы — товарищи и друзья убитых. Многие из них были ранены; головы обмотаны тряпками, руки на перевязи, ноги забинтованы, некоторые опирались на палку или костыль. Но все они, оставив койки, пришли сюда, а некоторые приползли, чтобы отдать последний долг товарищам. Впереди матросов стояли офицеры во главе с адмиралом Гейденем и капитаном Лазаревым. После общей литии с провозглашением «вечной памяти» зашитые в парусину трупы укладывали на конец широкой доски и приподымали ее над бортом. Раздавался ружейный салют, и погребаемый соскальзывал в воду.

Когда обряд окончился, Лазарев произнес речь. Указав на заслуги перед родиной погибших моряков и на большое значение Наваринской победы, он гневно обрушился на общего врага. «Турки за свое варварство, бесчеловечие и чванство получили по заслугам, — сказал Лазарев. — Но с ними далеко еще не покончено, и немало хлопот предвидится впереди. И наш долг, долг всего культурного человечества окончательно и навсегда раздавить турецких извергов».

Через несколько месяцев ремонт на Мальте был закончен. Теперь «Азов» превратился в прежнего красавца. Состоялась торжественная

церемония вручения кораблю кормового георгиевского флага и вымпела. Эти отличия присуждались за исключительный боевой подвиг, самоотвержение и храбрость, и этой воинской почести не удостаивался еще ни один корабль^[44]. Но и обязывало это отличие ко многому. Моряки должны были защищать свой корабль «до последней минуты жизни», «до последней капли крови» и ни при каких обстоятельствах не сдавать флаг неприятелю.

На «Азове» хотели возможно торжественнее обставить церемонию вручения флага. Сверх ожидания день 23 марта 1828 года, назначенный для церемонии, вылился в чествование мальтийцами русских моряков, о подвигах которых в Наваринском бою они достаточно наслышались.

Уже с утра памятного дня на спокойном обычно рейде Ла-Валетты царило большое оживление. По зеркальной водной глади скользили гребные суда различных наций. Они спешили на празднично разукрашенный «Азов», чтобы принять участие в церемонии вручения кораблю-герою редкого отличия. У трапа гостей встречал Лазарев. Когда к трапу подошла шлюпка с губернатором Мальты, с «Азова» грянул салют.

Мы не станем описывать подробностей праздника на «Азове», приведем лишь выдержку из дневника очевидца этого события. «Никогда не забуду я этой сцены, — пишет он. — Укрепления, вершины домов и куполы церквей в Валетте были усеяны зрителями в праздничном платье. Вдруг реи всех судов российской эскадры покрылись людьми. Георгиевский флаг начал извивать складки шелковой ткани своей над кормою «Азова». Пятьсот пушечных выстрелов раздирали воздух громом великолепного салюта, корпуса кораблей и вскорости самые реи потонули в облаках белого дыма: люди, бывшие на реях, казались висящими в облаках. Тысячи раз эхо повторяло раскаты пушечного грома. Батареи Мальты вместе с пушками английских военных судов заплатили, в свою очередь, долг почтения. Весь народ был в высшей степени восторга; махание платками, радостные крики тысяч придали еще более торжества этому празднеству... Если ко всему этому добавить «победную музыку» судовых оркестров, мы полностью восстановим картину общего веселья и подъема, которые царили в памятный день 23 марта 1828 года на рейде Ла-Валетты».

Таковы взволнованные строки неизвестного автора, написанные под живым впечатлением всего виденного. Таково было настроение, охватившее не только жителей острова, но и самые широкие круги Западной Европы после Наваринской победы.

Тысячи, миллионы людей восприняли победу на Балканах как призыв к справедливости и гуманному отношению к людям вообще. Они отдали

свои симпатии борющимся за свою национальную независимость грекам и их освободителям, и все были убеждены, что русские доведут дело до конца. Праздник на Мальте явился удобным моментом, чтобы выразить русским морякам, и прежде всего награжденному чином контр-адмирала Лазареву, свои симпатии.

Наваринское сражение стало важным шагом к окончательному освобождению Греции от турецкого ига. Имя адмирала Лазарева после Наварина приобрело мировую славу, правительства Англии и Франции наградили его высшими орденами. Адмирал Кодрингтон назвал Лазарева крупнейшим моряком эпохи. Сама же битва в зарубежной печати расценивалась как одна из наиболее ожесточенных в мировой истории, и исход ее определялся как торжество русского военно-морского искусства.

Греки считали, что наступил поворотный этап в их истории. День победы при Наварине совпал с днем победы их далеких предков при Саламине над персами в 480 году до нашей эры. Суеверные греки видели в этом совпадении дат счастливое для своей судьбы предзнаменование.

Но увы! Восторги недолго продолжались. Вскоре союзные державы выявили свое подлинное лицо. В Вене, например, о битве отзывались как о коварном избиении ни в чем не повинных турок. Английский король Георг IV в тронной речи в январе 1828 года назвал Наваринский бой «несовременным и злополучным событием»^[45]. В русских правительственных кругах тоже нашлись люди, осуждавшие блестящую победу под Наварином. В Петербурге славный день победы ничем не был отмечен: ни, как обычно, пушечным салютом с верков Петропавловской крепости, ни молебствиями, ни торжественными приемами. Напуганный разгромом турецкого флота без объявления султану войны, Николай I называл теперь, следуя зарубежным образцам, Наваринскую победу «печальной случайностью», а сдавшийся в плен русскому командованию фрегат он приказал вернуть туркам обратно.

Но когда в европейской печати наперекор официозу о наваринском деле заговорили как о крупнейшем на памяти морской истории событии, Николай щедрой рукой стал раздавать ордена и награды участникам боя, своим и иностранным. Гейден получил чин вице-адмирала, Лазарев — контр-адмирала, Нахимов — капитан-лейтенанта и орден Георгия четвертой степени; разные отличия получили и другие участники боя.

Дипломаты трех союзных держав не думали, что мирная демонстрация в Наваринской бухте может привести к кровопролитнейшему сражению. В этом-то именно смысле и можно говорить о «случайности» самого события. Порох, как мы уже заметили, воспламенился сам собой.

Не углубляясь в анализ далеко еще полностью не изученного Наваринского сражения, вряд ли мы ошибемся, если скажем, что турецкое командование расстрелом английского парламентаря само подготовило свою гибель. Искра была брошена в пороховой погреб противника, произошел взрыв, и сражение сразу же приняло ожесточенный характер. Тут уж были забыты хитроумные соображения дипломатов о европейском равновесии.

Легендарный Наваринский бой не фаз вдохновлял художников-маринистов. Из многих картин, посвященных этой теме, наилучшими, бесспорно, являются работы И. К. Айвазовского. Айвазовский был близок с Михаилом Петровичем Лазаревым, неоднократно беседовал с ним о подробностях боя.

Айвазовский написал «Наваринский бой» в двух вариантах. Лучший из них хранится в Феодосийской картинной галерее Айвазовского. Вот что говорит об этой картине знаток творчества великого художника Н. С. Барсамов: «В центр композиции картины «Наваринский бой» Айвазовский поставил эпизод боя «Азова» с головным турецким кораблем. Самим построением композиции, умелым показом наступательного порыва корабля «Азов» и обреченности турецкого корабля он не оставляет никаких сомнений в исходе боя».

Наваринская победа вскрыла перед всем миром политическую несостоятельность Османской империи.

Но Турция не собиралась складывать оружия; справедливо считая Россию главной виновницей поражения в Наваринском бою, турецкое правительство объявило ее своим «исконным врагом» и расторгло все заключенные с Россией договоры. Заявление это было сделано в оскорбительном для России тоне. Действуя так, турецкие власти понимали, что незаинтересованные в усилении России европейские державы не поддержат ее.

Вызов был брошен. Россия ответила 14 апреля 1828 года объявлением Турции войны. Военные действия начались одновременно и на суше и на море.

Чтобы турецкие суда не проникли в Черное море, необходимо было установить блокаду Босфора. Русские моряки должны были также оказывать всякую помощь сухопутным войскам, захватывая и уничтожая турецкие корабли, подвозившие подкрепления. Эскадре адмиралов Гейдена и Лазарева, базировавшейся на острове Мальта, поручалось установить блокаду Дарданелл со стороны Эгейского моря.

На Мальте были теперь сосредоточены крупные русские морские

силы. В начале 1828 года на помощь средиземноморской эскадре были отправлены из Кронштадта четыре брига, а через несколько месяцев сюда прибыла большая эскадра под начальством контр-адмирала Рикорда, в составе четырех линейных кораблей, четырех фрегатов и трех бригов. Все это были прекрасные корабли с отборным личным составом. Скопление стольких русских кораблей в одном месте встревожило английских политиков.

Обстановка в Средиземном море становилась крайне напряженной, и со стороны Англии можно было ожидать всяких враждебных действий. Обострять отношения с кем бы то ни было русские моряки избегали, к тому же Мальта сравнительно далеко от турецких проливов. И Гейден, посоветовавшись с Лазаревым, решил перебазироваться на расположенный в Эгейском море греческий остров Порос. Еще со времен славных экспедиций (адмиралы Орлов, Спиридов, Ушаков и Сенявин) на Поросе, и бухте Ауза, имелась русская военно-морская база с рядом построек, куда теперь и направлялась эскадра Гейдена — Лазарева.

По пути с Мальты на Порос русским кораблям посчастливилось захватить в Средиземном море чудесной постройки египетский корвет «Наварин». По совету Лазарева командиром корвета был назначен Нахимов.

Корабли эскадры Гейдена — Лазарева совершенно отрезали со стороны Дарданелл путь туркам на Константинополь. Столица оказалась лишенной подвоза продовольствия. В порту Смирна к февралю 1829 года скопилось свыше 150 судов с хлебом, которого турки так и не получили.

Успешные действия на Эгейском и Черном морях и у проливов, победы русских сухопутных войск, знаменитый переход Дибича через Балканы и занятие им второй столицы Турции — Адрианополя, бедственное положение Константинополя, к которому уже приближались русские войска, заставили турецкое правительство просить мира. Тем более что в Петербурге уже обсуждался вопрос о разделе Турции и прекращении ее самостоятельного существования.

2 сентября 1829 года в Адрианополе был подписан мирный договор, выгодный для России. Через Дарданеллы в Босфор был открыт свободный проход для торговых кораблей всех наций. Греция стала независимым государством.

Средиземноморская кампания была закончена, блокада Дарданелл снята. 14 марта 1830 года Лазарев во главе эскадры из 9 кораблей, действовавших на Средиземном море, получил приказание к 1 мая быть в

Кронштадте. Путь от Мальты до Кронштадта занял 59 дней; он был тяжел и рискован. Пройдя Дагерорт^[46], корабли встретили мощные скопления льдов. Странное и непривычное то было зрелище! Большая боевая эскадра деревянных кораблей прокладывала себе путь среди смерзшихся глыб льда, доступных лишь современному ледоколу! Но Лазарев живо представил себе Антарктику, где он на шлюпе «Мирный» выходил победителем из более опасных положений. Искусно пробиваясь среди льдов и ведя за собой другие корабли, он и здесь оказался победителем.

Сохранилось любопытное письмо Лазарева к А. А. Шестакову, в котором рассказываются истинные причины, заставившие Михаила Петровича предпринять такой рискованный ледовый поход. Он действовал «во исполнение полученного повеления прибыть в Кронштадт к 1 мая непременно, и через то принужден был подвергнуть эскадру чрезвычайной опасности во льдах... Последствием сего было то, что каждый из кораблей потерял около 200 листов меди, а некоторые повредили и настоящую обшивку», — так сообщал он Шестакову.

12 мая эскадра прибыла в Кронштадт.

Глава VI

Севастополь и Босфор



Годы 1830 и 1831 Лазарев проводил в Кронштадте. Положение его было неопределенное. По-видимому, ему готовили более ответственное назначение, а пока он состоял флагманом практической эскадры, плавал с десантными войсками в Финляндию, крейсировал в Ботническом заливе.

Много времени Лазарев посвящал и береговой службе. Председательствовал в комиссии по исправлению штатов и вооружению военных судов, участвовал в работах комитета по улучшению флота.

Он внес много полезных предложений по кораблестроению и вооружению судов. Большинство из них было принято и внедрено в практику.

Если не считать двух событий, глубоко огорчивших Лазарева, его жизнь в эти годы протекала необычно тихо и монотонно. Даже слишком тихо для него...

Во время зимнего плавания по Ботническому заливу у Аландских островов погибла входившая в состав его отряда шхуна «Стрела» со всем экипажем. Это, по словам Лазарева, «весьма необыкновенное и несчастное происшествие произошло в глухую полночь, в сильный шторм. И что особенно странно: шхуна погибла бесследно. Ни одного трупа не выбросили волны на окрестные берега, не было обнаружено и предметов,

всплывших с корабля».

Второй случай совсем иного порядка приключился с самим Лазаревым. В июле под Красной Горкой столкнулись два корабля — «Азов» и «Великий князь Михаил». «Азовом» командовал капитан первого ранга С. П. Хрущев, но главную ответственность за флагманский корабль как командир эскадры нес Лазарев; «Михаилом» командовал капитан первого ранга Игнатъев. Случай сам по себе не значительный, но по морским традициям того времени каждое столкновение боевых судов да еще в тихую погоду, в хорошо изученных водах считалось проступком тяжелым и требовало судебного расследования. Об этом случае можно было бы и не упоминать, но он очень характерен. Из него мы видим, как «искренне любили» высшие морские чины Лазарева.

По словам Лазарева, капитан Игнатъев «в глазах всего флота был виноват кругом». Но в глазах судебной коллегии виноватым оказался он, Лазарев, а не Игнатъев. Герой Наварина получил строгий выговор и лишь «по уважению его особых заслуг» был освобожден от наказания. «Вот как, брат, делается! — замечает Лазарев в письме к Шестакову. — Вот какой народ судит морские дела наши, сами сидя спокойно в теплых комнатах по 20 или 30 лет сряду. Меня же теперь все бранят. Как ты думаешь за что? За то, что Игнатъев произведен в контр-адмиралы^[47]. Ну, да ничего, вперед буду умнее».

Далее Лазарев объясняет Шестакову всю подоплеку этого безобразного дела. Оказывается, ему мстили, мстили за то, что на недавних маневрах «Азов» оказался лучшим кораблем. «Когда весь флот делал маневры при государе, — пишет Лазарев, — то все обращено было на «Азов», чтоб из зависти найти какие-нибудь погрешности в действиях его, но ни разу не удавалось, а напротив того, более 10 раз было объявлено одному «Азову» высочайшее благоволение за необыкновенную быстроту в движениях и действии парусами, и после всего «Азов», наконец, был унижен в глазах государя против «Михаила», которому беспрестанно делали замечания и который управлялся, можно сказать, хуже всех кораблей».

Не раз всякого рода недоброжелатели становились Лазареву на пути. В письмах к своему другу А. А. Шестакову Михаил Петрович изливал свою досаду. Вот что он писал в августе 1830 года: «Эгоизм у иных столь сильно действует, что никакое предложение, если только не — ими самими выдуманно, не приемлется, сколь бы, впрочем, полезно оно ни было, и потому, заметив, что делаемые иногда предложения принимают как будто нехотя и притом не уважаются, то я думаю себе: черт бы их взял,

налупиться на неприятности не для чего и лучше, как кажется, придерживаться пословицы: «Всяк Еремей про себя разумей», или по крайней мере до случая».

«До случая», то есть до подходящего момента, когда снова можно будет выдвинуть предложение.

В феврале 1832 года Лазарева назначают начальником штаба Черноморского флота. Необходимо было сменить главного командира Черноморского флота, стареющего и ставшего не пригодным для дел адмирала Грейга. Но сменить старика сразу и назначить на его место Лазарева было «неудобно». Вот и назначили Михаила Петровича «пока» начальником штаба.

В том же 1832 году вспыхнула война между Турцией и ее вассалом Египтом.

Турецкий султан обещал своему египетскому наместнику за участие в Наваринской битве независимо от ее результатов Сирию, но обещания не исполнил. Воинственный сын египетского паши Мехмет-Али выступил против Турции и наголову разгромил турецкую армию. Ни денег, ни вооружения, ни времени, чтобы собрать новое войско, у султана не было. Положение создалось настолько отчаянное, что казалось, еще один удар, и Турецкая империя, рассыпавшись в прах, навеки прекратит свое существование. Но и на этот раз «больной человек», как называл Николай I Турцию, был спасен. И кем же? Самим Николаем, к которому султан обратился за помощью! Разумеется, Николай I был далек от симпатий к своему «исконному врагу». Его заступничество было вызвано больше всего опасением общеевропейской войны, неминуемо возникшей бы при дележе Турции. А Россия к такой войне была не подготовлена. С другой стороны, помогая Турции, Николай рассчитывал извлечь определенные выгоды. Когда английский посол спросил султана, как он решился принять помощь от Николая, тот ответил: «Когда человек тонет и видит перед собой змею, то он даже за нее рад ухватиться, лишь бы не утонуть».

Помощь России заключалась прежде всего в посылке сильной эскадры в Константинополь для защиты проливов, о которых Николай никогда не забывал. Не забывали о них и в других странах. Проливы, можно сказать, были в то время движущей, пружиной внешней политики не только России, но и многих стран Западной Европы.

Борьба за проливы, за свободный выход из Черного моря на мировые просторы, диктовалась всем историческим прошлым России, ее географическим положением, ее дальнейшим культурным прогрессом. Недаром Маркс и Энгельс считали стремление овладеть Константинополем

и проливами основанием «традиционной политики России»^[48]. «Из двух основных целей, которые ставила перед собой дипломатия Николая I, одна, а именно борьба с революционным движением (в Европе, казалась в конце 20-х годов более или менее достигнутой. Поэтому стало возможным выдвинуть и другую капитальную задачу русской дипломатии: борьбу за овладение проливами — «ключами от своего собственного дома», — говорится в «Истории дипломатии».

Сформировать эскадру в помощь турецкому султану и командовать ею поручалось начальнику штаба Черноморского флота контр-адмиралу Лазареву. Казалось, что он успешнее других справится с нелегкой задачей.

И подлинно, экспедиция в Константинополь — новая яркая страница, вписанная в биографию Лазарева. Уже не раз он проявлял себя как замечательный флотоводец и организатор. В конфликте, возникшем теперь между султаном Махмудом II и пашой Мехмет-Али, Лазарев обратил на себя внимание как крупный государственный деятель и ловкий, смелый дипломат.

Помимо защиты проливов, Лазареву поручалась также «...защита Константинополя от покушения египетских войск, преграждение им перехода на европейский берег и вообще вспомоществование турецкому правительству»^[49].

Затруднения начались сразу же после назначения Лазарева командующим флотом. «Голова идет кругом! — писал он Шестакову. — В командах большая часть рекруты, из коих 6000 поступило в нынешнем году... Придется учить тогда, когда надобно действовать...»

Не покладая рук готовил Лазарев к походу людей и эскадру. В состав ее входили четыре линейных корабля, три фрегата, корвет и бриг. Но боеспособность кораблей значилась лишь на бумаге. В число считавшихся боевыми входили корабли с прогнившим днищем; они не способны были не только к бою, но и к выходу в свежую погоду в море. Не чувствовалось хозяйского глаза и в снабжении флота всем необходимым.

Лазареву приходилось одновременно приводить корабли в боевую готовность и обучать матросов. Он писал приказ за приказом, составлял руководства и инструкции, ввел в действие «правила приготовления корабля к бою».

Сталкиваясь на каждом шагу с распущенностью и безразличным отношением к делу, Лазарев все же восстанавливал флот. Он сумел заразить волею к труду лучших из офицеров; в них он встретил деятельных помощников. Таковым оказался и начальник Севастопольского порта,

капитан второго ранга Рогуля. Он не скрыл от Лазарева, что обер-интендант Черноморского флота контр-адмирал Критский крайне не расположен к нему и всячески старается ему мешать, особенно когда заявки требуют дополнительных сумм. Более того, противодействуя распоряжениям Лазарева, Критский всячески стремится опорочить его в глазах главного командира адмирала Грейга.

Лазарев был глубоко возмущен всем, что услышал, и решил немедленно объясниться с Грейгом.

Представитель морской фамилии Грейгов, принявший русское гражданство еще при Екатерине II, главный командир Черноморского флота адмирал Алексей Самуилович Грейг в зрелые годы был отличным моряком. Ближайший помощник адмирала Сенявина, он зарекомендовал себя в целом ряде морских сражений как выдающийся боевой командир. Но с годами его энергия и трудоспособность стали иссякать, рассудок и воля слабеть, и он, по выражению Лазарева, впал в состояние человека, которому «все надоело». Престарелому адмиралу нужно было подать в отставку и перейти на пенсию, благо он часто ссылался на болезни, и, уж конечно, отказаться от командования флотом. Но, поддерживаемый своими клеветами, Грейг продолжал влачить пассивное, полубогадельное существование, чем и не преминули воспользоваться хищники, свившие себе гнезда вокруг престарелого адмирала. Компанию казнокрадов возглавляла жена Грейга Юлия Михайловна, значительно уступавшая ему годами, — «прелестная Юлия», как называли ее офицеры.

Помимо Критского, Юлия обрела верных для себя помощников среди интендантов, поставщиков материалов для флота, купцов.

Не добившись толка от Грейга, Лазарев отослал письмо адмиралу Меншикову, начальнику Главного морского штаба, в Петербург. В письме он привел множество примеров открытого противодействия его начинаниям со стороны обер-интенданта Критского. Заканчивалось письмо так: «Я признаюсь вашей светлости, что нахожусь здесь в весьма затруднительном положении, тем более что все отзывы на представления мои к главному командиру наполнены только одними оправданиями обер-интенданта, и хотя дается мне знать, что ему то и другое предписано, но все остается по-старому и ничего не делается».

Но ответа не последовало.

Вероятно, решив, что он недостаточно полно и откровенно высказался в первом письме, Лазарев шлет Меншикову второе.

В письме он сообщает, что Критский положил в Одесский банк украденные им сто тысяч рублей, после чего хотел подать в отставку.

«А хорошо бы, — так заканчивает Лазарев письмо, — если бы государю вздумалось прислать сюда генерала Горголи или равного ему в способностях... многие бы тайны сделались тогда известными!»

Приведенный документ представляет значительный исторический интерес. В нем не слухи, не сплетни, а бесспорные свидетельства самого Лазарева, призванного восстановить загрязненный разной нечистью флот.

Но Меншиков опять не ответил.

Спустя два месяца Лазарев снова обратился к Меншикову, он писал ему: «...Обер-интендант за явное сопротивление видам и намерениям государя императора подлежал бы самому строгому взысканию; но вышло иначе, и я не знаю, когда наступит то счастливое для Черноморского флота время, что мы избавимся от столь вредного для службы человека, каков во всех отношениях есть господин Критский».

В письме к Шестакову у Лазарева вырывается такое замечание о Критском: «Вот язва в Черноморском нашем флоте, и ежели гр. Орлов^[50] его не столкнет, тогда я не знаю, что и делать! Про все мерзости его рассказывать тебе долго, да и не для чего, после узнаешь. Странная, однако ж, моя участь: чем больше хлопот и желания довести нашу часть до совершенства, тем более встречаю злонамеренных людей, тому препятствующих, и когда это кончится?»

В конце концов в августе 1833 года Грейг был снят с поста главного командира Черноморского флота, и на его место назначен Лазарев. Впрочем, и члены «совета», как называл Лазарев казнокрадов, почувствовав готовящиеся перемены, попритихли. Лазарев, которого они боялись как огня, одним своим присутствием останавливал их от многих преступных дел. «Осиное гнездо» распалось.

Как ни мешали Лазареву, как ни отвлекали его от работы, он со всей энергией готовил эскадру к походу.

В начале февраля 1833 года русский посланник в Константинополе А. П. Бутенев, сменивший генерала Орлова, потребовал, чтобы Лазарев немедленно шел на помощь. Разбив турок в ряде сражений, египетские войска приближались к турецкой столице. В это время девять кораблей Черноморского флота находились уже на пути в Константинополь. Свой адмиральский флаг Лазарев поднял на восьмидесятичетырехпушечном линейном корабле «Память Евстафия». Это был отлично отремонтированный, большой корабль с командой в 835 человек.

Наконец-то Лазарев очутился на свободе, в своей сфере, не связанный присутственными местами с их чиновной братией. Он не любил

канцелярской работы, и если принял береговую должность, то лишь по необходимости. Он чувствовал себя «дома» только в море. Теперь в походе Лазарев словно обновился душой и повеселел. Он полной грудью вдыхал пьянящий аромат морской стихии и чувствовал, как успокаиваются и крепнут его нервы.

Недалек путь от Севастополя до Босфора. Но Черное море, особенно бурное в зимнее время, способно на всякие каверзы. Почти восемь суток штормовой зюйд-вест гнал корабли обратно. Но, стойко выдерживая сильные удары крутых волн и большую качку, они все же шли вперед.

На рассвете 8 февраля показался берег. Корабли подходили к Босфору.

Решено было остановиться у входа в пролив, чтобы передохнуть после шторма.

Ветер меж тем приутих. Лазарев приказал лечь в дрейф и пропустить вперед корабли эскадры.

На фоне утреннего светло-бирюзового неба все отчетливее вырисовывались отлогие турецкие берега. Постепенно выплывали из туманной дымки береговые постройки с плоскими крышами, кое-где устремлялись ввысь стрелки минаретов, скрывавшихся в густых рощах зелени. У входа в пролив стояло много кораблей и фелюг.

Когда подошли к крепостным сооружениям, Лазарев приказал отдать якоря. Вскоре на «Евстафий» прибыли турецкие чиновники с переводчиком. Они передали Лазареву распоряжение султана не входить в Босфор до особого распоряжения. Лазарев сразу почувствовал, что дело неладно. Пока эскадра находилась в пути, произошли какие-то перемены в дипломатическом мире, и в срочной помощи русских турки более не нуждаются. По-видимому, кто-то предложил турецкому правительству более выгодные для них «условия спасения».

Лазарев принял смелое решение: бить турок их же собственной картой и одновременно извлечь наибольшие выгоды для России. К тому же требования турок он считал поступком крайне бесцеремонным, позорящим честь русского флага. Без всяких колебаний Лазарев отвечал посланцам:

— Передайте блистательному султану, что я не принимаю его требований и буду действовать по собственному усмотрению.

Лазарев решил войти в Босфор и стать в Буюк-дере, где располагались резиденции английского и французского посольств.

И вот девять кораблей лазаревской эскадры, вытянувшись в живописную линию, преодолевают прозрачные воды Босфора. По временам берега подступают настолько близко, что ясно видны фигурки людей, иные стоят группами и приветственно машут руками. «Знак добрый! Полагаю,

все пойдет исправно», — говорит Лазарев и, взяв трубку, пристально рассматривает берег.

В рапорте Меншикову о прибытии эскадры в Босфор он сообщает: «Южные ветры были причиною, что эскадра приблизилась к устью Босфора не ранее 8-го числа сего месяца, тогда командиры двух из крепостей прислали чиновников просить меня, чтоб эскадра в пролив не входила до получения разрешения на то султана, но я не мог с достоверностью положиться на слова сих чиновников... а потому, отвергнув их требования, я вошел с эскадрой в пролив и остановился в Буюк-дере».

Обращает внимание выражение Лазарева. «.. не мог с достоверностью положиться на слова сих чиновников», то есть официальных лиц, посланных султаном. В оправдание ли своих действий так хитро выразился Лазарев или действительно посланцы султана не внушали ему доверия — теперь трудно судить. Достаточно сказать, что вход русских кораблей в Босфор явился прологом к дальнейшему развитию важных политических событий, из которых Лазарев вышел победителем.

Решительный шаг Лазарева, как и надо было думать, вызвал длительную политическую возню со всеми ее атрибутами. Каждой из заинтересованных сторон (Турция, Египет, Англия и Франция) хотелось за счет конкурентов урвать себе возможно больше, ослабив при этом остальных.

Лазарев быстро разобрался в основных мелодиях этого весьма нестройно звучащего квартета и стал действовать.

Когда эскадра пришла в Буюк-дере, за прологом немедленно последовал первый акт трагикомедии. Не успел «Евстафий» отдать якорь, как на корабль снова пожаловали встревоженные представители султана Приветствуя Лазарева низкими подобострастными поклонами, они заявили, что волею аллаха обстоятельства изменились и присутствие русской эскадры в Босфоре отныне не является необходимым. Лазареву предлагалось немедленно покинуть Босфор и удалиться в Сизополь^[51], где и ожидать прибытия султана. Только он один вправе разрешить русским вторично войти в пролив, многозначительно добавил турок.

— Все это мы уже слышали, — спокойно отвечал Лазарев — А вот вы лучше объясните мне, какие такие произошли события в столь короткий срок, пока мы спешили к вам на помощь?

Турок, по-видимому, не хотел раскрывать своих карт. Но Лазарев был настойчив, и посланцу пришлось сообщить, что султан и его противник Мехмет-Али ведут сейчас мирные переговоры, развивающиеся успешно.

Если египтяне узнают, что в Босфор вошла русская эскадра под начальством адмирала Лазарева, Мехмет-Али может этот приход истолковать как угрозу и возобновить военные действия.

— Но ведь русская эскадра могла прийти и с совершенно другими целями, — заметил Лазарев. — Разве можно, например, запретить русским приветствовать султана по случаю начала мирных переговоров, сулящих столь желательный для всех мир?

Лазарев прекрасно понимал, что его обманывают и что никакие переговоры не могли начаться за такой короткий срок. Под предлогом противных ветров, бушующих на Черном море, он категорически отказался покинуть Босфор.

Сущность же сложной и противоречивой политической ситуации заключалась в следующем. Появление эскадры Лазарева в Босфоре настолько ошеломило и встревожило послов Англии и Франции, что они потребовали от султана незамедлительного удаления русских кораблей; в противном случае они угрожали оказать содействие и поддержку Египту. Не отличавшийся ни умом, ни волей, султан совсем растерялся. К тому же среди его помощников и советчиков также не было единства. Одни придерживались русской Ориентации, другие были сторонниками англичан и французов.

Начался торг. Никто никому не доверял. Чтобы иметь гарантию, что он не будет обманут, султан потребовал от французского посла Руссена письменное обещание, что Франция поддержит Турцию. Такое обещание Руссен дал. Почувствовав почву под ногами, султан и стал требовать от Лазарева увода эскадры из Босфора.

Его требования, все время подогреваемые английскими и французскими дипломатами, были настолько настойчивы, что им поддались русский посланник в Константинополе Бутенев и командующий десантными войсками в Турции генерал-лейтенант Муравьев. Они всячески уговаривали Лазарева вывести эскадру из проливов. Говорили о возможных крупных международных осложнениях, всеобщем походе против России, гнев Николая I, взявшего Турцию под свою защиту.

Лазарев оставался тверд и непреклонен. Полушутя, полусерьезно он говорил, что если бы и захотел вывести теперь эскадру, то не смог бы этого сделать, потому что не способен действовать во вред интересам своей родины. «Если б мне суждено было уйти в отставку или угодить под суд, то и в таком случае решение мое осталось бы неизменным», — признавался он впоследствии.

Ему было совершенно очевидно, что дело заключается вовсе не в

египетском владыке Мехмет-Али, а в паническом страхе союзников перед Россией, перед все растущим влиянием ее в Турции и на Балканах, в возможности захвата ею ключей от Черного моря. К тому же Лазарев убедился, что воля султана не свободна, а скована, что действует он несамостоятельно. Вот потому-то Лазарев и решил ни в коем случае не выводить эскадру из Босфора.

Вскоре султан убедился, что обманут представителями государств, настойчиво требовавших удаления из Босфора русской эскадры. Ему доставили перехваченное письмо посла Руссена, из которого он узнал, что французское правительство желает его свалить и посадить на его место Мехмет-Али.

Он снова обращается к Лазареву, но уже с другой просьбой: *не выводить* русской эскадры из Босфора и быть его союзником.

На это Лазарев ответил, что он никогда и не собирался покидать Босфор, а, напротив, просил свое правительство увеличить русские морские силы в Турции, отправить в Босфор новые эскадры. И в самом деле, 24 марта в Константинополь пришла вторая русская эскадра контр-адмирала Кумани, а вскоре и третья под командованием контр-адмирала Стожевского. В состав эскадр вошли также и десантные части. Таким образом, в Босфоре под общим командованием старшего флагмана вице-адмирала М. П. Лазарева собралась эскадра из 26 вымпелов. То были: 10 линейных кораблей (вооружение от 74 до 110 пушек), 5 фрегатов (от 30–39 пушек), 2 корвета (24 пушки), 1 бриг (20 пушек), 2 бомбардирских судна, 2 парохода и 4 транспорта. На линейных кораблях и фрегатах был размещен десантный отряд численностью в десять тысяч человек.

Некоторые наиболее мощные суда Черноморского флота во времена Лазарева были вооружены впервые в истории кораблестроения так называемыми бомбическими пушками крупного калибра; стрелявшие с небольшого расстояния разрывными снарядами, они представляли в те времена грозное оружие в борьбе с парусными деревянными судами. В знаменитом Синопском сражении эти пушки сыграли выдающуюся роль в разгроме турецко-египетского флота, вполне оправдав себя. На случай наступления египетских войск на Константинополь или возможного конфликта с англичанами и французами Лазарев подготовил две укрепленные позиции у входа в Босфор. Остальные войска заняли позиции вокруг Константинополя.

Такая огромная морская сила, сосредоточенная в одном месте, сразу оказала отрезвляющее действие на многих.

Мехмет-Али, убедившись, что ему при новых обстоятельствах

придется сражаться не только с турками, но и с русскими, поспешил согласиться на мирные переговоры.

26 июня 1833 года в местечке Ункиар-Искелесси был заключен знаменитый в истории дипломатии договор. «В Ункиар-Искелесси Николай I одержал новую дипломатическую победу, более замечательную, чем Адрианопольский мир, ибо победа эта была достигнута без войны, ловким маневрированием». Так говорится в «Истории дипломатии».

После Ункиарского договора Турция навсегда распрощалась с Сирией и провинцией Аданой. Эти территории перешли к египетскому паше. Турция была ослаблена, а египетско-сирийский сатрап стал отныне свободным властелином.

Во всех странах высоко поднялся престиж России. Россия и Турция обязывались отныне помогать друг другу в случае войны с третьей державой, а также в случае внутренних беспорядков в одной из договорившихся стран. В дополнительном секретном пункте султан обязался закрыть на будущее время Дарданеллы для всякой враждебной России державы. Босфор же предоставлялся в распоряжение России безотказно при всех условиях. Таким образом, ключи от Черного моря очутились, наконец, в руках России. Теперь уже Россия решала вопрос: открыть или закрыть Дарданеллы для флотов иностранных держав.

Русско-турецкий договор был встречен европейскими дипломатами с нескрываемым недовольством и тревогой, а кое-где вызвал и насмешки. Говорили, что от страха султан потерял сразу три вещи: рассудок, честь и совесть. Австрийский канцлер Меттерних, ознакомившись с договором, рассмеялся и презрительно назвал султана «именитым сторожем Дарданелл на службе у русского царя».

Но вот полоса раздражения и насмешек сменилась трезвым размышлением. Как быть, как рассматривать все совершившееся? Всего более была озадачена Англия Россия становилась теперь неприступна для нападения со стороны проливов. И англичанам, а вслед за ними и французам не оставалось ничего другого, как выразить обеим сторонам протест и вывести свои корабли из проливов. Отношения между Россией и Англией резко ухудшились.

Мы не говорим, насколько прочен и продолжителен был Ункиар-Искелессийский договор. Все последующее развитие событий зависело от обстоятельств и лиц, не подвластных Лазареву. Но факт остается фактом. Лазарев сумел, не применяя оружия, намного поднять престиж своей родины и добиться для нее таких преимуществ в вопросе о проливах, каких не знали никогда другие державы.

В то время когда потерпевшие серьезное дипломатическое поражение англичане обдумывали, как освободить проливы от русских, турецкий султан предавался ликованию без границ и меры.

Особенной симпатией воспылил султан к Лазареву, он говорил ему, что полюбил его как родного брата Лазареву был пожалован высший орден Луны и огромная, усыпанная крупными бриллиантами медаль, наиболее крупный из которых был оценен в 12 тысяч рублей.

Не падкий на ордена, звезды и прочие знаки отличия, Лазарев в письме к А. А. Шестакову писал: «Не дураки ли турки, выбили медали, в которых весу по 40 червонцев! Да нам от этого не хуже, неравно понадобятся деньги, то и побоку».

Вслед за султаном и первые сановники Турции также стали оказывать Лазареву всяческое внимание. В честь русского адмирала устраивались пышные обеды со всей восточной роскошью, с музыкой и пляшущими одалисками. На обеде, данном Тахир-пашой, было подано, по словам Лазарева, 112 блюд прекрасной, смешанной турецко-французской кухни. «Тахир-паша, — замечает Лазарев, — старый мой наваринский знакомый. Он имел флаг свой на двухдечном фрегате и разбит был с «Азова» в числе некоторых других». Самый изысканный обед ожидал Лазарева на трехдечном корабле «Махмуд». «Стол убран был французскою бронзою, фарфором и цветами, накрыт на французский манер, и странно было видеть неловкое обращение турок с ножами и вилками! Пить же научились порядочно и шампанское тянут лучше наших», — писал Лазарев Шестакову.

В память заключения договора была изготовлена медаль. Султан наградил ею всех русских моряков: офицеры получили золотые медали, матросы — серебряные.

В письме к Шестакову у Лазарева вырывается замечательное признание. «Тебе не верится, — пишет он, — что иногда чужими руками жар загребают, то знай же теперь, что за скорое вооружение эскадры, отправившейся под начальством контр-адмирала Лазарева в столь суровое время года, командиру Севастопольского порта жалуется аренда по чину, сиречь 4000 рублей серебром на 12 лет, а кто при том был действующим лицом, сам знаешь».

Глава VII

Лазарев — главный командир Черноморского флота



На посту главного командира Черноморского флота^[52] мы застаем Лазарева в полном расцвете дарования и творческих сил. Семнадцать долгих лет отдал он восстановлению растленного и морально и материально флота.

Михаил Петрович всегда предпочитал морскую службу береговой. Но теперь он был необходим на берегу. И, понимая хорошо, какие на него возлагаются надежды, Лазарев смирился. По выражению современника, миссия его заключалась «в извлечении флота из настоящего мнимого его существования и приведения оногo в подлинное бытие».

Своим друзьям Лазарев писал: «Я попался в сети крайне для меня неприятные тем более, что береговая должность письменная, и 'черт знает еще что!»

Время не примирило Михаила Петровича с нелюбимой работой. Спустя шесть лет он писал А. А. Шестакову: «...Весьма часто случаются дни, в которые сижу за проклятыми бумагами по 12 и даже 14 часов, а это не безделица. Здоровье мое, хотя и каменное, но начинает изменяться от сидячей жизни». И еще позже снова жалоба Шестакову: «...Проклятые

бумаги не дают свободного времени. Лучшее время в жизни мы проводим за бумагами и делаем невольным образом много упущений».

И все же Лазарев не обратился в «пишущее творение», как презрительно называл он служителей канцелярий. Создать надежную защиту южных рубежей страны — могучий Черноморский флот — вот задача, которую он себе поставил.

Но не в кораблях и удобных для них базах заключалось труднейшее. «В величественные массы и затейливые механизмы нужно было вдунуть дыхание жизни, провести в них электрический ток, одарить и силой мысли, духом ревности. Предстояло создать людей...»^[53]. Создать людей, воспитанных в духе патриотизма и глубокого понимания воинского долга. Все же остальное, по мнению Лазарева, должно приложиться само собой.

Много, очень много пришлось Лазареву потрудиться. Препятствия возникали на каждом шагу. Разрешалось одно, тотчас же следовало другое, и так без конца!

Причин развала флота было не мало. Прежде всего в высших сферах Черноморский флот был не в фаворе и ни в ком особого энтузиазма не возбуждал. К концу царствования Александра флота на Черном море почти не существовало. Но при Николае I международные отношения властно потребовали его восстановления, создания портов и баз.

С назначением Лазарева главным командиром Черноморского флота не только для флота, но и для Севастополя наступила новая эпоха.

Нерадостно, и можно даже сказать враждебно, встретили многие моряки нового командира. Особенно трепетали старики. Моряки впервые разделились на две враждебные партии: грейговцев и лазаревцев.

Как это обычно бывает при крупных реформах на флоте, шла глубокая борьба между старым и новым. Вокруг реформа-торагадмирала все теснее сжимался круг его явных и тайных недоброжелателей. В людях старого поколения Лазарев не искал поддержки, они его не любили и избегали. «Тверд, несговорчив, высокомерен, груб, не терпит искателей (то есть желающих устроиться по протекции)», — говорили они про него. Вредить открыто не решались, но замалчивали везде, где только могли. Время управления им Черноморским флотом окрестили презрительно — «лазаревщиной».

Иное дело молодежь. Не напрасно Лазарев возлагал на нее свои главные чаяния и надежды! Он обладал поразительным чутьем и умением разбираться в людях, разыскивать среди них способных и талантливых помощников. Его отношение к молодежи всего лучше характеризуется ходившим тогда замечанием: «В Черноморском флоте мичманы назначают

командиров».

Слов нет, школа Лазарева была суровой школой, и работать с ним было нелегко. Необычайно настойчивый в достижении поставленной цели, Лазарев и от своих подчиненных требовал того же. Отсев людей, не удовлетворявших его требованиям, происходил довольно быстро, но зато те моряки, в которых он сумел пробудить живую искру, те же чувства и стремления, что жили и в нем, — а таких было большинство — становились подлинными лазаревцами. Вопрос о лазаревской школе, о методах, с помощью которых адмирал достигал столь больших и важных результатов, представляет не только исторический интерес, но заслуживает в настоящее время особенно серьезного изучения. Более всего на подчиненных Действовал его личный пример.

Адмирал был вездесущ и всеведущ, он ежедневно посещал военную гавань, где внимательно следил за ремонтом кораблей и судовыми работами, вникая во все детали. Ничто не ускользало от его взора. Как-то, неожиданно явившись на корабль, Лазарев заметил, что матросы неправильно перевязывают выбленки (тонкие просмоленные веревочки) на вантах. Не говоря ни слова, он проворно взобрался на ванты, принялся перевязывать выбленки, показывая матросам, как следует производить эту операцию. Велико было удивление командира корабля, когда он застал главу флота за этим занятием!

Лазарев был страстным любителем парусного спорта. Смолodu он предавался ему ради собственного удовольствия. Впоследствии, став командиром, он прививал морякам любовь к водному спорту, считая его лучшим средством для развития решительности, находчивости и привычки к морю. Лазарев внимательно следил за спортивной жизнью в России и за рубежом, интересовался всеми новостями.

Интересен следующий случай, весьма характерный для Лазарева. Летом 1848 года в Кронштадте должны были состояться на приз царя гонки лучших яхт императорского яхт-клуба. Лазареву хорошо было известно, что на Балтике отличные и яхты и гонщики. «Неужели лучше наших севастопольских? — спросил он себя. — А вот мы посмотрим, кто лучше?» И Лазарев решил балтийские гонки превратить, в соревнование двух крупнейших русских яхт-клубов.

Разрешение участвовать в гонках было получено, и Михаил Петрович откомандировал в Кронштадт лучшего спортсмена Черноморского флота, лейтенанта Ивана Семеновича Унковского. Дал ему и свою любимую яхту «Орианду», «Орианда», заметил Унковский, в этом соревновании являлась «представительницей лазаревской чести».

После долгих наставлений и советов Лазарева, как действовать на яхте во время гонок, как использовать каждую случайность, Унковский на небольшой «Орианде» отправился, наконец, в дальний путь вокруг Европы через океан и пять морей. Это путешествие заняло три с половиной месяца. Почти накануне гонок прибыл Унковский в Кронштадт.

Настал долгожданный день гонок. Погода, как на грех, самая неподходящая, почти безветренная. Вначале «Орианде» не везло, ее опережали более сильные конкуренты. Но неожиданно засвежело, шквалами набрасывался все крепчавший ветер. Как обычно, яхты стали уменьшать парусность. Но Унковский не испугался и рискнул. Приказав матросам лечь на дно яхты, он под всеми парусами, опережая соперников, стрелой неся к финишу и первый достиг его. Императорский приз остался за черноморцами, а победитель приобрел среди флотских спортсменов завидную репутацию.

Не легко далась ему кронштадтская победа! Обратный штормовой путь настолько затянулся, что Унковский добрался до Севастополя лишь в марте следующего года^[54].

Так воспитывал Лазарев своих питомцев, так добивался от них успехов и побед!

Иногда, впрочем, эти методы воспитания принимали довольно странные, можно даже сказать, курьезные формы. Вернувшись победителем из Кронштадта, Унковский надел парадную форму, радостный, явился на прием к главному командиру. Но вопреки ожиданиям произошло нечто непонятное. «Дядя Миша» встретил его сурово. Ответив легким кивком головы на приветствие и не предложив садиться, Лазарев с места в карьер сделал Унковскому выговор за то, что он не привез с собой присужденного ему приза и в бурную погоду потерял бушприт. «Чего не должно было произойти, — пояснил Лазарев, — при умелом управлении судном».

На этом аудиенция и закончилась. Глубоко огорченный таким приемом, Унковский отправился домой и долго был расстроен, не понимая, в чем дело.

А дело было в следующем. Михаил Петрович, вообще крайне скупой на похвалы, решил, что у его питомца от излишних похвал может закружиться голова и разовьется пагубное самомнение. Надо, следовательно, пока не поздно, питомца «водворить на место», не дать ему зазнаться.

Но упрекать сурового воспитателя в неблагодарности и самодурстве было бы несправедливо. «Образумив» Унковского, Лазарев через несколько

дней потребовал его к себе, беседовал с ним запросто, расспрашивал о всех подробностях похода, благодарил, а еще через некоторое время поздравил его с чипом капитан-лейтенанта.

Таковы были некоторые особенности воспитательной системы адмирала Лазарева, любившего «освежать» холодным душем слишком горячие головы. Он хорошо знал людей и в особенности моряков и на опыте не раз убеждался, как портятся люди от неумеренной переоценки их заслуг. «Человек истинно достойный, — говорил Лазарев, — никогда не должен тщеславиться своими успехами и победами».

Из спортивных состязаний родилась лазаревская идея о соревновании в работе, учениях и особенно в управлении судами. Каждый выход эскадры в море являлся как бы соревнованием кораблей на лучший вид и на наиболее искусно проделанную эволюцию. То же следует сказать и об артиллерийских учениях, выполнявшихся под общим руководством главного командира.

Лазарев придавал большое значение личной инициативе моряков-командиров. Он не жалел средств для постройки большого числа малых судов, пригодных для крейсерской службы. Командование этими судами поручалось молодым морякам. Начинаящий офицер, иногда мичман, очутившись в роли командира и чрезвычайно польщенный этим, из кожи лез, чтобы оправдать оказанное ему доверие. Расчет Лазарева оказывался безошибочным. Молодой моряк отдавался своему делу горячо и с воодушевлением, не как службист, тянущий ляжку, а как энтузиаст. Лазарев часто повторял, что офицер, ставший в молодых годах командиром, уже никогда не расстанется с морем, он посвятит ему всю свою жизнь и силы.

Лазарева нередко порицали за нарушения правил старшинства при назначении молодых офицеров на ответственные командные должности. И ему, ломавшему старые традиции, приходилось оправдываться, доказывая свою правоту. Так, представляя на должность командира нового крупного фрегата «Агатополь» способнейшего молодого офицера Путятин. Лазарев писал Меншикову: «Путятин командует корветом отлично, и «Ифигения» содержится в таком порядке, какого лучше требовать невозможно, фрегатов в подобном порядке у нас здесь нет, а потому, несмотря на молодость в чине, я решил представить его к командованию «Агатополем», который, я уверен, через несколько месяцев будет служить примером и соревнованием прочим командирам не только фрегатов, но и кораблей».

И Путятин, хорошо известный Лазареву по совместным кампаниям на «Крейсере» и «Азове», не подвел своего начальника. До конца своих дней Михаил Петрович поддерживал живую связь с этим выдающимся моряком.

Ежегодно флаг главного командира поднимался на одном из кораблей практической эскадры. Во время учений требовались математическая точность, спокойствие, выдержка, быстрота. Срок, потребный на каждое учение, исчислялся минутами и даже секундами. Такая пунктуальность не могла не содействовать развитию духа соревнования у всех моряков эскадры, начиная от командира и кончая матросом.

Ежедневно производились различные учения и при стоянке на рейде, а в праздничные дни на флагманском корабле поднимался сигнал: «Выслать судовые шлюпки для гонок». Мгновенно весь обширный севастопольский рейд оживлялся множеством шлюпок, баркасов и полубаркасов. Полным ходом неслись шлюпки к финишу. Каждая из них должна была пройти под кормой корабля главного командира. Лазарев стоял на юте со зрительной трубой в руках и наблюдал за всем, что происходило вокруг.

Но не только перед главным командиром старались отличиться моряки. Любовь и интерес к морскому делу далеко не были в то время в Севастополе достоянием только военных моряков. Вольными и невольными стараниями Лазарева любовь к морю и морской практике была привита в Севастополе всем жителям города, прекрасно знавшим всю морскую номенклатуру. Даже женщины оживленно толковали о галсах, шкотах, горденях и лиселях. Они были строгие судьи. Никому не хотелось ударить лицом в грязь перед знакомой дамой, которая завтра же подымет на смех неудачного гонщика, не вовремя отдавшего шкот.

По заведенному Лазаревым обычаю, после судового учения и состязаний на шлюпках, вечером, в кают-компани корабля шел тщательный разбор и оценка итогов дня.

Лазарев часто говорил, что «в такой службе, как морская, не существует мелочей, что самый незначительный недосмотр при случае может повести к потере корабля и гибели сотен товарищей-сослуживцев». При каждом замеченном на корабле даже малейшем беспорядке следовал строгий вопрос; «Кто на вахте?» Это был зловещий сигнал, имевший, однако, большое практическое значение. Он заставлял вахтенного начальника четко нести службу и внимательно наблюдать за всем, что происходит на корабле и вокруг него.

Лазарев был неистощим в придумывании различных средств воспитания моряков: по его просьбе Николай I разрешил посылать ежегодно четыре военных корабля в средиземноморские воды. Такие походы хорошо знакомили с постановкой морского дела в иностранных флотах. Также и иностранцы имели возможность оценить русскую морскую школу. Иностранцы поражались расторопностью русских

моряков, четкостью их работы при спуске и подъеме гребных судов, при уборке и постановке парусов, при эволюциях на шлюпках под парусами.

Школа Лазарева была замечательной — единственной в своем роде школой для командного состава флота. Она давала молодежи полную возможность с первого же года службы на корабле окунуться с головой в разностороннюю морскую практику. Тайна этой школы заключалась не в строгостях требовательного адмирала, не в запугиваниях, как наивно полагали многие, а в необыкновенно умелой, часто виртуозной игре на самолюбии и честолюбии, в безграничном развитии у молодежи чувства долга и патриотизма.

Лазарев неустанно повторял, что «всякое положение человека прежде всего возлагает на него обязанности» и что «с точным, безукоризненным при выполнении связана не только служебная, но и личная честь». Эти принципы во времена Лазарева составляли отличительную черту черноморских моряков. Лазарев воспитал много выдающихся моряков, таких, как Нахимов, Корнилов, Путятин, Истомин, Лесовский, Унковский, Шестаков, Бутаков, Попов. Позднее (последняя четверть прошлого века и начало текущего) лучшим представителем лазаревской школы и заветов Лазарева был адмирал С. О. Макаров. «По своим заслугам перед государством и на поприще географии, — говорит академик Л. С. Берг, — Лазарев может быть поставлен в ряд только с адмиралом Макаровым».

Все более энергичными темпами шло строительство кораблей и оборудование для них баз на Черном море.

Если в начале своей службы на Черном море Лазарев писал Шестакову, что из одиннадцати осмотренных им фрегатов «годных оказалось только шесть, а остальные гнилы как в корпусе, так и в рангоуте», что парус на корабле настолько был гнил и рвался, что через него «можно было брать высоту солнца!», то вскоре тон его писем меняется. Он пишет: «Отдельваю корабль «Варшава» и боюсь уйти в плавание, чтобы его не испортили. Корабль сей будет самый огромный, удобнейший по внутреннему расположению и лучший по отделке в Российском флоте, надеюсь также, что не уступит и никакому английскому. Пять дней тому назад спустил я здесь на воду прелестнейший корвет «Ифигению», в октябре надеюсь спустить 60-пушечный фрегат «Агатополь». Вскоре заложу две шхуны и пять тендеров, через месяц заложу, кроме «Силистрии», еще 84-пушечный корабль. Скажу, что рангоут, делавшийся до сего времени дурно и весьма непрочно, делается теперь лучшим и самым пропорциональным образом — гребные суда, никогда наборными здесь не строившиеся, могут теперь рядом стать со всякими

английскими, и гички такие, что не ударят в грязь и в Диле»^[55].

Лазарев сумел в короткий срок довести Черноморский флот до блестящего состояния. Это была грозная сила, встревожившая Европу. И что еще важнее, эта сила была тесно сплочена морально: офицеры и матросы были проникнуты единым взглядом на свой долг перед родиной. Авторитет Лазарева необычайно возрос, и всякое новое слово в области морской практики и судостроения в продолжение многих лет исходило из Севастополя.

Идеальный порядок и организация, железная дисциплина, введенные Лазаревым на флоте, щегольской вид кораблей новой конструкции, наконец, высокие боевые качества их — все это отличало отныне Черноморский флот, далеко оставивший за собой в этом отношении Балтийский. Прочные основы его жизненной силы были заложены *на все последующие времена*.

Цифры всего лучше покажут нам, каково было наследство, завещанное Лазаревым. К концу 1850 года Черноморский флот насчитывал до 212 вымпелов; среди них 16 линейных кораблей, 8 фрегатов, 13 военных париходов, 55 легких парусных судов, 33 гребных судна, 14 портовых париходов и 70 прочих подсобных судов. Два линейных корабля и одна шхуна находились в постройке.

Приведем отзыв тогдашнего председателя кораблестроительного комитета, инженер-полковника Воробьева: «Все корабли и другие суда Черноморского флота строятся по новейшим планам, утвержденным главным командиром. Красота наружного вида, скорость хода и прочие достоинства мореходных качеств новейших кораблей известны каждому морскому офицеру... Одним словом, флот Черноморский с 1834 года получил во всех частях совершенное преобразование и представляет доказательство великих попечений начальствующего им главного командира».

Черноморский флот становится все более популярным. Все чаще пишут о нем в газетах и журналах. Флоту посвящались стихи, хотя и незатейливые, но искренние.

Вот строчки из произведения неизвестного автора:

*И юный Лазарева флот,
Краса и честь Эвксинских вод^[56]
Его руками создан был,
России силы укрепил.*

Не особенно доверяя английским картам, Лазарев был озабочен изданием собственных русских карт. Он считал, что пользоваться чужими картами «не совсем благородно».

Лазарев задумал грандиозную гидрографическую работу: составить карты «от Таганрога до Гибралтара», а если позволит время, то и выйти в океан. К работе этой он привлек капитана второго ранга Е. П. Манганари.

В 1844 году был издан первый русский атлас Черного и Азовского морей. «...Утвердительно могу сказать, что подобного издания в России у нас еще не бывало. Что другого не успею, может быть, сделать, но атласом похваюсь, что кончен», — удовлетворенно писал Лазарев А. А. Шестакову.

Вскоре вышла и русская карта Средиземного моря.

Работа продолжалась. Приступили к описи Мраморного моря, которую выполнял капитан второго ранга М. П. Манганари. «Когда и эта работа кончится, — сообщает Лазарев тому же Шестакову, — тогда у нас будут вернейшие свои карты всего пространства от Таганрога до Гибралтара. Но на этом мы не остановимся, если бог продлит здоровье, то начнем гравировать Северный Атлантический океан со всем побережьем Португалии, Франции и Англии, наконец Английский канал и потянемся до Архангельска и Балтики; будем действовать, куда силы есть и средства».

Отдавал Лазарев должной и переводным сочинениям. При нем было издано много лоций с подробным описанием Средиземного моря и прилежащих частей Атлантики, «...в картах этих морей мы очень нуждались и ходили, так сказать, ощупью, — замечает Лазарев. — Теперь глаза наши открыты!»

Но вот подоспела величайшая реформа судостроительного дела. С начала XIX века тысячелетнее господство паруса уступало место паровой машине. Тихо, но верно паровой двигатель входил в судостроительную практику Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции.

Вместе с другими передовыми русскими моряками, и прежде всего с адмиралом Корниловым, Лазарев сразу оценил значение парового двигателя для флота и, предвидя его огромное будущее, стал разрабатывать проекты, сначала колесного, а потом и винтового железного парохода. Но металлургическая промышленность была развита в России слабо. Отсутствовала и подходящая судостроительная база и многое другое. Портило дело и отрицательное отношение к пароходам Николая I, презрительно называвшего их «самоварами».

Во многих делах Корнилов был для Лазарева незаменимым

помощником, в деле же создания будущего парового железного флота его заслуги особенно велики. Как и Лазарев, Корнилов не сомневался в победе железного винтового корабля над парусом. Он детально изучил паровую машину, внес много оригинальных соображений о том, как использовать ее на флоте, и внимательно следил за развитием пароходного дела за границей. А когда решено было заказать в Англии четыре парохода для русского флота, Корнилов был откомандирован в Англию для наблюдения за их постройкой.

Строительство железных кораблей с паровым двигателем первоначально не получило развития на Черном море. С 1819 по 1830 год было построено в Николаеве всего три парохода, среди них известный четырнадцатипушечный пароход «Громоносец». За ними последовали «Инкерман», «Бердянск», «Таганрог», «Еникале», «Тамань», «Казбек» и «Прут».

Морское министерство настаивало на постройке железных пароходов в Америке. Лазареву эта идея пришлась сильно не по душе. Когда речь зашла о заказе большого парохода — фрегата в 600 сил «Камчатка», Михаил Петрович по обыкновению поделился своими мыслями с Шестаковым. «Стоит он (то есть пароход «Камчатка». — Б. О.), по слухам, 2 720 000, — писал он ему. — Но, кажется, не соответствует ни цене, ни ожиданиям!.. За эту цену можно было иметь два пребольших линейных корабля... Вообще нерасчет был заказывать пароход в Америке, где подобной величины морского парохода никогда еще не строили. Следовательно, американцы учились бы на наши деньги».

Лазарев хорошо понимал, что пароходы скоро вытеснят парусные корабли и для Черноморского флота потребуется уголь, а не дрова. И Лазарев озабочен, где взять уголь. Свои надежды Михаил Петрович возлагает теперь на месторождение, обнаруженное в 1721 году русским крестьянином Григорием Капустиным в районе Северного Донца (ныне Донбасс).

Без промедления Лазарев командирует на Луганский завод капитан-лейтенанта Матюшкина ознакомиться с тамошними угольными копиями и доставить ему образцы каменного угля из разных разработок.

Донецкий уголь оказался отличным.

Первая партия его, доставленная в Николаев, показала, что паровые суда Черноморского флота вполне могут быть обеспечены отечественным углем.

Во время командования Лазаревым Черноморским флотом большую

роль играли боевые действия у кавказского побережья. Правящие круги Турции и Англии активизировали деятельность своей агентуры среди кавказских горцев, результатом чего явилось усиление их борьбы против присоединения к России Кавказа.

Дорого обошлась России эта борьба. Много поглотила она молодых жизней, много было совершено жестокостей и преступлений...

*Кавказ! Далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной! —*

писал М. Ю. Лермонтов.

Вмешательство иностранцев в войну России с горцами началось тотчас же после заключения Адрианопольского мира.

О размерах контрабандной торговли можно судить по тому факту, что за один только 1830 год к берегам Кавказа прибило из Турции до двухсот английских и турецких судов с военными грузами.

Перед Лазаревым лежали три главные задачи: 1) реорганизовать службу крейсеров вдоль всего кавказского побережья от Анапы до турецкой границы; 2) бороться беспощадно с контрабандистами и работоторговцами; 3) изучить побережье и подготовить высадки десантов.

Черноморское побережье Кавказа особенно заботило русское командование. Незащищенное, открытое с моря, оно представляло большие удобства для неприятеля. Сюда почти беспрепятственно, особенно в ночную пору, турки привозили английские оружие и порох.

По приказу Николая I на побережье стала создаваться охранная береговая линия из ряда укреплений, крепостей и фортов. Она тянулась вдоль всего восточного берега Черного моря до границы с Турцией. Но соединить отдельные пункты между собой оказалось делом очень трудным и кропотливым. Прокладке дороги мешали горы, нередко вплотную подступавшие к морю. Сооружение дорог в этих условиях требовало нечеловеческих усилий, огромной затраты времени и денег. К довершению всех трудностей горцы часто нападали на строительные отряды; завязывались стычки, переходящие часто в настоящие сражения.

Громоздкий и убыточный способ сооружения сплошного пути Лазарев предложил оставить и прибегнуть к высадке десантов прямо на место работ. Предложение его было принято. Оно вполне оправдало себя. К 1839

году вся укрепленная линия была закончена.

В вечной тревоге и заботах протекала жизнь гарнизонных солдат черноморской береговой линии. В большинстве уроженцы центральных губерний, они с трудом переносили субтропический климат и погибали в большом числе от малярии. Так, в укреплении «Святого духа» гарнизон из 922 человек почти весь вымер в течение пяти лет, а на всей черноморской линии к 1845 году умерло от болезней 2427 человек. Лазарев значительно улучшил снабжение офицеров и солдат продовольствием и противомаларийными средствами.

В марте 1840 года несколько тысяч горцев окружили со всех сторон Михайловское укрепление с его гарнизоном в 250 человек. Несмотря на неравенство сил, русские солдаты бились до последней возможности, пока полностью не были изрублены. Тогда последний из оставшихся в живых канонир Архип Осипов, не желая отдавать неприятелю пороховой погреб, взорвал его и погиб вместе с тремя тысячами черкесов.

В том же году трагически пал форт Лазарев.

Столь же несчастная доля постигла и Вельяминовский гарнизон. Когда никакие усилия горцев не смогли заставить людей сдаться, они обложили блокгауз хворостом и подожгли его. Но даже после того, как пламя охватило здание, слышны были несшиеся откуда крики: «Умрем, но не сдадимся!» В горящее здание ворвались горцы и изрубили гарнизон.

Вскоре возникло «новое Вельяминовское укрепление на том же месте», а вслед за ним и форт Лазарева.

Однако сами горцы несли также крупные потери. При нападении на Абинское укрепление горцы потеряли 685 человек убитыми. Этот тяжелый удар заставил их на некоторое время утихнуть.

Инициатором и руководителем десантных перевозок на Черном море был Лазарев. Он совмещал в себе все необходимое для выполнения этих громоздких и сложных операций: решительность, быстроту ориентировки и хладнокровие даже в самые трудные моменты. Много внес он нового и в саму практику высадки десантов.

Десантные действия предъявляют к их руководителю особо повышенные требования. Военно-морская история сохранила много примеров полного истребления десантного отряда при малейшей оплошности со стороны командования. Здесь необходимо совместить в себе опыт моряка с опытом сухопутного командира, что встречается на практике очень редко. Еще при сооружении береговых черноморских военных баз^[57] Лазарев все время находился в тесном контакте с генералом Н. Н. Раевским. Раевский настолько ценил военно-морские способности

Лазарева, что выразил желание постоянно работать с ним. И Лазарев, в свою очередь, убедившись в высокой полезности совместной работы моряков с представителями армии, стал прикомандировывать морских офицеров к штабу командующего десантным отрядом генерала Раевского.

Высадку десантных войск обычно проводил сам Лазарев. Все у него было заранее рассчитано и взвешено до мельчайших подробностей. Каждый офицер и матрос находились на местах и в точности знали свои обязанности. Особенное внимание уделял Лазарев вопросу, как распределены грузы в трюмах корабля, чтобы не было никаких задержек при их выгрузке.

Все это было ново и на многие годы опередило практику иностранных флотов, где десанты большей частью велись стихийно, без определенного плана, с ненужной беготней и суетой.

Когда Лазарев не знал точно, каковы силы противника, — он значительно увеличивал свои десантные силы.

Так, при занятии в 1840 году Туапсе был сформирован самый крупный из действовавших на Черноморском побережье отрядов в составе 9 тысяч человек. Если прибавить артиллерию, лошадей, повозки, боеприпасы и продовольствие, то станет ясно, что по тем временам готовилось предприятие крупного масштаба.

Подход к Туапсе участник высадки десанта, подполковник Г. И. Филиппсон описывает так: «М. П. Лазарев почти не сходил с юта; телеграф и сигналы работали непрерывно, но ни шуму, ни суеты не было: все работы экипаж делал бегом и молча. Слышен был только голос старшего лейтенанта».

Горцы уже давно прослышали о решении русского командования овладеть устьем Туапсе. Теперь большие толпы их собрались на берегу и установили сигнализацию с более отдаленными горными районами. Еще накануне с кораблей наблюдали их многочисленные костры.

Утром 12 мая 1838 года эскадра из 17 боевых кораблей и 14 транспортов почти вплотную подошла к берегу. Хорошо были видны гарцующие на конях черкесские всадники, много было и пеших горцев. Они собирались отдельными группами, по-видимому, в заранее условленных местах.

Лазарев приказал приступить к переправе на берег подразделений первой очереди; с людьми отправились и четыре горных орудия. Когда все гребные суда с людьми были на воде, после сигнала «начать бой» корабли открыли ураганный огонь. Двести пятьдесят орудий без перерыва посылали на берег ядра крупных калибров. Снаряды взрывали землю,

червой завесой подбрасывали ее вверх, косили деревья, разрушали неприятельские укрытия. «Треск и грохот были ужасные», — замечает очевидец. Не выдержав огня, горцы отступили. Засев за укрытиями, они продолжали вести оттуда бой.

Но вот следует новый сигнал, и огромная флотилия гребных судов, поднявшая 3050 человек десантных войск, с криками «ура» двинулась к берегу. Картина эта, по словам подполковника Филиппсона, «была выше всякого описания».

Лазареву уже давно хотелось, чтобы эта редкая и вместе грандиозная боевая картина была запечатлена на полотне. Он пригласил И. К. Айвазовского принять участие в высадке одного из десантов. Айвазовский с радостью принял предложение» был зачислен на флагманский корабль «Силистрия».

Когда начался бой, Айвазовский вместе с войсками отправился на берег. «Все мое вооружение, — вспоминал он, — состояло из пистолета и портфеля с бумагой и рисовальными принадлежностями».

Но вот ранен вражеской пулей приятель художника лейтенант Н. П. Фридерикс. Фельдшера поблизости нет. Айвазовский подает первую помощь раненому, отвозит его на корабль и немедленно возвращается обратно.

На берегу, теперь обстановка иная. Перестрелка затихла; лишь изредка кое-где прозвучит одинокий выстрел. Солнце склоняется к западу. В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русская старина» за 1878 год, Айвазовский воссоздает полную настроения картину угасающего после бурных событий дня: «...Берег, озаренный заходящим солнцем, лес, далекие горы, флот, стоящий на якоре, катера, снующие по морю, поддерживают сообщение с берегом... Миновав лес, я вышел на поляну; здесь картина отдыха после недавней боевой тревоги: группы солдат, сидящие на барабанах офицеры, трупы убитых и приехавшие за уборкой их черкесские подводы. Развернув портфель, я вооружился карандашом и принялся срисовывать одну группу. В это время какой-то черкес, без церемонии взяв у меня портфель из рук, понес показывать мой рисунок своим. Понравился ли он горцам — не знаю; помню только, что черкес возвратил мне рисунок выпачканным в крови... Этот «местный колорит» так на нем и остался, и я долгое время берег это осязательное воспоминание об экспедиции».

Плодом участия Айвазовского в десантных действиях Черноморского флота явился ряд мастерски исполненных картин. Айвазовскому довелось трижды плавать с Лазаревым к кавказским берегам, а также с его

сподвижниками В. А. Корниловым, П. С. Нахимовым, А. Н. Панфиловым и другими.

В Туапсинской высадке десанта 1838 года, самой крупной из предпринятых Лазаревым на Черном море, горцы не оказали наступающим русским частям сколько-нибудь серьезного сопротивления. Неравенство сил было слишком очевидно, они ушли в горы. Высадка десанта была выполнена в минимально короткий срок: она заняла всего около четырех часов.

От начала и до конца, весь поход в Туапсе был делом Лазарева. «Я должен откровенно сказать, — писал подполковник Филиппсон, — что Лазарев был настоящим героем этого дня. Подходить с парусным флотом так близко к берегу... по всей справедливости можно назвать делом больше чем смелым».

Лазарев был, бесспорно, очень смелым человеком. Но не этим объясняется его привычка ставить эскадру на ближайшее расстояние от берега. Рисковать он не любил и прибегал к риску лишь в исключительных случаях, когда не было другого выхода. Не риск и авантюра руководили его действиями, а знание и опыт. Богатый и гем и другим, он действовал с полной уверенностью и почти всегда достигал нужного. Именно в этом действии наверняка и заключался секрет многих его успехов и достижений, что вызывало удивление и наивно объяснялось особым благоволением к нему судьбы, «везением» и прочим. Лазарев потому так уверенно ставил корабли на якорь вблизи незащищенных берегов, что произвел промеры глубин.

Высадив десант, эскадра Лазарева ушла в Севастополь. А тем временем десантные войска заложили укрепление Вельяминовское, после чего были переброшены к устью реки Шапсухо для постройки Тангинского укрепления. Далее следовали форты Новороссийский и Головинский в устье реки Субаши, форт Лазарева в устье Псезуапе и другие.

За четыре года (1836–1839) было высажено на Черноморское побережье восемь крупных десантов, пятью из которых командовал Лазарев. Достойным его помощником был начальник штаба Черноморского флота, ученик Лазарева, моряк огромного опыта контр-адмирал Степан Петрович Хрущев (1791–1865). В 1839 году строительные работы на восточном побережье Черного моря были закончены.

Укрепление черноморской береговой линии имело огромное значение. Несмотря на отчаянные усилия, англичанам не удалось овладеть Кавказом. Надежная система защиты Черноморского побережья навсегда положила конец их притязаниям.

Велико было и морально-культурное значение Кавказской победы. Народы, населявшие Кавказ, не подвергались более зверским нападениям со стороны турецких и персидских войск. Международные войны прекратились, а равно работорговля и контрабандный ввоз товаров. Отсталый край включался в общую культурную жизнь Русского государства и зажил с тех пор спокойной, мирной жизнью.

Недаром Ф. Энгельс писал К. Марксу: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии»^[58].

Деятельность Лазарева на посту главного командира Черноморского флота совпала с очень важным политическим моментом в истории Русского государства. Черноморский флот и его главная база — Севастополь играли в это время решающую роль в укреплении позиций России не только в Крыму, но и на всем Черноморском побережье. О том, что надо всемерно укреплять Севастополь и его портовые сооружения, знали уже давно. Но только с приходом Лазарева широким фронтом развернулись работы и по укреплению Севастополя как крепости.

Поразительно плодотворна была вдохновляющая деятельность Лазарева! Охватывая большие масштабы, он не упускал и самые незначительные мелочи. Хорошо характеризует его современник: «Не было ни одного темного уголка, в который не заглянул бы заботливый хозяин флота, ни одного канцелярского дела, которое бы высокосведущий кормчий не направил бы по настоящему курсу».

Особое внимание уделял Лазарев оборонительным сооружениям, защищавшим подходы к Севастополю с моря и с суши. Под руководством Михаила Петровича был детально разработан инженерный план строительства укреплений из семи бастионов. Появились Константиновская, Михайловская и Павловская каменные батареи. Были сооружены также и три земляные батареи: одна на северной стороне и две на южной.

Лазарев довел количество орудий, защищавших Севастополь, до 734. Это действительно была надежная охрана! Но Лазарев шел дальше. Он хотел окружить Севастополь сплошной цепью батарей и с суши. Но ему было отказано в средствах, и в правительстве его никто не поддержал. Это была непростительная оплошность, дорого обошедшаяся во время Крымской войны.

Сооружение нового адмиралтейства с пятью сухими докати — для ремонта кораблей всех классов — следует отнести к числу наиболее

крупных строительных работ Лазарева. Вода для заполнения доков поступала через специально сооруженный для этой цели акведук из ключей Черной речки, протекавшей в 18 километрах от доков.

Но подходящего и удобного места для постройки адмиралтейства в Севастополе не оказалось. И вот в воображении Лазарева создается чрезвычайно смелый проект. Он предлагает скрыть до основания мыс, расположенный между Корабельной и Южной бухтами. Тысячи людей принимали участие в этой грандиозной работе, но их казалось все же мало. Предстояло снести целую гору земли высотой свыше 30 метров, после чего на освобожденном месте, площадью около 8,5 гектара, построить адмиралтейство с доками, мастерскими и другими подсобными сооружениями. Дожить до окончания этой многолетней работы Лазареву не удалось.

При новом адмиралтействе, получившем название Лазаревского, строился также элинг для подъема и ремонта подводной части некрупных судов и магазины (склады разного назначения). Одновременно сооружалась и каменная набережная.

Старые матросские казармы в Севастополе были крайне неблагоустроены и тесны. При Лазареве были построены две трехэтажные казармы на 6 тысяч человек.

Поистине грандиозную картину являла вся эта стройка, душой которой был Лазарев. Вот как описывает ее очевидец: «Переехав бухту, мы вышли на берег, усеянный тысячами работающих. Кругом стук, шум, движение; сотни людей тащат при ободряющих криках громадные скалы... или опускают ужасные тяжести; всюду деятельность, всюду работа — египетская, колоссальная! Другие тысячи рабочих деятельно срывает огромный высокий мыс, чтобы очистить место для постройки нового обширнейшего адмиралтейства».

Лазареву удалось многое сделать и для города. Сносились целые кварталы, поражавшие, по его замечанию, «безобразием, неопрятностью дворов и неприличием своего вида», строившиеся «без плана и без фасадов». На их месте вскоре появились новые улицы с новыми, благоустроенными домами. Строились заводы — кирпичный, известковый, возникали промышленные предприятия, торговые. Все это увеличивало Доходы города и привлекало население, возросшее к середине прошлого столетия до 45 тысяч человек^[59].

Заботился Лазарев и о повседневных нуждах горожан Севастополя и Николаева, особенно малоимущих. Водоснабжение Николаева было организовано очень плохо. Приходилось часами выстаивать в очереди,

чтобы получить за плату ведро питьевой воды. Лазарев построил бассейн, из которого каждый мог брать потребное ему количество воды.

Лазарев хотел также сделать общественным достоянием обнаруженные вблизи Севастополя залежи целебного ила. Но ему отказали в средствах, и грязелечебница была организована уже без него.

Все красивое находило в Лазареве большого и тонкого ценителя. Удобства, целесообразность и красота — вот три качества, которые он предъявлял к вещам и согласно которым давал им оценку.

Знаменитая Графская пристань в Севастополе особенно привлекла внимание Лазарева.

Он поручил инженеру-архитектору Уптону составить по его указанию новое архитектурное оформление пристани. По проекту Лазарева — Уптона новый ансамбль должен был состоять из двух рядов массивных колонн в античном стиле, широкой лестницы с балюстрадой и скульптурными украшениями. Все это, по мнению Лазарева, должно было «много прибавить к великолепию пристани». Пристань и в наши дни выглядит так же, как в 1846 году, когда закончилась ее реконструкция.

Много внимания уделяя Лазарев также культурному развитию моряков. Привить любовь к обмену мнениями, к чтению книг и журналов — вот чего добивался Михаил Петрович. Так родилась идея морского собрания. «Давно бы пора устроить такое заведение в Севастополе, — писал Лазарев, — и дать молодежи нашей прибежище, где можно провести время приятно! Оно удалит их от кондитерских и трактиров; а это не безделица как для нравственности, так и самой службы...»

Морское офицерское собрание помещалось в одном из лучших зданий Севастополя. Здесь моряки отдыхали, обменивались мнениями, слушали лекции, участвовали в концертах.

Но подлинное детище Лазарева — это Морская библиотека. Основана она была еще в 1822 году. Но лейтенант В. И. Мелихов — ее учредитель — не мог достать средств для пополнения книжных фондов, само здание, неуютное и ветхое, также не располагало к занятиям в библиотеке. Никто в нее не ходил.

Лишь только Лазарев занял пост главного командира Черноморского флота и портов, он взялся за переустройство библиотеки. Средства изыскивал «хозяйственным способом». Офицеры согласились отчислять из жалованья определенную сумму до окончания постройки нового здания библиотеки, но этих денег далеко не хватало. Лазареву удалось получить заимообразно из фондов Черноморского флота 30 тысяч рублей с условием погасить их в течение 7 лет.

С редкой любовью и усердием сооружалось это здание. По мысли Лазарева, оно должно было не только соответствовать своему назначению, но вместе и украшать город. Неутомимыми помощниками Лазарева были В. А. Корнилов и П. С. Нахимов.

В 1844 году библиотека была закончена. Ее стали охотно посещать моряки и члены их семей. Особенно много бывало здесь народа в дни возвращения кораблей из плавания. Но не проходит и восьми месяцев, как пожар уничтожает здание. К счастью, удается спасти главное богатство — книги. Погибло не больше 400 томов.

С великим самоотвержением офицеры и матросы спасали библиотечное имущество. По словам адмирала А. П. Авинова, «тут видны были и экипажные командиры на крыше здания, и бросавшиеся в пламя офицеры, вытаскиваемые в обгорелых платьях, брандспойты со всех судов и экипажи, действовавшие по распоряжению командиров оных».

И снова проблема библиотеки со всей остротой встает перед Лазаревым. На этот раз приходит на помощь Николай I и отпускает 40 тысяч рублей.

Книжные фонды ее возросли до многих тысяч томов и постоянно пополнялись. Находились они в опытных руках ее директоров — Нахимова и Корнилова.

2 ноября 1849 года библиотека полностью возобновила работу. И по наружной отделке и по внутреннему благоустройству она была лучшим зданием города. Во главе комитета директоров стоял Нахимов. Он ревностно исполнял свои обязанности, равно как и Корнилов, занимавший должность секретаря-казначей.

После смерти Михаила Петровича его дочь Татьяна Михайловна передала в дар Севастопольской библиотеке личную библиотеку отца в 1118 томов.

Но библиотеке упорно не везло. Во время Севастопольской обороны вражескими снарядами она была превращена в груды развалин. Большую часть книг удалось заранее перевезти в Николаев. Все же остальные книги, а также скульптурные изображения и статуи интервенты забрали с собой.

И только спустя 35 лет, в 1890 году, книги были водворены в новое, третье по счету, помещение.

Глава VIII

Последние годы



Произошло событие, которого никто не ожидал и не предвидел, и менее всего сам Лазарев. Во время очередного приезда Михаила Петровича в Петербург один сановник пригласил его на бал. Лазарев недолюбливал балов, посещал их больше по обязанности и обычно скучал. Так и теперь. После ужина, когда мужчины уселись за карты, которых Михаил Петрович не терпел, он прошел в танцевальный зал и с холодным любопытством, заложив палец за борт сюртука, наблюдал за танцующими. Его внушительная фигура, горевшие золотом аксельбанты, а главное, его громкое имя невольно привлекали внимание.

И вдруг перед ним промелькнуло очаровательное личико кружащейся в танце молодой девушки. Поравнявшись с Лазаревым, она пристально взглянула на него и, как ему показалось, приветливо улыбнулась.

Лазарев заинтересовался девушкой и от распорядителя бала узнал, что это Екатерина Тимофеевна Фандерфлит, дочь отставного моряка Тимофея Ефремовича Фандерфлита, капитана второго ранга в отставке.

— Хотите, представлю? — услужливо предложил распорядитель. Но Лазарев отказался от этой чести и вскоре покинул бал.

Сложные непривычные переживания волновали его. В ту ночь он почти не сомкнул глаз. Неожиданное чувство поразило Михаила

Петровича, застало его врасплох.

Он вскакивал с постели и начинал ходить по комнатам большими шагами, радуясь чему-то и одновременно негодуя на себя. Потом снова ложился и, чтобы отвлечься, пытался читать. Но сосредоточиться на чтении не мог.

Наутро, измученный бессонной ночью, он убеждается, что дальше так продолжаться не может, что надо освободиться во что бы то ни стало от окутавшего его любовного дурмана. И вдруг принимает «стихийное» решение, которому впоследствии сам удивляется. Он облачается в парадную форму, посылает за извозчиком и мчится к Фандерфлвтам. Быстрое и смелое решение Лазарева в известной степени объяснялось тем, что отец Катеньки также моряк и он знал его по прежним плаваниям.

Визит знаменитого адмирала и удивил и взволновал Тимофей Ефремовича. Он вышел к гостю в халате и, несколько запинаясь, произнес:

— Чем обязан вашему превосходительству столь ранним поселением?

Лазарев откровенно рассказал хозяину, что произошло с ним вчера на бале и что он пережил минувшей ночью.

— Быть может, вам, почтеннейший Тимофей Ефремович, покажется мое поведение странным и легкомысленным, что я, не будучи знаком с вашей дочерью, рискнул приехать просить ее руки, но, право, я не мог поступить иначе. Поверьте, что это так...

Искренность Лазарева подкупила старика, но он не знал, что ответить. Породниться с знаменитым адмиралом было заманчиво. Но дочь почти еще девочка, а виски жениха уже изрядно подернуты серебром, он почти старик... Да и как возможно без ее согласия решить такое дело? Прохаживаясь по ковру, он дернул за сонетку. Пришла горничная, и он приказал позвать барышню.

И вот она явилась, ясная и свежая, как утренняя заря. Ничуть не смутившись, уверенная в своей привлекательности, она неторопливо подошла к Михаилу Петровичу и протянула ему руку.

— А я вас видела вчера на балу, — игриво улыбаясь, залепетала она. — Не правда ли, было очень весело? А вы танцуете? Вы недавно пришли из плавания, ну как там? — И Катенька стала забрасывать Лазарева вопросами.

«Однако девица пребойкая, — подумал Лазарев, когда Катенька удалилась, уланная отцом приготовить гостю чай. — А о цели моего визита она, видимо, и не догадывается... Это очень хорошо», — решил он и, поднявшись с кресла, направился к хозяину.

— Итак, любезнейший Тимофей Ефремович, моя судьба в руках вашей

дочери. Пускай решает она, а я более не посмею повторить свое предложение. Извините меня великодушно. Прошу известить меня не позднее завтрашнего вечера, — твердо произнес Лазарев и, крепко пожав руку папаше, откланялся.

В условленное время он получил положительный ответ.

Через два дня состоялось обручение, а через неделю — свадьба. На другой же день Михаил Петрович уехал с молодой женой в Николаев.

Началась новая, неизведанная жизнь, вторая молодость! И как все быстро, «стихийно» обернулось, — думал он, и радостная, непривычно добрая улыбка играла на его тонких губах. — «По-лазаревски» дело сделано! — вероятно, скажут приятели.

Хотя Лазарев был много старше своей жены, их брак можно назвать счастливым.

В одном из своих творений Кант писал: «В брачной жизни супруги должны образовать как бы одну нравственную личность, движимую и управляемую рассудком мужа и вкусом жены». Именно таков был брак Лазарева. Иногда, впрочем, злые языки сравнивали Михаила Петровича с Мазепой, а его супругу с Марией.

Екатерина Тимофеевна оказала решительное влияние на всю последующую жизнь мужа. Быстро распознав его достоинства и недостатки, эта умная, волевая женщина поставила себе задачей исправить суровую, несколько грубоватую натуру Лазарева. И эта миссия ей вполне удалась.

Вскоре же после женитьбы многие стали замечать решительную перемену в поступках и в обращении Лазарева с людьми. Не теряя прежней настойчивости и упорства, он стал как-то мягче, душевнее и гуманнее, в особенности с матросами, с которыми даже по тем временам поступал подчас излишне круто. Можно смело сказать, что немногие женщины оказали такое облагораживающее влияние на своих мужей, как Екатерина Тимофеевна.

Подметила Екатерина Тимофеевна некоторые недостатки у своего супруга и другого порядка. Лазарев в Совершенстве знал военно-морские науки, математику, астрономию и гидрографию. Начитан он был и в истории. Но к художественной литературе он не проявлял большой склонности. Екатерина Тимофеевна решила восполнить этот пробел. По вечерам она приглашала мужа на свою половину и читала ему лучшие произведения мировой литературы. Вначале, утомленный за день, Михаил Петрович нередко похрапывал во время чтения, но постепенно оценил по достоинству классическую литературу, приобретал классиков и читал

их^[60].

Французский язык Лазарев знал далеко не совершенно, хромало произношение. И здесь спешила ему помочь супруга. Она применила испытанный метод изучения иностранных языков, старалась больше разговаривать с мужем по-французски и вскоре достигла отличных результатов.

Все труднее становилось стареющему Лазареву разлучаться, хотя бы ненадолго, с женой. Уезжая по делам из города, он иногда брал ее с собой.

Однажды во время поездки супругов в Севастополь произошел любопытный случай. Спускаясь по сходне на берег, Екатерина Тимофеевна уронила в воду недавно подаренные ей мужем прекрасные английской работы золотые часы. Она остановилась и слегка вскрикнула. Остановился на мгновение и Лазарев. Взглянув на расходящиеся по воде круги, бросил: «Утонули... ничего не поделаешь!»

На берегу ему рапортовали начальники частей, поодаль, далеко не веселая, стояла Екатерина Тимофеевна. К ней подошел знакомый портовый офицер, большой ее поклонник, и спросил, чем она так опечалена. Узнав причину огорчения, он сказал: «Очень сочувствую вашему горю и постараюсь всемерно помочь».

В тот же день перед отъездом Лазаревых домой утопленные часы были возвращены ее владелице. Их достали водолазы.

Прошло немного времени, и часы вновь заняли свое место на груди у Екатерины Тимофеевны. Лазарев был изумлен, он не верил своим глазам.

— Это те самые часы, которые ты утопила в Севастополе? — иронически спросил он жену.

— Да, те самые. — И Екатерина Тимофеевна рассказала историю спасения часов.

Лазарев рассвирепел. «Кто осмелился использовать портовых водолазов для частной надобности?» — грозно обратился он к жене.

Екатерина Тимофеевна твердо заявила, что не платит злом за добро и не скажет, кто вернул ей часы.

— И прошу тебя, Мишель, — добавила она, — поставь на этом деле крест и не производи никаких расследований. Да и поздно уже начинать... Насмешишь только людей...

В семье появились дети^[61]. Никогда не думал Лазарев, что способен на такое сильное отцовское чувство. Он оказался примерным семьянином, и мысль о семье не покидала его никогда. Во время летних кампаний, когда Михаил Петрович поднимал свой адмиральский флаг на одном из кораблей,

к нему часто приезжала обедать с детьми Екатерина Тимофеевна. А после обеда семья располагалась на кормовом адмиральском балконе и наблюдала за гонками яхт.

У Лазарева установились прекрасные отношения со всеми родственниками жены. Всего более он был дружен с ее братом Федором Тимофеевичем. Сохранилась очень любопытная переписка, в которой Лазарев поверяет своему другу многое из своей личной жизни. Некоторые его письма дышат такой теплотой и заботой о всех членах семьи Фандерфлитов, что порой не узнаешь в них жестковатого, колючего Лазарева. Он так заканчивает одно из писем к «любимому» Феде: «Поцелуй за меня драгоценную нашу маменьку, всех сестер, в числе коих, разумеется, называю и Алиньку». О супруге, обожаемой Катеньке, мы узнаем из его письма следующее: «Она такая, что я, право, не знаю, что и делается с ней! Хлопочет все о других, которые и не стоили бы того, а о себе и не думает! Зато и душа у ней ангельская!»

Обычно Лазарев заканчивает письма дружескими пожеланиями; в несчастьи он всех утешает. Тон писем бодрый и обнадеживающий. «Надейся и верь, что все поправится, — часто встречаем мы у него. — Нужна только воля! Будь бодр и весел».

А вот что пишет Лазарев жене скончавшегося в 1849 году старшего своего брата: «Неожиданное известие о кончине брата, Андрея Петровича, поразило нас чрезвычайно! В тот же день мы отслужили в церкви панихиду и горько поплакали! Невольным образом тут я вспоминал и о себе, — вспоминал, что после него следует моя очередь и предстоит подобное ему... оставить жену и детей, которых люблю больше себя».

До самой кончины Лазарева жена и дети составляли главную радость его жизни.

Как в жизни каждого человека, и у Лазарева светлые, безоблачные дни сменялись несчастливыми, выбивавшими его из колеи.

«Год 1843, — писал Лазарев, — имел для нас много черных дней, и долго нам не забыть их».

Поскользнувшись, Михаил Петрович упал и вывихнул себе левую руку. «Боль была чрезвычайная», — писал он. Рука побагровела, стала почти черной. Прошло более месяца без перемен, и Лазарев уже думала что рука навсегда потеряла работоспособность и силу.

Пока он пребывал в таком неопределенном состоянии, подошло и другое испытание. «К прискорбию всех, кто только знал его, — писал Лазарев, — скончался почтенный батюшка Екатерины Тимофеевны, и настроение наше на долгое время помрачилось! Особенно потеря эта была

велика для Екатерины Тимофеевны, которая только за два дня перед тем разрешилась Петрушею и которого, по обыкновению своему, кормит сама».

После смерти старшего представителя семьи уходит из жизни один из младших. «Не успели мы оправиться, пишет Лазарев, — как 20 декабря лишились второго сынка нашего, Николая, скончавшегося после трехдневных жестоких, судорожных страданий! Сердце рвалось от страдания о прекрасном этом мальчике... Легко можно вообразить себе ту суматоху, которая была у нас в доме».

В заключение всей этой эпопеи несчастий снова заболевает сам хозяин. Он никуда не выходит из дому, пьет какой-то «декокт» и не надеется на быстрое выздоровление «Если не будет лучше, — пишет он А. А. Шестакову, — надо полечиться серьезно».

3 ноября 1848 года Севастополь и Николаев торжественно отмечают шестидесятилетие своего славного командира. Как в калейдоскопе, проносится в этот день в памяти Михаила Петровича вся его богатая событиями жизнь.

Но опьяняющие впечатления молодости с ее неутомимой жаждой жить и действовать оказываются самыми прочными, неизгладимыми. Он вспоминает одного своего старого товарища по корпусу и через несколько дней пишет ему: «Мне стукнуло шестьдесят. А кажется, давно ли мы жили с тобой на одной квартире в Кронштадте и резвились как самые счастливые ребяташки».

Как-то моряки, сослуживцы Лазарева, заспорили. Они решали вопрос: какая черта характера их начальника является для него наиболее яркой как в быту, так и в служебной деятельности?

— Резкая самостоятельность, — заметил один из них. И все согласились, что это определение всего ближе к истине. Самостоятельные инициативные решения, их проведение в жизнь являлись основной пружиной деятельности Лазарева. Конечно, ему приходилось ошибаться и признаваться в своих ошибках. Но когда он чувствовал себя безусловно правым, он не уступал никому, даже царю. Вот любопытный случай, рассказанный современником.

Пожар на корабле «Фершампенуаз» взволновал не только моряков, но и широкие общественные круги. Возвращаясь из Средиземного моря в Кронштадт, корабль вез финансовые отчеты целой эскадры. Но вот дальний путь благополучно завершен, корабль входит на Кронштадтский рейд. И вдруг на корабле возникает пожар, уничтожающий его дотла. Хоть открыто и не говорили, но каждый заподозрил здесь что-то неладное. «Сами, мол,

сожгли корабль, чтобы замести следы преступления». Особенно проникся этим убеждением царь Николай.

— Нарядить строжайшее расследование и сурово наказать преступников. Дело поручаю вести адмиралу Лазареву! — приказал он. Николай так интересовался ходом расследования, что однажды сам неожиданно приехал в Кронштадт.

— Корабль сожгли? — с налета спрашивает он Лазарева.

— Корабль сгорел, ваше величество, — спокойно выдерживая ледяной взгляд Николая, отвечал Лазарев.

— А я тебе говорю, что сожгли! — все более раздражался Николай.

— Я уже доложил вашему величеству, что корабль сгорел, но не сказал, что его сожгли...

Тем и закончился этот разговор. Подробно выяснив все обстоятельства гибели корабля, Лазарев решительно заявил, что поджога не было, чем и освободил людей от тяжелых подозрений. Всякие слухи и сплетни о поджоге навсегда с тех пор прекратились.

Николай I, ценя в Лазареве его самостоятельность и прямоту, прощал ему многое. Однажды после очередного доклада он хотел подчеркнуть особое к нему расположение.

— Старик, оставайся у меня обедать, — сказал он ему.

— Не могу, ваше величество, — отвечал Лазарев, — я уже дал слово обедать сегодня у адмирала Г. и не могу нарушить своего обещания.

Кстати заметим, что адмирал Г. был не в фаворе у царя. Взглянув на часы, Михаил Петрович добавил:

— Опоздал, государь. Надо спешить!

И, откланявшись, направился к выходу. В это время вошел генерал-адъютант императора князь А. Ф. Орлов.

— Представь себе, что есть в России человек, — усмехаясь, обратился к нему царь, — который отказался у меня отобедать.

Лазарев никогда не заискивал перед Николаем I, не раболепствовал перед ним по примеру многих других и ничего не просил для себя лично. Отношения его к Николаю скорее походили на отношения младшего начальника к старшему. В откровенную минуту он как-то признался своему приятелю: «Хоть я Николаю и многим обязан, но России никогда на него не променяю».

К крепостному праву Лазарев относился отрицательно. Своему другу А. А. Шестакову он писал: «Обещание твое уведомлять иногда, что у вас предпринимается насчет мысли об освобождении крестьян, я приму с особой благодарностью».

Непрерывная кипучая деятельность наложила на лицо Михаила Петровича свою печать, и в зрелые годы он казался старше своих лет.

Лазарев был выше среднего роста, коренастый. К пятидесяти годам он потучнел, волосы посеребрились проседью. Черты его полного лица не были крупными, выражение добродушное и очень энергичное^[62].

Лазарев мало заботился о своем здоровье. Почувствовав впервые боли в желудке, он не обратил на это внимания и неустанно работал с обычной энергией. Так продолжалось до конца 1850 года, когда ясно обозначились все признаки страшной болезни, преждевременно сведшей его в могилу (рак желудка).

Болезнь быстро развивалась и принимала угрожающий характер. Михаил Петрович очень похудел, задыхался, силы падали. Но, несмотря на приступы, он не оставлял работы; входил во все подробности жизни флота и даже готовился осенью провести большие маневры.

Никакие убеждения серьезно взяться за лечение не помогли. И только вмешательство Николая I заставило Лазарева в начале 1851 года отправиться в Вену на консультацию с медицинскими знаменитостями. Его сопровождали жена Екатерина Тимофеевна, дочь Татьяна Михайловна, будущий герой Севастопольской обороны, его помощник и ученик адмирал Истомин и царский лейб-медик. Больной настолько ослабел, что хирурги, среди которых был знаменитый Теодор Бильрот, отказались его оперировать. В жестоких мучениях Лазарев умирал голодной смертью, не будучи в состоянии ничего проглотить. Тучный от природы, он все более превращался в скелет, обтянутый кожей. Но Лазарев перемогал себя и, не показывая вида, как он страдает, продолжал заниматься делами: давал распоряжения, выслушивал доклады адъютанта, подписывал бумаги.

Всем становилось ясно, что дни его сочтены. Зная скопидомство царской казны, адмирал Истомин не был уверен, что семья Лазарева будет достаточно обеспечена. Тайно от командира он составил письмо к царю, где Лазарев якобы вручает судьбу своей семье «монаршей заботливости». Необходима была подпись Лазарева. Характер своего командира Истомин хорошо знал, а потому прибегнул к хитрости. Среди прочих бумаг к подписи он подсунул и это письмо.

Но обмануть Лазарева, даже в предсмертный его час, было трудно. Заметив, что одна из бумаг отличается от казенного формата, он вынул ее из пачки и пробежал.

— Что это такое? — спросил он гневно Истомина.

Истомин молчал.

— Как могли вы, Владимир Иванович, обмануть мое доверие? —

продолжал Лазарев, глядя на Истомина с укором. Во всю жизнь я ни разу не просил ни о чем для себя; не теперь же изменять мне своим правилам.

И, разорвав бумагу, Лазарев повернулся к стене.

За несколько дней до кончины Михаил Петрович почувствовал боль в глазах. К нему пригласили знаменитого венского окулиста. Когда Лазарев узнал, что окулист является также и превосходным оптиком, он долго его расспрашивал о лучших современных зрительных трубах и об использовании их во флоте.

В разговорах Лазарев хотел заглушить одолевавшие его нестерпимые боли. Лишь по временам, когда он оставался наедине с собой, из соседней палаты слышали его придушенное стоны. Могучий организм боролся долго и упорно. Перед смертью Лазарева давили кошмары. Он кричал, метался, отмахивался от каких-то видений, пытался привстать, но бессильный падал на подушку.

В ночь с 11 на 12 апреля 1851 года на 63 году Михаил Петрович скончался. При нем находились жена, дочь, дежурный врач и сиделка. На родину тело Лазарева должен был доставить пароход «Владимир». Траурный кортеж по улицам Вены протекал с большой торжественностью в присутствии эрцгерцогов, всего генералитета и многотысячной толпы венцев.

Хоронили Лазарева, по словам И. А. Шестакова^[63], «в устраиваемом им с такой любовью Севастополе, в виду созданных им горевавших кораблей и в присутствии целого населения, пораженного нелицемерной печалью».

После похорон друга, сослуживцы и почитатели адмирала, собравшись в Морской библиотеке, решили провести подписку на сооружение памятника любимому командиру. Организовать это дело было поручено контр-адмиралу В. А. Корнилову. Глубоко взволнованный, он обратился ко всем офицерам Черноморского флота с воззванием, которое закончил так: «С благоговением пишу порученное мне воззвание. Потомство оценит благотворную мысль увековечить память знаменитого адмирала, жизнь которого, и морская, и военная, и как гражданина, и как человека, удивляет своей полнотою и послужит отрядным примером на пользу будущих поколений».

Лазарев был похоронен в подвальном помещении Владимирского, или Адмиральского собора. Рядом с ним нашли покой герои Крымской войны, ученики и воспитанники Михаила Петровича: Нахимов, Корнилов и Истомин — великие патриоты земли Русской.

Прошло пятнадцать лет. Флот за это время претерпел большие

изменения. Пар все больше вытеснял устаревшие паруса. Совершался переход к броненосному судостроению; создавалась новая морская тактика, увеличивался калибр орудий. Батарейные палубы уже не были для них надежным укрытием, орудия стали помещать в неуязвимых броневых башнях.

Но нет предела развитию техники! Лазарев, вероятно, и не представлял себе ее ближайшего будущего. Не мог представить он, что с такой любовью и старанием созданный им Черноморский флот скоро будет разгромлен...

Черноморского флота, потопленного в Крымскую войну, не стало, но лазаревские традиции, лазаревская школа, порядок, боевой дух его командиров и всего личного состава не умирали с тех пор в истории русского флота.

Девятого сентября 1867 года в Севастополе на средства, собранные среди офицеров флота, Лазареву был открыт памятник работы скульптора Н. С. Пименова. На гранитном постаменте высится огромная фигура Лазарева из бронзы. Он стоит без фуражки, взор устремлен вдаль, локтем левой руки прижата к фигуре подзорная труба. На памятнике высечена надпись: «Адмиралу генерал-адъютанту Михаилу Петровичу Лазареву».

С большим подъемом отмечали черноморцы открытие памятника. Все свободные от вахты моряки явились на торжество. Когда покрывало, скрывавшее бронзовую фигуру, было сдернуто, контр-адмирал И. А. Шестаков выступил с речью. Он начал так:

«Снова любимый лик предстал перед нами, и мы, свидетели дел адмирала, стеклись у подножья этого памятника напомнить России о ее достойном сыне и деятеле. Не гражданская доблесть, выказанная Михаилом Петровичем в молодых еще годах, не Наваринский погром, в котором «Азов» стяжал память, достойную ревностного хранения, не эти случайности, достаточные для озарения всякой жизни лучами известности, передают имя Михаила Петровича потомству. Труд упорный, неослабный, не утомлявшийся препятствиями, польза истинная, не доставляющая выгод труженику, безграничное усердие к обязанности, целая жизнь, отданная долгу, — вот из чего вылит этот знаменательный памятник...»

В тот же день и час, когда открывали памятник прославленному адмиралу в Севастополе, на севере, в Петербурге, с эллинга судостроительного завода сползал в Неву броненосный фрегат «Адмирал Лазарев», крупный по тому времени корабль водоизмещением в 3460 тонн. Это событие, по замечанию «Кронштадтского Вестника», было «истинно отрядным для людей, чтящих память адмирала, для моряков русского

флота, для всех, кто любит Россию, кто желает ей добра и кто в прошлом ищет пример, достойный подражания для будущих деятелей».

Имя адмирала Лазарева неоднократно присваивалось русским кораблям различного назначения. Перед началом первой мировой войны в Николаеве был спущен на воду легкий крейсер «Адмирал Лазарев», и в советское время имя Лазарева получил крейсер и известный своей работой дальневосточный, ледокол. И не только корабли носили и носят имя великого русского моряка.

В день столетия со дня его кончины, в 1951 году, Колтовская набережная в Ленинграде, расположенная напротив Крестовского острова, была переименована в «Набережную адмирала Лазарева», а мост, связывающий остров с городом, в «Мост адмирала Лазарева». На кавказском побережье, в названном именем Лазарева населенном пункте Лазаревне, ему воздвигнут памятник.

Такое внимание к великому русскому моряку свидетельствует, насколько и в текущие дни его имя дорого и близко нам.

Как бы переключаясь с И. А. Шестаковым, выступившим с речью около ста лет тому назад в Севастополе при открытии памятника Лазареву, и дополняя его, советский морской историк В. И. Дмитриев пишет:

«Высокие требования, предъявлявшиеся Лазаревым к личному составу, к четкой организации корабельной службы, к боевой подготовке флота, не утратили своего практического значения и в наши дни. Под руководством Лазарева Черноморский флот стал лучшим парусным флотом в мире, превратился в хорошо обученную и организованную боевую силу с необычайно спаянным личным составом... Самоотверженным трудом, всей своей жизнью, целиком отданной служению отечеству и флоту, *Михаил Петрович Лазарев навеки вписал свое имя в летопись русской военно-морской славы*».

Основные даты жизни и деятельности М. П. Лазарева

1788, 3 ноября (14 ноября по новому стилю) — Родился во Владимирской губернии в семье помещика Петра Гавриловича Лазарева.

1800, 3 февраля — Поступает в Морской кадетский корпус.

1803, 23 мая — Производство в гардемарины.

Июнь — август — Зачисление на корабль «Ярослав».

С 10 сентября 1803 по 30 апреля 1808 — Волонтер английского флота.

1808, 30 апреля — Возвращение из Англии на родину.

5 мая — Лазарев получает чин мичмана.

27 мая — 16 сентября — Плавание по Финскому заливу на корабле «Благодать», участие в боях против англо-шведского флота.

1809, 16 мая — 11 ноября — Плавание в Финском заливе на люгере «Ганимед».

1810, 23 мая — 11 ноября — Плавание в Финском заливе на бриге «Меркурий».

1811, 1 февраля — Производство в лейтенанты.

30 мая — 28 сентября — Плавание в Финском заливе на бриге «Меркурий».

1812, 21 июня — 5 ноября — Лазарев — участник Отечественной войны. Переход на бриге «Феникс» из Кронштадта в Ревель и Ригу, переход из Риги в Данциг с десантными войсками.

1813, 11 мая — 1 сентября — Плавание на «Фениксе» по Финскому заливу.

8 октября — Начало первого кругосветного плавания на корабле «Суворов».

1814, 27 сентября — Лазарев открывает в Тихом океане группу островов, которым дает название островов Суворова.

1816, 15 июля — Возвращение в Кронштадт из кругосветного плавания на «Суворове».

1819, 3 июля — Назначенный командиром шлюпа «Мирный», Лазарев вместе с Беллинсгаузенем, командиром шлюпа «Восток», и начальником первой русской антарктической экспедиции отправляется в южнополярное плавание.

1820, 16 января — Открытие экспедицией Беллинсгаузена — Лазарева

Антарктического материка.

8 мая — 9 сентября — Открытие в Тихом океане островов Россиян (Русских островов).

1821, 9—17 января — Открытие острова Петра I и берега Александра I в Антарктике

24 июля — Возвращение шлюпов «Восток» и «Мирный» в Кронштадт.

8 августа — В награду за успешно выполненное плавание (минуя чин капитан-лейтенанта) Лазарева производят в капитаны второго ранга.

1822, 17 августа — Командуя фрегатом «Крейсер», Лазарев отправляется в третье кругосветное плавание.

1825, 5 августа — Возвращение фрегата «Крейсер» в Кронштадт.

1 сентября — Лазарева награждают чином капитана первого ранга.

1826, 27 февраля — Назначение командиром 12-го флотского экипажа и находившегося в постройке в Архангельске 74-пушечного корабля «Азов».

5 августа — 19 сентября — Во главе отряда из кораблей «Азов»; «Иезекииль» и военного транспорта «Смирный» Лазарев совершает переход из Архангельска в Кронштадт.

1827, 10 июня — 6 октября — Командуя кораблем «Азов», совершил переход из Кронштадта в Наваринскую бухту на Средиземном море.

8 октября — Наваринское морское сражение.

10 декабря — Лазарев произведен в контр-адмиралы, а корабль «Азов» награжден георгиевским флагом.

1828, 2 ноября — сентябрь 1829 — Участие в блокаде Дарданелл.

1830, 14 марта — 12 мая — Приняв командование над частью русской средиземноморской эскадры, совершил без захода в порты переход от острова Мальта в Кронштадт.

29 августа — 29 сентября — Командуя отдельным отрядом военных судов, Лазарев плавал из Кронштадта до Свеаборга и обратно с десантными войсками.

1832, 17 февраля — Назначение Лазарева начальником штаба Черноморского флота и портов.

1833, 2 февраля — 11 апреля — Прибытие в Константинополь.

2 апреля — Лазарев получает чин вице-адмирала.

2 августа — Назначается исполняющим должность главного командира Черноморского флота и портов.

1834, 31 декабря — Лазарев — главный командир Черноморского флота и портов.

1835 — Начало строительства в Севастополе новых портовых

сооружений и адмиралтейства.

1838, 11 апреля — 18 мая — Во главе эскадры Черноморского флота Лазарев доставил десантные войска к устью реки Туапсе и успешно осуществил там его высадку. 13 ноября — Укреплению на реке Псезуапэ присвоено имя М. П. Лазарева.

1843, 10 октября — За особые заслуги Лазарев произведен в адмиралы.

1844, декабрь — Построено здание Севастопольской морской библиотеки.

1851, 11 апреля — Кончина Лазарева в Вене.

7 мая — Похороны в Севастополе.

ИЛЛЮСТРАЦІИ



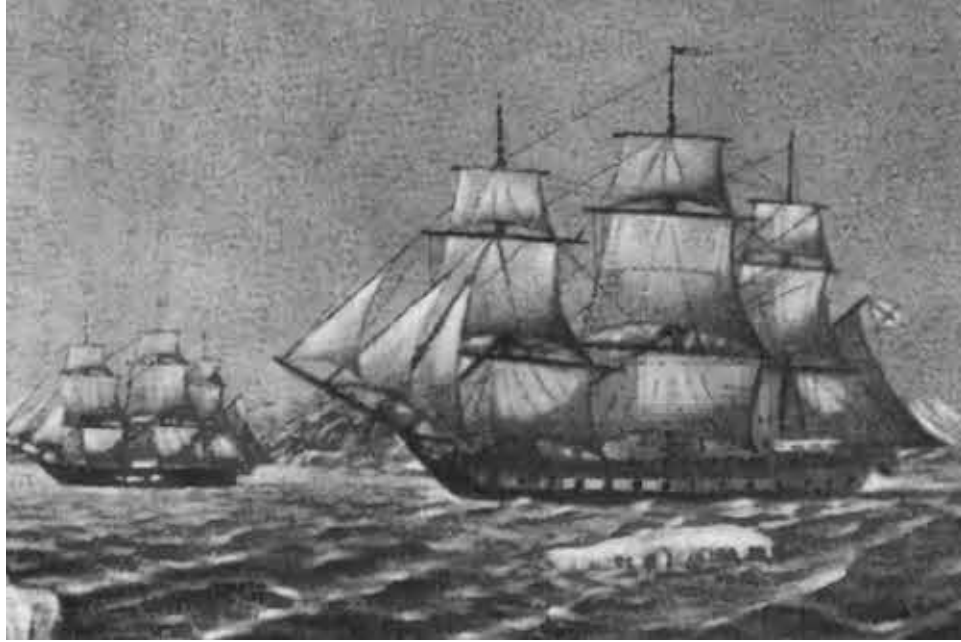
Сидней при его возникновении.



Русская Америка.



Ф. Ф. Беллинсгаузен.



Шлюпы «Восток» и «Мирный» в антарктических водах (1820 год). С картины М. М. Семенова.



Айсберги в Южном море.



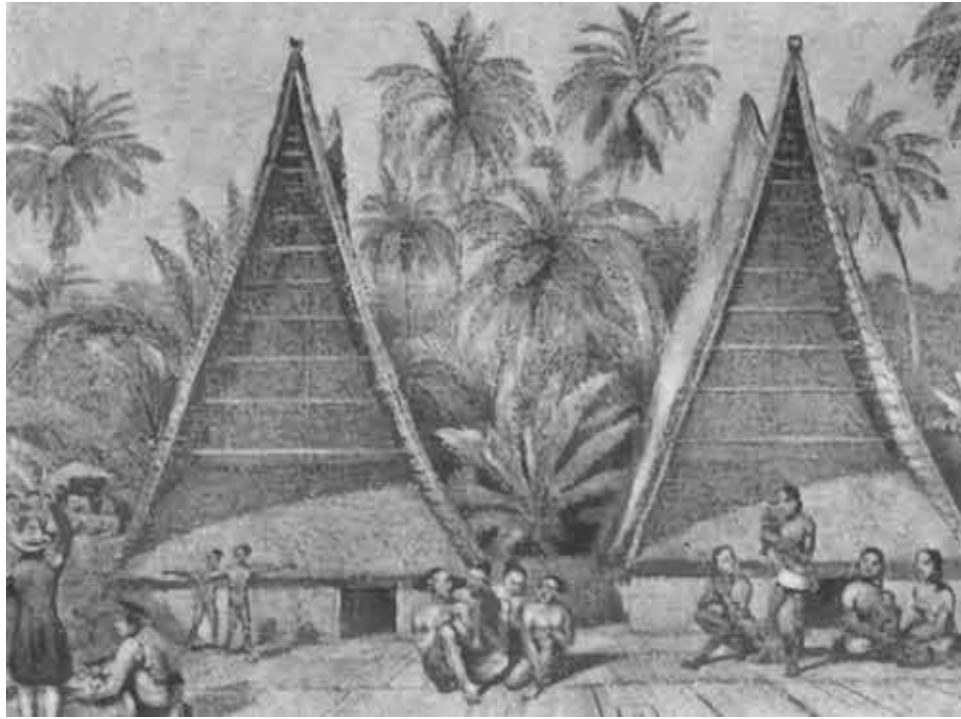
Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев на Новой Зеландии. Рисунок П. Михайлова.



Вид ледяных островов. Рисунок П. Михайлова.



Южное полярное сияние. Рисунок П. Михайлова.



В гостях у океанийцев.



Таити. Завтрак у короля Помаре. Рисунок П. Михайлова.



У Маркизских островов.



Фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладога» на пути из Дервента к Новой Зеландии.



М. П. Лазарев. 1827 год.



Эскадра Гейдена входит в Наваринскую бухту.

С картины И. К. Айвазовского.





Наваринское сражение 8 октября 1827 года.



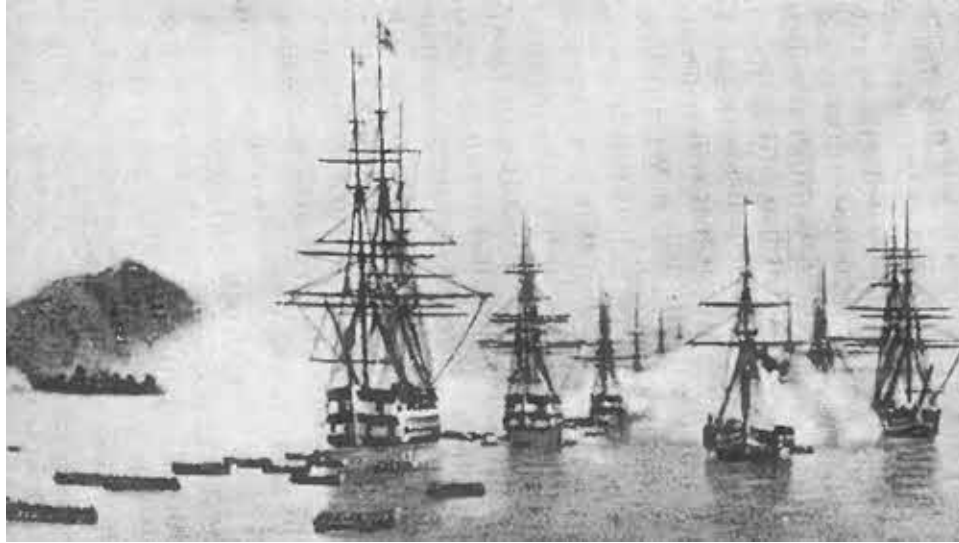
Восьмидесятичетырехлинейный корабль «Императрица Мария».



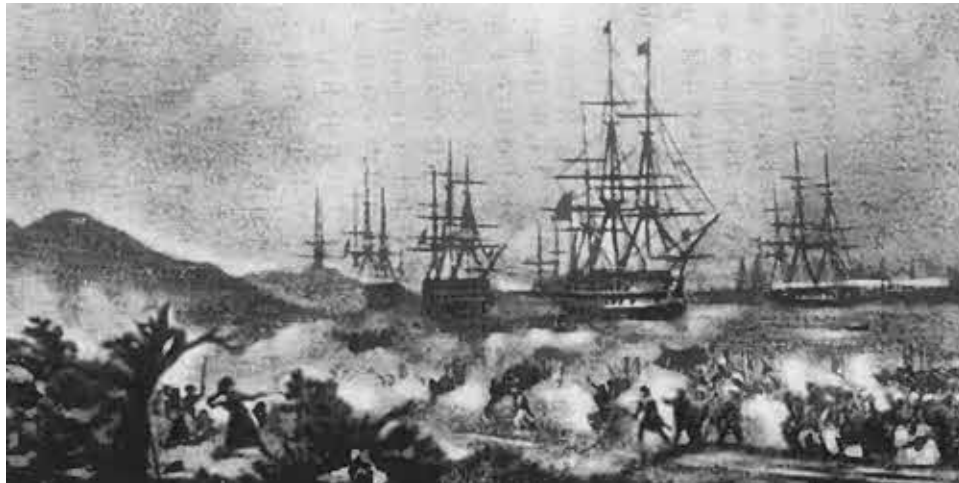
Новые доки в Севастополе.



Эскадра контр-адмирала Лазарева. Босфор. 1828 год.



Высадка десанта в районе Туапсе 12 мая 1838 года. С картины И. К. Айвазовского.



Высадка десанта на абхазском берегу 2 мая 1839 года.



М. П. Лазарев. 30-е годы. С картины К. П. Брюллова.



В. А. Корнилов.



П. С. Нахимов.



Памятник М. П. Лазареву. Севастополь.



Памятник Нахимову. Севастополь.

Кратная библиография

Адмирал М. П. Лазарев. «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», 1854, № 426.

Афанасьев Д. Открытие памятника адмиралу М. П. Лазареву. «Морской сборник», 1867, № 10.

Афанасьев Д. М., К истории Черноморского флота. С 1816 по 1853 г. «Русский архив», 1902, кн. 1.

Беллинсгаузен Ф. Ф., Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа «Восток». Шлюпом «Мирный» начальствовал лейтенант Лазарев. В двух частях. Изд. 3-е. Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями профессора Е. Ж. Шведе. Географгиз, М., 1960.

Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена в Южном Ледовитом океане и вокруг света. СПб., 1831.

Богданович Е. М., Наварин. 1827–1877. Изд. 2-е. М., 1877.

Броневский В., Наваринская битва. «Военный журнал», 1829, № 3 и 4.

Введенский Н. В., В поисках южного материка. Русская антарктическая экспедиция, 1819–1821 гг. Изд-во Главсевморпути, 1940.

Висковатов А., Исторические известия о Наварине. СПб., 1827.

Галкин Г., Письма Г. Галкина о плавании шлюпов «Восток» и «Мирный» в Тихом океане. «Сын Отечества», 1822, ч. 82; 1823, ч. 84.

Григорьев С. Г., Вокруг Южного полюса. Изд. 3-е. Учпедгиз, 1937.

Завалишин Д. И., Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822–1825 гг. под командой М. П. Лазарева. «Древняя и новая Россия». Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник, 1877 г., том II (V–VII), том III (IX–XII).

Закревский Н., Черноморский флот в Константинопольском проливе, 1833 (Записки врача морской службы). «Морской сборник», 1863, № 4.

Истомин В. К., Михаил Петрович Лазарев. Очерк. «Русский архив», 1881, кн. 2.

Истомин В. К., Адмирал Иван Семенович Унковский. Воспоминания В. К. Истомина. М., 1910.

Коргуев Н., Русский флот в царствование императора Николая I. «Морской сборник», 1896, № 7.

М. П. Лазарев, Документы под редакцией полковников К. И. Никульченкова и А. А. Самарова, т. I–III. Воениздат, М., 1952–1961.

Мельницкий В. П., История вмешательства России, Англии и Франции в войну за независимость Греции. «Морской сборник», 1861, № 2.

Мордвинов Р. Н., Наваринский бой. М., Госполитиздат, 1945.

Муравьев Н. Н., Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869.

Никульченков К. И., Адмирал Лазарев, М., Воениздат, 1956.

Новосильский П. М., Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера. СПб., 1853.

Осипов К., Как русские люди открыли Антарктику. Географгиз, 1950.

Островский Б. Г., Лазаревская школа. Журнал «Краснофлотец», 1941, № 7.

Островский Б. Г., О позабытых источниках и участниках Антарктической экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева. Известия Всесоюзного географического общества, 1949, № 2.

Островский Б. Г., Новое об историческом походе Беллинсгаузена — Лазарева в Антарктику. Журнал «Звезда», 1949, № 2.

Палеолог Г. и Сивинин, Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867.

Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову. «Морской сборник», 1918, № 1 — 12.

Рыкачев А. П., Год Наваринской кампании. 1827 и 1828 гг. Кронштадт, 1877.

Русские открытия в Антарктике. Сборник. Географгиз, 1951

Соколова. В. и Кушнарев Е. Г., Три кругосветных плавания М. П. Лазарева. М., Географгиз, 1951.

Узин С. В. и Юсов Б. В., М. П. Лазарев. М., Географгиз, 1952.

Филиппсон Г. И., Воспоминания. «Русский архив», 1883, кн. 3.

Хрипков А. П., Рассказы о М. П. Лазареве. «Русский архив», 1877, кн. 2.

Шведе Е. Е., Открытие Антарктиды русскими мореплавателями. М., «Знание», 1952.

Шведе Е. Е., Статья о М. П. Лазареве в книге «Люди русской науки», «Геология и география», 1962.

INFO

Островский Борис Генрихович
ЛАЗАРЕВ. Под ред. адмирала Е. Е. Шведе. М., «Молодая гвардия», 1966.

176 с. с 8 л. илл. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 5(422)).

Редактор *С. Резник*

Серийная обложка *Ю. Арндта*.

Рисунок на обложке и заставки *Ю. Нолева-Соболева*

Художественный редактор *А. Степанова*

Технический редактор *И. Егорова*

A01138. Подп. к печ. 25/IV 1966 г.

Бум. 84x108 1/32. Печ. л. 5,5(9,24) + 8 вкл.

Уч. — изд. л. 11,6. Тираж 65 000 экз. Заказ 95.

Цена 54 коп. Т. П. 1966 г., № 419.

Тип. «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».

Москва; А-30, Сущевская, 21.

notes

Примечания

1

Все даты даны по старому стилю.

Тендеры — самые маленькие палубные одномачтовые военные суда длиной до 22 метров.

Командир отряда вице адмирал Ханьков за проявленную им нераспорядительность уклонение от боя с англичанами и оставление на произвол судьбы корабля «Всеволод» был судим адмиралтейств-коллегией и приговорен к разжалованию в матросы. Но Александр I «во уважение прежней его службы» приговор отменил.

Люгер — небольшое низкобортное узкое быстроходное судно, имевшее три мачты с косыми парусами

Шлюпами назывались военные корабли, предназначенные в кругосветные плавания; по своим размерам они соответствовали фрегатам. Суда, шедшие под коммерческим флагом, обозначались тогда кораблями.

6

Так называлась в то время Австралия.

Уналашка — один из островов Алеутской группы.

В 1821 году была торжественно провозглашена независимость Перу, а генерал Сан Мартин избран первым президентом республики.

«Первая русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг.». Карта введена в научный обиход доктором исторических наук М. И Беловым. При карте сборник статей (166 стр.). Ленинград, 1963.

Книга Новосильского «Южный полюс» была впервые обнаружена автором настоящего труда писателем Б. Г. Островским, по его инициативе она была переиздана в 1949 году Географгизом. В выдержки из нее помещены в первом томе документов о И. П. Лазареве (Военно морское издательство, Москва, 1952). в. Г. Островский посвятил труду Новосильского ряд статей (см. «Библиографию» в конце книги). — Ред.

То есть ветры в высших слоях атмосферы и вблизи поверхности Земли.

Предшественники современных шаров-пилотов.

Смерчи.

Подробная рабочая инструкция была обнаружена Б. Г. Островским в Государственном историческом архиве в Ленинграде и опубликована им в «Известиях Всесоюзного географического общества». 1949, № 2.

В Центральном военно морском музее в Ленинграде имеется экспонат — точная модель шлюпа «Восток». Воссоздана эта модель по найденным в фондах Военно-морского архива чертежам шлюпа, подписанным корабельным мастером, инженером Амосовым.

Экипажи шлюпов «Восток» и «Мирный» состояли сплошь из молодежи. Самому «старому», капитану Беллинсгаузену, во время плавания исполнилось 40 лет.

Один фут равен 0,304 метра. Измеренная высота равняется примерно 3505 метрам.

Невольно хочется сопоставить впечатления моряков экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева, увидевших первый айсберг, с такими же впечатлениями советских моряков, после 128-летнего перерыва снова посетивших Антарктику. «В полночь, когда мы находились на 49-й параллели, — вспоминает штурман В. Мороз, — на фоне темной ночи были замечены голубоватые пятна. Это были айсберги. Моряки столпились у борта, рассматривая плавучие «ледяные острова». Часа через два айсбергов стало так много, что через каждые 5—10 минут приходилось менять курс. Теперь капитану нельзя было уходить с мостика — айсберги шли «семьями». Океан окутывали туманы. В редкие дни, когда появлялось солнце, взору открывалась чудесная картина: ярко блистало снежное покрывало, нежными голубоватыми красками, меняя тона, светились ледяные башенки, зубцы и грани айсбергов. Волны разбивались о льды, взлетали фонтанами брызги, загорались всеми цветами радуги. Мы вступали в южный полярный океан».

Остров Торсона после восстания декабристов, в котором участвовал Торсон, был переименован в остров Высокий.

Южный Тюле, или Туле, — остров на крайнем юге, названный так Дж. Куком в противоположность острову Исландии, который в древности обозначался тем же именем и считался крайним островом на севере.

Выделение р а з р я д к о й, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами здесь и далее по тексту заменено курсивом. — *Примечание оцифровщика.*

Скула — изгиб у носовой части корабля, где борт переходит к форштевню.

См. прим. 21

Вопреки международным традициям впоследствии на английских и других европейских картах все эти острова получили новые названия.

Следует отметить, что Беллинсгаузен отклонял попытки своих спутников назвать его именем один из открытых им островов. Море Беллинсгаузена получило его имя после смерти самого Беллинсгаузена.

Клотик — кружок, укрепляемый на вершине мачты. В клотике имеются отверстия, через которые продевается снасть для подъема флагов или фонарей.

«Только моряку понятно, какая огромная работа была выполнена командным составом экспедиции, чтобы достигнуть такой точности определения места острова», — так характеризует профессор Ю. М. Шокальский работу Лазарева. Впоследствии положение его, определенное с помощью более совершенных приборов, оказалось $68^{\circ}57'$ южной широты и $90^{\circ}46'$ западной долготы. Остров на 1200 метров поднимался над уровнем моря.

Бом-утлегарь — продолжение бушприта.

Лазареву удалось определить следующие координаты Берега Александра I: $68^{\circ}3'$ южной широты и $73^{\circ}10'$ восточной долготы.

В записи от 25 января 1821 года Беллинсгаузен категорически свидетельствует, что никаких исследовательских задач Пальмер перед собой не ставил и дальше района Южных Шетландских островов не заходил.

Капитан Смит, о котором было упомянуто выше, по словам Пальмера, набил за четыре месяца свыше 60 тысяч котиков. Разумеется, хищник не смог использовать такое огромное количество убитых животных и оставил их на месте. Вскоре котики были здесь совершенно истреблены.

Эрросмит — известный английский картограф.

Шпигаты — отверстия в борту корабля, через которые вода стекала с палубы в море.

Экипаж «Крейсера» состоял из 191 человека, из них 176 матросов.

Штормовое приключение «Крейсера» в Английском канале послужило темой для картины «Фрегат «Крейсер» во время шторма», которая находится в Центральном военно-морском музее в Ленинграде.

Тали — канаты, пропущенные в двойные или тройные блоки, для поднятия тяжестей на корабле.

Триселями назывались изобретенные Лазаревым дополнительные, косые, четырехугольные паруса. При умелом обращении с ними триселя значительно увеличивали маневренность корабля. Принятые и в зарубежных флотах, триселя не раз выручали мореплавателей во многих затруднительных случаях.

«Крейсер» был выстроен в Архангельске известным судостроителем Курочкиным.

В 1882 году были изданы «Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания фрегата «Крейсер» под командою капитана 2 го ранга Лазарева II в 1822, 1823, 1824, 1825 годах». Это показывает, что и через 60 лет эти наблюдения представляли большую научную и практическую ценность. Выполнялись они всеми офицерами под руководством Лазарева.

Адмирал Гейден (1772–1850), по происхождению голландец, успешно действовал против французов при блокаде Данцига в 1813 году. После блестящей Наваринской кампании и последующей блокады турецкого побережья, вернувшись в Россию, был назначен командиром 1-й флотской дивизии. С 1838 года Гейден занял пост главного командира Ревельского порта.

Брать рифы — то есть с помощью особых, продетых сквозь паруса завязок уменьшать их площадь.

Брандеры — небольшие суда с легковоспламеняющимся горючим, суда зажигают и пускают плыть по ветру или течению на вражеские суда с целью поджечь их.

Летом 1904 года греческие водолазы подробно обследовали дно Наваринской бухты. На этом подводном кладбище они обнаружили много судов турецко-египетской эскадры еще в таком состоянии, что можно было прочесть их названия. Но попытка поднять один из кораблей не удалась — он распался на части. На поверхность извлекли лишь несколько орудий со станками, носовые украшения, блоки и разные мелкие предметы.

Георгиевский флаг, введенный Петром I, впервые в истории русского флота был пожалован «Азову». Всего же было лишь два случая, когда кораблям был присужден этот флаг: «Азову» и «Меркурию». Имена этих кораблей навсегда остались в русском флоте: корабли, принявшие георгиевский флаг, назывались «Память Азова», «Память Меркурия».

В угоду общественному мнению Георг IV наградил адмирала Кодрингтона высшим орденом, но тут же добавил, что по справедливости «Кодрингтон заслуживает не награды, а веревки». Спустя некоторое время Кодрингтон был призван к ответу за «бесчеловечное избиение турок» и уволен в отставку.

Дагерорт — западная оконечность острова Даго, на границе Балтийского моря и Финского залива.

После оправдания Игнатьева по данному делу он был произведен в контр-адмиралы.

К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 439.

Назначение Лазарева состоялось 23 ноября 1832 года.

А. Ф. Орлов, князь, генерал: русский посол в Турции и главнокомандующий всех русских вооруженных Сил в Константинополе.

Сизополь — турецкий город и военный порт в Бургасском заливе на берегу Черного моря. Здесь в 1829 году русская эскадра под командой контр-адмирала Кумани разгромила турецкие батареи.

В исполнение обязанностей главного командира Черноморского флота М. П. Лазарев вступил 8 октября 1833 года. На следующий год, 31 декабря он был утвержден в этой должности, а также и военным губернатором городов Николаева и Севастополя.

Из записок И. А. Шестакова о Черноморском флоте в период командования им М. Н. Лазарева.

Лейтенант Иван Семенович Унковский, которого Лазарев знал с детства, был сыном его друга Семена Яковлевича Унковского, совершившего с ним кругосветное плавание на «Суворове».

Диль — английский порт, известный строительством легких, преимущественно спортивных судов.

Понт Эксинсий — древнегреческое название Черного моря.

Береговые черноморские военные базы представляли собой форпосты для сухопутных войск, а не для флота.

К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211,

Большое внимание уделял Лазарев также развитию Николаевского военного порта с его превосходной базой для постройки и ремонта судов. Он разработал план реконструкции адмиралтейства, выстроил три новых эллинга. Были сооружены шлюпочная, канатная, конопатная и мачтовая мастерские, кузница, казармы на три тысячи человек.

В личной библиотеке адмирала Е. Е. Шведе хранится том сочинений Байрона на английском языке с экслибрисом М. П. Лазарева.

У Лазарева было пять человек детей — три дочери и два сына: Татьяна, Анна, Александра, Николай и Петр.

Если судить по репродукциям с портретов Лазарева, трудно назвать его лицо добродушным. Но дело в том, что уговорить Ми хайла Петровича позировать художникам было очень трудно. Он едва высиживал сеанс до конца, почему и выражение лица получалось у него недовольное, скучающее.

Лучший портрет Лазарева находится в военно-морском музее в Ленинграде. Есть и другой портрет Лазарева работы К. П. Брюллова на фоне морского пейзажа, написанного И. К. Айвазовским. Находится этот портрет в военно-историческом музее в Севастополе. Были и другие портреты.

В письме к Шестакову от 22 января 1846 года сам Лазарев так отзывается об одном из них: «Рожка моя срисована была здесь по желанию весьма многих подписчиков, для чего я и принужден был посидеть не один раз! Рисовал ее некто Шведе, а гравирована в Англии весьма известным гравером Томсоном: мне и самому кажется, что портрет похож, впрочем Шведе ничего непохожего и сделать не может — талант его насчет сходства удивительный!»

Шестаков Иван Алексеевич, сын друга и сослуживца М. П. Лазарева А. А. Шестакова, выдающийся моряк, впоследствии адмирал, управляющий морским министерством, создатель Ороненосного Черноморского флота, построенного на русских заводах.